

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Лидолия НИКИТИНА

возвращение к читателю

С ВЫСОТЫ МИНАРЕТА...

Литературные миниатюры

Кажется, через миг, другой, минуя предутреннюю темень, увижу перед собой лик родного города!

Но как бы близко в снах и грезах Ташкент ни оказывался передо мной, прикосновения моих рук к чинарам, розам, прохладным арычным струям – неощутимы...

И все потому, что ты, Ташкент, продолжаешь дышать своими райскими ароматами, течь прохладными струями Анхора и шуметь раскидистыми кронами чинар, не рядом, как это было прежде, – лишь в моей благодарной памяти!

Тимур ГУЛЯМОВ

проза

ПЛЯШУЩИЙ МЕДВЕЖОНОК МЕМИ

Рассказ

Меми неплохо проводит время. В отличие от многих других танцующих медведей, у него есть наставник, который о нем заботится, кормит-поит, каждый день меняет солому в клетке. С таким вот «своим человеком» Меми гастролирует по стране и радует людей косолапыми танцами.

И всё же Меми чувствует себя не вполне счастливым. Он никогда в жизни не видел леса, мечтает о бездонном небе, зелёных лужайках, широких полях, высоких деревьях. ... Меми чувствует – есть в этой жизни ещё что-то... другое...

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

караван истории

РИММА-ХАНУМ

Было это в кабинете заведующего поэзией и прозой журнала «Звезда Востока» писателя Михаила Кирилловича Гребенюка, автора замечательных книг: «Дневник следователя», «Машина путает след», «На участке неспокойно» и других.

– Знакомся: Римма Казакова, – представил он гостью.

– А я уже знаком, – сказал я.

– Как? – удивилась Казакова.

– По стихам.

– Ну, да, – улыбнулась она.

ДОРОГА К ПАРПИ-АТА

Эссе

Если окинуть взглядом все творчество Татьяны Немцовой, то перед нами предстанет удивительно самобытный и великолепно мыслящий художник. Но можно ли познать все ее творчество? Всегда, как говорят сегодня, «останется за кадром» огромный океан еще не открытых нами ее интеллектуальных вершин. Так как же познать тот мир, в котором творила эта изумительная художница?

Старый пенёк...

Не властна над духовностью природа,
Ей даже время года – не указ,
И, может быть, в любое время года
Вдруг расцветет Весна в душе у нас.

Порой нечеловеческие силы
Ее не в состоянии сломить,
И даже проводив нас до могилы,
Душа вне тела продолжает жить.

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Гуманитарная культура вооружает человека целостным, системным пониманием мира в области духовной и социальной жизни подобно тому, как естественнонаучное образование воспитывает адекватное понимание мира физической природы. Именно и только гуманитарные науки способны сформировать общеисторическое мышление, знание и понимание своих корней, истоков, оценку перспектив. В то же время через воспитание масштабности мировосприятия и мироощущения они способствуют вовлечению человека в общечеловеческое, общегуманистическое культурное пространство.

СОДЕРЖАНИЕ

О праздновании 80-летия со дня рождения Народного поэта Узбекистана Эркина Вохидова. Постановление Президента Республики Узбекистан.....5

ПРОЗА

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Александрийский перевал. Рассказ. ...8
Тимур ГУЛЯМОВ. Пляшущий медвежонок Меми. Рассказ. ...38
Вика ОСАДЧЕНКО. Психология творчества. Рассказ.40
Николай ИЛЬИН. Опции и функции. Юморески.140

ПОЭЗИЯ

Владимир КУДРЯВЦЕВ. Старый пень...48
Сергей ГОРДИН. Не надо спешить с побегом.78
Андрей СЛОНИМ. ...уменьше видеть Свет и Зло.82
Олег КОТЕНКОВ. Дарю тебе созвездий гроздь.135

ПЕРЕВОДЫ

Алишер НАВОИ. Муножот. Перевод со староузбекского Davrona. Комментарии академика Азиза Каюмова.24
Озод МУМИН. Любить робота. Перевод с узбекского Спартака Ахметова.51
Тагай МУРАД. Тарлан. Повесть. Перевод с узбекского Германа Власова и Вадима Муратханова.93

КАРАВАН ИСТОРИИ

Николай КРАСИЛЬНИКОВ. Римма-ханум.57
Наим КАРИМОВ. Юбилей в осажденном Ленинграде...126
Нафиса ГИЛЬМАНОВА. Сады Темуридов.145

ПУБЛИЦИСТИКА

Давлятбек САБДУЛЛАЕВ. Роль лингвистического компонента в гуманизации общества.6

НОВЫЕ ИМЕНА

Елена КАССЕЛЬ. Ежедневник. Рассказ.68
Мурад ЯКУБЖАНОВ. Лепестки срывая наугад.71
Татьяна ОСИНА. Грани мира. Литературные миниатюры. ...143
Алексей БОРЫЧЕВ. Ловец хрустальных состояний.137

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЕВ. Дорога на Парпи-Ата. Эссе.86

ПАМЯТИ МАСТЕРА

А. Файнбергу.33
Бах АХМЕДОВ. Встреча в час разлуки.34

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Рафаэль АХМЕДОВ. Жанр антиутопии в современной литературе.132
Адхамбек АЛИМБЕКОВ. Горизонты переводоведения.121
Канимкул ТАДЖИЕВ. Модификация сонета в теории и практике жанра.149

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Лидолия НИКИТИНА. С высоты минарета... Литературные миниатюры.73

Хроника литературной жизни152

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Татьяны Немшович.

Материалы в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» отмечены эмблемой Общественного фонда при Олий Мажлисе.

Звезда Востока

2016 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 16. 12. 2016 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 600 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД имени Гафура Гуляма.

г. Ташкент, Шайхантахурский район,
ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Постановление Президента Республики Узбекистан**О ПРАЗДНОВАНИИ 80-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НАРОДНОГО ПОЭТА УЗБЕКИСТАНА ЭРКИНА ВОХИДОВА**

Учитывая огромное значение творческого наследия выдающегося поэта и писателя, известного государственного и общественного деятеля, Героя Узбекистана Эркина Вохидова, внесшего большой вклад в развитие узбекской литературы и культуры, воспитание молодого поколения в духе любви и преданности Родине, национальных и общечеловеческих ценностей, а также в целях широкого празднования 80-летия со дня рождения поэта и увековечения его памяти:

1. Одобрить предложение Союза писателей Узбекистана, Министерства по делам культуры и спорта, Республиканского центра духовности, общественного движения молодежи «Камолот» и представителей общественности о широком праздновании 80-летия со дня рождения народного поэта Узбекистана Эркина Вохидова и увековечении его памяти.

2. Утвердить состав Организационного комитета по подготовке и проведению 80-летия со дня рождения народного поэта Узбекистана Эркина Вохидова согласно приложению.

3. Организационному комитету разработать в 10-дневный срок совместно с соответствующими министерствами и ведомствами, Советом Министров Республики Каракалпакстан, хокимиятами областей и города Ташкента план юбилейных мероприятий, в котором предусмотреть:

- подготовку к изданию и выпуск сборника произведений Эркина Вохидова «Избранное» на узбекском языке, его поэтических сборников, переведенных на английский и каракалпакский языки;

- создание документального фильма о жизни и творческой деятельности поэта;

- создание и установку памятника народному поэту Узбекистана Эркину Вохидову в установленном порядке;

- установку мемориальной доски на доме в городе Ташкенте, где жил поэт;

- проведение в Ташкентском государственном университете узбекского языка и литературы имени Алишера Навои научной конференции на тему: «Роль и значение творчества Эркина Вохидова в духовной жизни нашего народа»;

- организацию в высших и средних специальных, профессиональных, средних общеобразовательных учебных заведениях, воинских частях, трудовых коллективах и махаллах страны тематических встреч, литературных вечеров с участием известных писателей и ученых, деятелей искусства;

- постановку в республиканских театрах ставившихся ранее спектаклей по произведениям Эркина Вохидова;

- проведение в последней декаде декабря 2016 года в Узбекском Национальном академическом драматическом театре литературно-художественного вечера памяти, посвященного 80-летию народного поэта Узбекистана.

4. Национальному информационному агентству, Национальной телерадиокомпании Узбекистана и другим средствам массовой информации рекомендовать подготовку цикла теле- и радиопередач, статей в печати о жизни и творчестве Эркина Вохидова, а также широкое освещение юбилейных мероприятий.

5. Контроль за исполнением данного постановления возложить на Государственного советника Президента Республики Узбекистан Х. М. Султанова и заместителя Премьер-министра Республики Узбекистан А. Н. Арипова.

**Исполняющий обязанности
Президента Республики Узбекистан**

г.Ташкент,
7 декабря 2016 г.

Ш. МИРЗИЁЕВ

публицистика

**Давлятбек
САЪДУЛЛАЕВ**

Кандидат филологических наук.
Родился в 1947 г.
в Ташкенте. Автор
многочисленных
монографий,
учебных пособий,
словарей,
научных статей.

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Мощным фактором компенсации издержек научно-технической революции, негативных процессов в области социальной жизни, кризисного состояния общественного сознания является гуманизация общества и личности, направленная на сохранение и повышение гуманитарной культуры. Как одну из причин наблюдающихся сегодня признаков духовного обнищания человека, девальвации нравственных и эстетических ценностей, утраты культурно-исторической памяти следует рассматривать дефицит гуманитарной культуры. В связи с этим Ю. Н. Афанасьев, например, отмечает, что в переходный период, когда очень многое неясно и требует осмысления, гуманитарии – историки, философы, филологи, искусствоведы – должны играть более значительную роль.

Гуманитарная культура вооружает человека целостным, системным пониманием мира в области духовной и социальной жизни подобно тому, как естественнонаучное образование воспитывает адекватное понимание мира физической природы. Именно и только гуманитарные науки способны сформировать общеисторическое мышление, знание и понимание своих корней, истоков, оценку перспектив. В то же время через воспитание масштабности мировосприятия и мироощущения они способствуют вовлечению человека в общечеловеческое, общегуманистическое культурное пространство. Решение задач гуманизации общества должно осуществляться в контексте создания соответствующей реальности и потребностям времени и места системно-целостной интегрированной концепции гуманитарного образования, которая отражала бы не только путь познания мира, но и саму структуру мира, включая мир природы, мир человеческого сообщества и культуры, мир духовности человека.

Часто множественные представления об окружающей среде и среде жизнедеятельности человека неадекватны принципам целостности и единства природной, социальной и духовной среды обитания. Необходимо осознание единства законов бытия. Требуется определение состава и иерархии гуманитарных дисциплин, непрерывность, преемственность и многовариантность их усвоения. Решение этих задач должно быть сопряжено с изучением и выявлением элементов взаимосвязи и взаимодействия гуманитарных дисциплин с естественнонаучными и техническими, а также с дисциплинами общенаучными и узкоспециальными. Более того, гуманитарный подход должен быть возведен на уровень методологического принципа современной науки, образования и воспитания. Базовыми предпосылками при этом должны стать не только осознание, но и философское осмысление личности и обществом самой социальной и духовной сущности человека, его гуманистической природы, его места и роли в современном мире.

Важнейшим аспектом гуманизации мира должно стать более широкое и глубокое, фундаментальное освоение сферы языкознания, особые возможности которой вытекают из уникальной природы языка. Не теряют своей актуальности слова В. А. Звегинцева:

«До сих пор не нашел должной оценки тот факт, что вся индивидуальная и социальная жизнь человека проходит в языковой среде и что человек думает, чувствует, решает свои проблемы, творит, работает, будучи погруженным в язык, и язык пронизывает все области деятельности человека, властно вторгаясь в них». Поэтому человек отражается в языке и в языковых текстах (в первую очередь в художественной литературе) как чувствующая, мыслящая, творческая, развивающаяся личность, наделенная нравственно-этическими качествами, исторически конкретным правосознанием. Здесь находят отражение и отношение человека к миру вещей, к миру людей, его собственные личностные качества, его ментальность, одним словом, человек – это языковая личность. Поэтому посредством языка, через язык человек познает не только внешний для него мир действительности, но и самого себя. Изучение языка в значительной мере компенсирует ту диспропорцию, которая существует между «внешними» и «внутренними» знаниями, способствуя тем самым гуманизации личности, ее гармоническому развитию.

Возникнув на самой заре человечества, исторически одновременно с человеком, язык представляет собой одно из высших достижений человеческого духа, его величайшее культурно-историческое приобретение. В соответствии с насущной потребностью в общении язык развивает ведущие функции языка – коммуникативную и когнитивную, с которыми взаимодействуют все остальные его функции в ходе исторического развития языка – вместе с развитием самой действительности и человеческим познанием. Язык связывает людей и их сообщества, разделенные временем и пространством, способствуя тем самым интеграции человечества в рамках единой планетарной цивилизации. Язык специфическим образом аккумулирует в себе все человеческие знания о мире, весь социальный, духовный и эстетический опыт человечества, отражая содержание и закрепляя в соответствующих материальных формах результаты познания мира в любой области. «Национальный язык – это не только средство общения, система для передачи сообщений, национальный язык в потенции как бы “заместитель” русской культуры». Эти слова Д. С. Лихачева относятся конечно же к любому языку и культуре. «Язык является, – продолжает Д. С. Лихачев, – неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности, сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации».

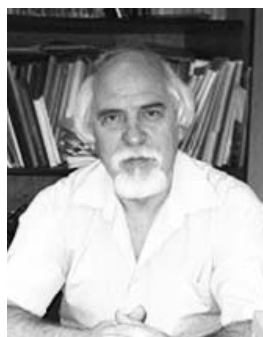
Именно средствами языка осуществляется категоризация мира, концептуализация знаний о нем, и в результате создается база для дальнейшего познания и освоения действительности, а средства языка выступают при этом в качестве важнейшего инструмента познания мира. Язык не просто отражает в конкретных национально-культурных преломлениях внеязыковую действительность, в нем находит выражение само свойство системности мира действительности в его статике и развитии, существующего как объективная данность, не зависящая от языка и от познающего этот мир субъекта. Поэтому язык и сам обладает всепроникающим и всеохватывающим свойством системности и конкретности, это свойство присуще языку в силу объективного характера его собственного бытия.

В свете задач гуманизации общества ясно, что лингвистический компонент этого процесса не может ограничиваться лишь ролью освоения материи и техники языка в виде основ орфографии, пунктуации и даже воспитания языковой компетенции личности. Решению задач интегрированной гуманизации общества должно служить также изучение сущности природы языка как специфического общечеловеческого явления. Выработка естественнонаучного представления о языке требует рассмотрения по крайней мере следующих узловых вопросов: происхождение и развитие языка; вариативность и взаимодействие языков; социальная роль того или иного языка в современном мире; основные функции языка как важнейшего средства общения; отражательная способность языка: языка как орудия мышления и познания мира, языка как сокровищницы человеческого опыта, языковой картины мира; взаимосвязь языка и языковой личности; взаимообусловленность языка и культуры; структура языка как явление действительности: его содержательное ядро, материя и иерархия словаря и т. д.

Общелингвистические знания должны занять достойное место во всех плоскостях образовательной парадигмы, позволяя оперировать доступным каждому человеку уже с детства языковым материалом, являющимся важной ступенью формирования естественнонаучного мировоззрения. Входящие в категориально-понятийный аппарат лингвистики общенаучные понятия (такие, как единица, отношение, система, структура, выражение, форма, функция и т. п.) дают возможность использовать их в познавательном процессе, позволяя воспринять мир действительности, отраженный в языковой картине мира, более зримо, целостно, масштабно, в его естественных структурных связях.

Формирование научно-лингвистической компетенции способствует углублению и совершенствованию собственно языковой компетенции как одного из условий гуманизации личности и общества. Без лингвистического компонента знания современного человека не могут иметь фундаментального характера.

проза

**Владимир
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1948 году в Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член СП Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук. Живет в Ташкенте.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Рассказ

Председатель Химического комитета при Главном Артиллерийском управлении генерал-лейтенант Ипатьев Владимир Николаевич, как обычно, за час до начала рабочего дня, изучал бумаги. В отдельной папочке лежали материалы для научного анализа. Именно они и доставляли профессору Ипатьеву особое удовлетворение. Без них его жизнь и интеллект растратились бы на бесконечную суету по запуску казенных химических заводов и частных предприятий, производящих взрывчатые вещества. Не лежала его православная душа к этим смертоносным соединениям, но война есть война. И не Россия первой применила их на поле боя.

Сегодня в папочке лежала только одна стопочка листов в простой картонной обложке без какого бы то ни было титула.

«Ваше превосходительство! – без обиняков приступал к делу неизвестный корреспондент. – Предлагаю Вашему вниманию мои скромные соображения по военному применению некоторых растительных ядов российского происхождения. Практикуя в качестве земского доктора, я провел исследования по воздействию оных ядов на человеческий организм. Коллега мой – знахарь потомственный – меня и надоумил, всем ядам и противоядиям обучил. Прослышав, что противники наши применили ядовитые газы для отравления солдат союзных войск, понял, что не могу оставить сие злодейство безнаказанным. Газы надо применять с большим умом и осторожностью. Как врач, я обязан свято блюсти заповедь: “Не убий!” Суть моего предложения в том и состоит, чтобы не убивать, а выводить из дееспособного состояния, не доставляя при этом невыносимых мук.

Если сочтете конкретные предложения достойными внимания, для Вас не составит труда вызвать меня для деловой аудиенции.

С глубочайшим почтением профессор медицины Иванов Петр Никифорович».

«Да, тут он прав, – согласился Владимир Николаевич, – с умом и осторожностью, с учетом направления ветра и желательно локально, а не массово...»

Автор письма не произвел на Ипатьева впечатления одержимого безумца, тем не менее приходилось хотя бы поверхностно вникать и оценивать – и безумца может посетить гениальная мысль.

Записка была четко структурирована: сырье, способы извлечения ядов, их применение, рецепты противоядий.

Генерал-лейтенант внимательнейшим образом все это изучил и поручил секретарю пригласить на следующий же день автора столь любопытного документа.

Петр Никифорович оказался человеком лет пятидесяти, роста среднего, плотный, но без жирка. Волосы русые, густые, не тронутые сединой, да и лицо под стать – свежее и упругое, в оторочке пышной окладистой бороды. Глаза синие, с иронической искоркой выдавали дух умный и чистый. Располагал к себе профессор Иванов сразу.

После произнесения этикетных фраз собеседники заняли позицию «лицом к лицу».

– Итак, уважаемый Петр Никифорович, я изучил вашу ученую записку. В ваших записях чувствуется профессиональная инженерно-технологическая проработка, – заметил генерал.

– У меня есть команда единомышленников: химик-технолог, оружейник, мой коллега знахарь, о коем я писал вам. У них – свои помощники.

Ипатьев удовлетворенно кивнул:

– Для столь нового дела нужна именно команда единомышленников-энтузиастов.

– Не столь уж новое, – улыбнулся Петр Никифорович.

– Что, германцы уже применили? Или союзники? – беспокоился генерал-лейтенант.

– О нет! – отрицательно покрутил головой специалист по ядам. – Я имел в виду исторические прецеденты. Китайцы применяли яды в военных кампаниях еще в начале нынешнего тысячелетия. А европейцев с ними познакомили нынешние граждане российской империи татары, когда воевали Европу в 1241 году, направляясь от Киева в Венгрию, а по пути опустошили Малую Польшу. Я даже наизусть выучил фрагмент одной польской хроники о событиях тех времен:

«И была там в их войске среди других хоругвей одна очень большой величины. На вершине ее древка висела глава зело уродливая и чудовишная с бородой, и когда татары единой стаей показали тыл и собрались отступить, знаменосец начал главой этой махать изо всех сил, и в тот же миг с нее повалил густой дым, причем такой смрадный, что, когда среди войска разошлась эта убийственная вонь, поляки сомлели и еле живые стояли и не способными стали для битвы».

Типичное наркотическое воздействие. И это почти семь веков назад. Грешно пренебрегать столь действенным и, я бы сказал, весьма гуманным оружием. Враг будет пребывать в оцепенении, находясь в полном нашем распоряжении.

– Летальный исход исключен?

– Нет, к сожалению, – вздохнул профессиональный отравитель. – При массовом применении невозможно в безопасной пропорции распределить поражающий препарат между... пациентами. Но война есть война: кто к нам с мечом, тот, сами знаете...

– Я вас предоставляю заботам моего помощника, который проинструктирован. Вам выделено производство, которое вы можете приспособить к своим нуждам. Необходимые заказы предоставьте выполнять ему же. Через него же организуйте и снабжение производства исходным сырьем. По ходу дела мы с вами будем обязательно встречаться. Но сроку вам даю до первых результатов не более месяца. Нужда велика...

В назначенный срок уложились – в объемах достаточных для первых полевых испытаний. Руководство утвердило применение химического оружия на юго-западном и западном фронтах. После продолжительной артиллерийской подготовки пушечное мясо противника перемешивалось с землей в основном на переднем крае его обороны. А артиллерийские батареи располагались чуть глубже. Туда преимущественно и летели снаряды с удушающим хлорпикрином, ядовитыми фосгеном и венсинитом. И никто, кроме командования войсками, не знал, что наряду с химическим оружием испытывалось наркотическое, галлюциногенное. Полевой генерал-инспектор артиллерии телеграфировал генерал-лейтенанту Ипатьеву о том, что в майском и июньском наступлении 1916 г. химические снаряды и специальные «Ваши гостинцы» доказали высокую эффективность как при подавлении артиллерийских батарей, так и при нейтрализации живой силы противника.

Многие батареи противника, не подвергавшиеся обстрелу обычными снарядами, в целостности и сохранности перешли в руки русских войск вместе с боеприпасами. А «живая сила»... Как выразился один из рядовых пехотинцев: «Сдурел немец! Его штыком шпыняешь, а он лыбится...» Мороз по коже. Надо еще проводить работу в войсках, чтобы не «шпыняли штыками» тех, кто «сдурел». Только в пылу атаки разве разберешь, кто сдурел, а кто притворяется?

После доклада в Генеральном штабе было приказано расширить производство «гуманного оружия». Петр Никифорович со товарищи засучили рукава...

Казалось, что конь, рыжая бестия, не касается земли копытами, а летит, как огонь, влекомый ветром. Полноте! Это не конь летел, а сам Александр, превратившись в кентавра, подминал веселыми копытами землю, отбрасывая назад ее шматки, а из груди его вырывалась вдохновенная песня войны. И палаш в правой руке, и пика сбоку были не оружием, а продолжением его рук, каравших врага.

Уже больше года, как его, князя Александра Николаевича Искандера, из вольноопределяющихся произвели в офицеры Лейб-гвардии кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, а он с первозданной свежестью в каждой атаке испытывал эти сказочные ощущения.

Ощущение полета порождалось и редкой стремительностью успешного наступления русских войск на Луцком направлении. Боевые задачи эскадрона менялись от часа к часу. В настоящий момент было приказано уничтожить вражескую батарею, которую не удалось ликвидировать при артобстреле. Предполагалось проникнуть за линию фронта и с тыла захватить ее. Подвоха со стороны «своих» австрияки явно не могли ждать.

Эскадрон совершал хитрый маневр, стараясь остаться незамеченным. Батарея укрылась в лесочке – это, видимо, и помогло ей уцелеть при артобстреле. Но и позволило рейдовому отряду подобраться совсем близко к цели и организованно ринуться в атаку. И в тот момент, когда батарея захлебнулась в крови своего расчета, ее накрыл, наконец, запоздалый залп русской артиллерии. Один из снарядов угодил в склад боеприпасов, и в полет отправился не только князь Искандер, но и весь эскадрон...

Из тяжелого сна Александр выкарабкался уже на подъезде к Ташкенту. За грязным окном вагона ежилась промозглая безжизненная сумеречная степь. Еще немного – и тьма накроет ее тяжелой черной кошмой. И только паровоз, аки циклоп, будет плясать светящимся глазом в этот мрак.

Госпиталь... Долгое лечение переломанной ноги и еще более долгое – от контузии. Восстановление в Евпаторийском военном санатории. Бегство от взбесившейся матросни, жаждавшей офицерской крови, медленное, осторожное перемещение в Киев вместе с поручиком Мышецким, а оттуда в Петербург,

где жены с сыном не нашел, но обновил ветхий гардероб да разжился деньгами у друзей. И вот он на пути в Ташкент.

«Как батюшка да матушка поживают?» Уже несколько месяцев вестей от них не было. Да что месяцев – лет: на стыке шестнадцатого и семнадцатого выкарабкался из сильнейшей контузии, заодно врачи кости раздробленные срашивали. В семнадцатом начался революционный маразм, который он воспринимал как собственный бред и долго не верил, что это на самом деле было. Каким бы ты ни был социалистом или либералом, но оплачивать поражение в мировой войне свое проскальзывание к личной власти – это из области психопатологии. Было даже стыдно, что немалую роль во всей этой истории сыграл земляк Александра – выходец из Ташкента – Керенский Александр Федорович, с которым пересекались в детские годы, но друзьями не стали из-за разницы в возрасте. Потому и вины, даже косвенной, не должно существовать, а все равно стыдно было, когда узнал, что именно Керенский в Думе призывал к физическому уничтожению царской фамилии. Порядочные люди к убийству не призывают.

Вокзал против ожидания оказался освещен. Пролетки поджидали прибывших путешественников. У извозчиков (это князь давно понял) сверхъестественное чутье на пассажира. Вот и теперь подобрал его мужик бородатый вида бандитского, да кирасир-поручик давно уж перестал бояться кого бы то ни было.

– Не бойся, барин, – усмехнулся извозчик, – вид мой разбойный, дабы лихих людишек мелкого пошиба отпугивать.

– Да я не из пугливых, – улыбнулся в ответ Александр, усаживаясь.

– Вижу, – кивнул мужик, – боевой офицер. Из гренадеров?

– Из кирасиров, – ответил князь.

– Где ранило, ежели не секрет?

– Под Луцком.

– О! И я там воевал, в пехоте! – обрадовался извозчик. – Вы, кирасиры, там хороши были. Домчу с ветерком! Куда прикажете?

– Дом великого князя... Иосифо-Георгиевский собор... – назвал ориентиры Александр.

Извозчик внимательно глянул на пассажира и посерьезнел. Молча тронул с места. Ехать было недалеко, можно было и пешком прогуляться, если бы не нога. Озиравшийся по сторонам Александр не обратил внимания на молчание извозчика. Давно князь здесь не был, теперь пытался вспомнить город детства.

Александр достал деньги, чтобы расплатиться, но извозчик решительно отказался:

– Убери, кирасир! Будь здоров, кланяйся матушке... – и тронул с места.

Александр пожал плечами и взволновано зашагал к крыльцу, опираясь на трость. Дворец был темен. Дверь его никогда не запиралась на замок, была она свободна от затворов и в этот раз. Отец никогда не изменял своим привычкам, в том числе и привычке редко здесь бывать, предпочитая жить то в Искандере в предгорье, то в Золотой Орде в Голодной степи, то у второй жены Дарьи Часовитиной в Шелковичном переулке за крепостью. Понятие «дом» всегда было связано с мамой. Ее он и чаял увидеть в первую очередь. Может, даст Бог, и брат Артемий здесь?

Как-то не по-живому тихо... Хотя ночь. Александр на цыпочках подошел к двери маминой спальни и прислушался – тишина. Вдруг дверь бесшумно растворилась, и на пороге появилась мама с канделябром в руках. Неверный свет свечи усиливал тревогу на ее лице.

– Александр, – выдохнула она (ей всегда нравилось произносить именно полное имя сына) и протянула руки для объятия. Он взял подсвечник из ее рук и поставил на пол. Обнялись.

– Мама, наконец-то, – шумно шептал он, не понимая, почему шепчет – будить, похоже, некого.

– Отец так ждал тебя, так ждал, – всхлипнула она.

– Где же он?! – воскликнул Александр, отстранившись, чтобы посмотреть матери в лицо.

– Неподалеку, – ответила она, отведя взор.

– Так води меня к нему! – обрадовался он неожиданной близости отца.

– Сейчас? – непонятно удивилась мать.

Она скрылась в глубине спальни, а он вернулся на улицу и закурил, не находя объяснения странному поведению матери.

Минут через пять, когда он уже собирался вернуться в дом, она вышла и решительно пошла к воротам.

– Ты куда, мама? – удивился Александр, но пошел следом.

Надежда Алексеевна решительно обошла Иосифо-Георгиевский собор и резко остановилась неподалеку от стен храма – Александр чуть было не сбил ее с ног, не успев среагировать. Он проследил за ее взглядом и разглядел в лунном свете небольшой могильный холмик с врытым в землю крестом и украшенный цветами.

– Это что? – шепотом спросил он, уже зная ответ, но боясь себе в этом признаться.

– Это могила отца твоего, великого князя Николая Константиновича Романова, законного наследника престола российского, – четко ответила она. – Теперь ты – наследник.

– Папа! – выдохнул он еле слышно, и сердце в груди больно сжалось. – Прости, что опоздал, не от меня зависело. Бог свидетель.

– Он знал, – заверила его мать.

– Когда? – спросил Александр.

– В ночь с тринадцатого на четырнадцатое января, – ответила мать ровным голосом. – В Искандере. Меня рядом не было. Детали можешь у Дарьи узнать. Похоронили шестнадцатого. Много народу пришло, хотя большевики и запрещали, да разве можно запретить проводить в последний путь покойного. Уважали здесь твоего отца.

Ревнивый червячок шевельнулся и затих:

«Человек рожден для любви, а не для прелюбодеяния, – сказал ему как-то отец. – Если в душе заглась любовь, то грех гасить этот огонь. Потому я всегда женюсь на тех, кого люблю. Не фаворитки, а жены... На все воля Божья, и если он дарит мне эту любовь, то я ее с благодарностью принимаю. Я уверен, что ты поймешь меня, потому что ты – мой сын».

Понял. Не сразу, но понял. В частности, наблюдая спокойное и даже дружеское отношение матери к «сопернице».

Светила полная луна. Шевелились в легком теплом ветерке весенние ветви, отягощенные молодой листвой да почками, а крест на могиле отца будто бы перечеркивал всю его жизнь. Впрочем, разве перечеркивал? Он, Александр, ее продолжение. Ему показалось даже, что отец именно сейчас воскрес в нем.

Он обнял маму за плечи и повел домой.

– Ты меня не оставишь, как он? – спросила она жалобно, что было совершенно не в ее духе.

– Я постараюсь, мама, – пообещал он.

Однако она сама же себе и ответила:

– Вы, мужчины, принадлежите не женам и матерям, а истории.

Мать отвела его в правый флигель, где жила семья дворецкого. Левый, что для него приготовил отец, большевики реквизируют, как ни странно, для архиерея.

Жаль было домика детства, где Александр жил до девяти лет, пока не уехал в Санкт-Петербург на учебу, но архиерей Иннокентий оказался знакомым по Верному, где до начала войны Александр служил офицером для поручений при генерале Фольбауме. И затевать конфликт по выселению не захотелось. Менять дружество на жилплощадь – не по-княжески. Да и человек почтенный. Во флигеле было восемь комнат, а ему с семьей трех хватало. Да-да, потерянную было семью он вновь обрел в Ташкенте. Пока он воевал и лечился, мама увезла беременную невестку к себе, а в феврале 1917, уже в Ташкенте, родилась дочка Наталья. Вот уж на следующий день порадовался Александр дочурке! Всей семье порадовался, но дочке – особенно: сразу было видно – его дитяtko, черты дедовы и отцовские были очевидны.

Часовитиным он нанес визит через пару дней. Дарья Евсеевна немного плакала, вспоминая последние тяжелые часы отца. Он почувствовал, что ей и сводной сестре Дарье пришлось нелегко. Было видно, что они на самом деле любили отца. Пособолезновали друг другу, не покривив душой, но особых родственных чувств Александр в себе не обнаружил, да и с чего бы, когда он последние годы был далеко отсюда. Но расстались тепло. Когда Часовитины навешали могилу, то неизменно заходили к Надежде Алексеевне. Александр видел, что она была не против этих визитов. Для себя они ничего не требовали, но с сочувствием и участием выслушивали повествование о проблемах Надежды Алексеевны. Большевики стремились все национализировать, то есть отобрать дворец и электротеатр «Хиву», хлопкозаводы они национализировали сразу, как и поселок Искандер. Княжеский дом пока остался за Часовитиными.

Дней через десять Надежда Алексеевна, используя свои обширные знакомства, устроила сына на службу помощником к судье Яскаловскому Илье Николаевичу. Тут оказался нелишним диплом Императорского Александровского лицея.

Мать все рассчитала правильно: семья – замечательно, но молодому человеку необходимо общение со своим кругом. В этот круг и ввел его судья. Ташкент того времени представлял собой полисную модель Вавилонского столпотворения: с одной стороны, в Туркестан были сосланы десятки тысяч пленных немцев, словаков, мадьяр, австрийцев и прочих заблудших европейцев. С другой – в начале января 1918 года все офицеры, юнкера и остальные сторонники Керенского, Романова и прочих обломков истории были выпущены на свободу под честное слово – не выступать против Советской власти. Последние в массе своей были боевыми офицерами, не остывшими от пламени мировой войны, которая еще продолжалась. До вооруженных разборок не доходило, но словесные перепалки были нередки. Впрочем, пленные многого себе не позволяли, но после 3 марта, когда был подписан сепаратный Брестский мир, означавший поражение России, слегка осмелели, ибо официально перестали быть пленными. А русское офицерство восприняло этот договор как личное оскорбление от большевиков и открыто лелеяло мечту о сатисфакции. Даже запоздалая денонсация Брестского пакта в ноябре не смыла оскорбления, ибо проигрыша России никто не отменял, да и страны Антанты имели теперь полное моральное право вытирать ноги о трусливых предателей. Так почти открыто считало русское офицерство. И сатисфакция назревала – всякий имеющий военное чутье это ошущал.

Александр Николаевич Искандер никаких организационных действий не предпринимал, и его никто к ним не привлекал – слишком заметная фамилия, но когда грянул выстрел крепостной пушки ранним утром седьмого января 1919 года, он сразу понял – началось. Вскоре прибежавший приятель подтвердил, что началось восстание, и дал адрес штаба – казармы бывшего 2-го Сибирского запасного стрелкового полка. Туда он незамедлительно и направился, наказав

жене Ольге и вдове дворецкого организовать во флигеле чайный стол с самоваром и бутербродами для повстанцев. Когда он ушел, руководящую роль привычно приняла на себя Надежда Алексеевна.

На казарменном плацу царили анархия и бардак. В морозном воздухе вибрировал многоголосый и многоязыкий мат. Меж неорганизованными толпами носился на коне пьяный в подкову ординарец Осипова прапорщик Евгений Ботт. В штабе князь сразу же наткнулся на Константина Осипова – военного комиссара Туркестанской Республики, который несказанно обрадовался гостю и полез с пьяными объятиями и поцелуями. Александр Николаевич опешил. Кого угодно допускал здесь встретить, но никак не прапорщика Осипова – одного из столпов большевистского режима.

– И ты, князь, с нами! – по-детски радовался Осипов, обдавая Искандера перегаром.

– С нами! С нами! – вторил ему, чуть ли не пританцовывая, капитан Гагинский, вокруг приветливо улыбались штабс-капитаны Коноплев и Стремковский, поручики Бутенин и Савин, кто-то еще. Князь хотел было возмутиться, мол, власть надо брать на трезвую голову, но понял, что всем им страшно, и алкоголь – для храбрости.

– Сообщите добровольцам, что в моем доме они смогут подкрепить силы горячим чаем с бутербродами, если окажутся поблизости, – деловито сообщил он. – А мне прошу поставить боевую задачу.

– Задачу? – на мгновение задумался Осипов. – Бери роту мадьяр и выбей большевиков с кладбища! Засели, как заноза в заднице! Чечелев, проводи!

«Все смешалось в доме Облонских, – вздохнул про себя Александр. – Прапорщик использует капитана в качестве посыльного!»

Однако вполне трезвый капитан такой ерундой не заморачивался, а быстро проводил князя в казарму, где спокойно ждали приказа дисциплинированные мадьяры.

– Рота, стройсь! Смирно! Слушай приказ! – зычно скомандовал на хорошем немецком ротмистр Искандер. В течение нескольких секунд рота ела глазами своего командира. А князь продолжил: – Поставлена задача очистить кладбище от большевиков. Выходим из казармы и походным строем совершаем марш до кладбища! Выполнять!

Рота, рассредоточившись, вошла на кладбище сразу с трех сторон и фактически в упор расстреляла оборонявшихся. Благо похоронной команде далеко ходить не придется.

– Герой, князь! – похвалил Осипов, когда рота вернулась с победой. – Но с опытными вояками всякий офицер сможет победить, а ты теперь попробуй с необстрелянными. Новой «роте» князь представил штабс-капитан Коноплев. Сердце ухнуло ниже уровня плаца, когда Александр Николаевич увидел своих бойцов – десятков шесть-семь детей: гимназистиков, кадетиков и штатских добровольцев. Ружья они держали так, что стало ясно – впервые. Получив задание охранять участок между городским садом и Кадетским корпусом, дабы перекрыть возможный маршрут передвижения большевистских отрядов, Александр вывел отряд на исходные позиции и принялся обучать горе-бойцов тому, как не перестрелять друг друга в заварушке, а многих – как вообще стрелять. Ученики оказались способными: при первой же стычке они так расхрабрились, что безоружили и взяли в плен несколько десятков человек. Возможно, большевики опешили от неожиданности, увидев перед собой мальчишек...

Сопроводив пленных на плац и оставив командовать одного «стреляного» прапорщика, Александр отправился домой, разрешив и бойцов своих отпускать по десятку-другому на обогрев и пропитание. Голодный желудок к героизму не склонен.

Дома он хорошо поел, проспал несколько часов, а утром, облачившись в парадный

мундир, попросался с семьей и матерью, пообещав вскорости вернуться с победой, и отправился к своему подразделению. Ночь прошла спокойно. Численность личного состава даже увеличилась – все мальчишки хотели стать победителями.

Из уст в уста передавались победные слухи, будто захвачена крепость (что позже оказалось неправдой), почта, банк, вокзал и другие учреждения, что вражеские подразделения переходят на сторону повстанцев. Стрельба слышалась издали – никто на «детскую роту» не нападал, что косвенно подтверждало слухи.

Вечером, когда князь окончательно околел в своем парадном мундирчике под пальто на рыбьем меху, прибежал гимназистик и с выпученными от ужаса глазами шепнул князю на ухо, что мятежники покинули город.

С этого момента ход событий принялся неудержимо ускоряться и терять очертания реальности.

Александр Николаевич бросился с четырьмя сопровождающими на главпочтамт, находившийся неподалеку и вроде бы занятый «своими». Там обнаружилась полная деморализация на грани отчаяния. Большевики хитростью вывели из боя ударные рабочие отряды, сначала заманив, а потом, заперев их на складах, и тем переломили ситуацию. Отряд повстанцев во главе с Осиповым действительно бежал из города вроде бы по Чимкентской дороге.

Князь бросился назад к своей «детской роте», построил всех, поблагодарил за героическую службу и строго приказал спрятать оружие куда-нибудь подальше и забыть случившееся, как дурной сон. Мальчишки принялись храбриться, но на помощь пришли матери, набежавшие вдруг со всех сторон и утянувшие плачущих от отчаяния сыновей по домам.

Самому домой было никак нельзя: многие знали об его участии в восстании, и туда придут в первую очередь. Бегом вернулся к почте, реквизировал двухколесный шарабан и пятазарядный «Смит-Вессон». Быстро добрался до знакомого агронома, служившего на участке по Чимкентской дороге. С ним довольно быстро доехали до рабочего дома агронома, поужинали, помузицировали, и, выпавшись, князь сел в шарабан и отправился вдогонку отряду бывших повстанцев. Нагнал примерно через семь верст. Представился генералу, командовавшему отрядом, попросил представить себя остальным другим именем. Знакомые лично поймут: родственник царя, даже опальный, лакомая добыча и предмет торговли.

Темп нарастал. Обнаружив с полсотни конных, князь предложил, посадив всех на дровни, домчать до Чимкента и с марша взять его. Генерал и штаб не согласились, считая, что без конницы воевать нельзя. Тогда вместе с имеющимися кавалеристами попытался организовать боевое кавалерийское подразделение – сотню. Как ни спешили, время ушло – и кавалерия была встречена в Чимкенте картечью из орудий. Боевые позиции обороняющихся были обложены мощными хлопковыми туками, которые ни одна пуля не пробьет. Пришлось отступить. Из Чимкента выступил отряд преследователей. Недалеко от поворота на Фогелевку местное население сообщило, что из Ташкента тоже вышел отряд большевиков. Попадать между молотом и наковальней не было никакого резона, посему свернули в ближайшие горы, расплатившись с воинами-мусульманами, которые решили разойтись по домам. Их было около тысячи. Каждому дали по сотне царских рублей – банк действительно был взят и очищен. Еще несколько человек во главе с генералом решили скрыться самостоятельно. По горной тропе двинулся сто один всадник. Через час подъема Бог послал отряду таджика, спускавшегося в долину. Ему посулили хорошие деньги, и он согласился стать проводником до Ферганской долины.

Мороз был изрядный! Хорошо, что князю удалось разжиться овчинным полушубком да брюками со свитером: относительное тепло позволяло смотреть

по сторонам, а не думать, как согреться. А посмотреть было на что: с горного хребта, свернувши вправо, было отлично видно белую заснеженную долину, напоминавшую экран синематографа. И происходило то, что можно было увидеть только в фильме, ибо в жизни так хорошо не бывает: ташкентский и чимкентский отряды большевиков приняли друг друга за беглецов и открыли яростный огонь. Ошибку выяснили нескоро, успев сильно уменьшить свои ряды. Повстанцы, порадовавшись забавному эпизоду, продолжили путь.

На рассвете следующего дня увидел князь внизу знакомое отцовское имение Искандер и деревню вокруг. Тяжко вздохнул. Жители деревни выбежали из домов и, взобравшись на крыши, наблюдали за продвижением отряда, не предполагая, что следят за князем Искандером. Долгое кино было: тропа серпантином вилась по склону, и беглецы все время оставались на виду.

Таджик привел их в горный кишлак, где они отогрелись и утолили голод, а также узнали, что ближайший Александрийский перевал проходим только два летних месяца в году, а до остальных дороги сейчас непроходимы. Но ситуация выбора не оставила: к кишлаку приближался большой отряд красных. Принять бой в кишлаке значило обресть его жителей на смерть, да и силы были несоизмеримы: сотня, вооруженная только винтовками, против тысячи бойцов с пулеметами. Пришлось отбиваться на горных тропах. Позиция у отряда была более выгодная – сверху вниз, но силы человеческие ограничены. Отбившись, надо было сразу уходить как можно дальше, чтобы успеть отдохнуть и выспаться до следующего боя.

Пришлось пройти через десятки боев как с красными, так и с возжаждавшими денег и золота мужиками-молочанами из Искандера, прознавшими, что у беглецов богатства из банка. С этими разобрались быстро. Но наступил момент, когда двигаться дальше на лошадях стало невозможно. Пришлось спешиться. Прошались и плакали, денег заплатили горцам, чтобы заботились о четвероногих боевых братьях и не отдавали их большевикам. Отбив последнюю атаку, ушли пешим ходом, гоня впереди коз для пропитания. Поверх сапог давно уже были надеты местные «мокасины» мехом внутрь и наружу – и тепло, и не скользят. С собой несли раненых, провиант с лекарствами.

Тропы становились все круче и опаснее – каждый шаг мог стать последним. Шли в связке. Однажды князь сорвался и повис над пропастью. Выташили, но страх высоты остался навсегда.

Некоторые отцеплялись от связки, садились на тропу и замерзали. Были случаи, когда замерзали и часовые. Спали в «снежных могилах»: дно застилали палками и полшубками, потом ложились слоями, временами меняясь.

Наконец подошли к перевалу. Он уже был хорошо виден, но поднялся такой буран, что ветром сбивало с ног, снежные лавины унесли еще несколько человек. Пришлось возвращаться в кишлак, а сил уже не осталось. Еще несколько человек сорвалось в пропасть.

На подходах к кишлаку отряд встретили двое таджиков. Предупредили, что в кишлаке встали на ночлег большевики. На все воля Аллаха... Беглецы перерезали и перестреляли спящих врагов – обычный сон перешел в вечный...

Через пару дней снегопад закончился, вышло солнце, и отряд вновь двинулся к перевалу. На последнем привале увидели, что с перевала спускаются пять человек, местные. Подошли, поприветствовали друг друга, начали осторожную беседу. Когда пришельцы выяснили, что перед ними не большевики, а «Николай-адами», то есть «царские люди», главный из них – красавец-богатырь Нурмаш – сообщил, что их навстречу послал Мадамин-бек, которого освободили из ташкентской тюрьмы во время событий.

Радостное воодушевление подняло беглецов и отправило в путь.

На подходах к перевалу ноги проваливались в снег, при этом он так ослепительно сверкал! Многие ослепли, и приходилось вести их в связке. Князь спасался лисьей шапкой: ее мех, свисая, прикрывал глаза, защищая их от солнечных бликов. Выбываясь из сил, по очереди протапывали тропу. Подошла очередь князя. Барахтался в снегу, барахтался – и рухнул, наконец, в полном изнеможении. Не было сил, хоть застрелись! Он и попытался это сделать, потянувшись за «Смит-Вессоном», но и на это сил не оказалось. Тогда обернулся он и крикнул назад по цепи:

– Ложимся! Отдыхаем!.. – и прошептал под нос: – Пять минут... Пять часов... Пять веков...

Никто не возражал.

Лежит князь и молится: «Матерь Божия! Не оставь добротой своей – дай сил подняться и идти!» – поднимает взгляд на перевал, обозначенный двумя приметными скалами – слева высокая, а справа пониже – и видит то, чему поверить не может: на той скале, что выше, стоит ангел с мечом в руке и с венком терновым на голове, залитый ослепительными солнечными лучами. Меч его сверкает, и им он вроде бы подзывает князя... Александру показалось, что он встал, на самом деле неведомая сила переместила его на вершину скалы.

Оказалось, что это не ангел, на князя вопросительно смотрела совсем юная девушка с удивительно белыми, язык не поворачивается сказать – седыми, волосами, свисающими вдоль тела, слегка прикрытого шкурой снежного барса. На ногах – грубо сшитые меховые мокасины. Большая же часть тела не была укрыта одеждой, и при этом не наблюдалось ни малейших признаков обморожения. Даже на взгляд ошущалась теплота и нежность кожи. А в руке ее, оказалось, был вовсе не меч, а нечто вроде самодельного копья или глефы – отполированное белое древко с укрепленным кожаной обмоткой кинжалом на конце. И не так уж ослепительно сияло изделие сверкало. И никакого венка на голове – часть волос была заплетена в косы и обкручена вокруг головы. Чуть пониже на той же скале спокойно стояли два крупных снежных барса и с интересом, похоже, гастрономическим, взирали на князя.

«Диана?... Артемида?... Дева Мария?... Я же ее на помощь звал...»

– Гури, – услышал князь, хотя видел, что таинственное существо рта не раскрывало. Непроизвольно оглянулся в поисках источника звука, но поблизости никого не было.

– Гури? – повторил он, вопросительно глядя на нее.

И опять услышал:

– Гури...

– Не знаю таких богов, – пробормотал он. Хотя гурия – райская дева, с трудом вспомнил он восточные сказки. – Я в раю?... Не чаял... Неужели удалось достать «Смит-Вессон»?

Чуть развернувшись, она указала рукой за перевал, туда, где хорошо виднелась долина.

Уже нечаемая радость захлестнула Александра: – Дошли! – Хотя далеко еще не дошли, а только увидели.

– Что будешь там делать? – услышал он вопрос.

Откуда она русский знает? – удивился князь и ответил: – Как что? Давить клопов, пожирающих великую империю! Пока всех не передавлю...

Гури нахмурилась. А князь погрузился в темноту и перестал ощущать себя, успев понять, что в раю думать об убийстве – грех...

– Ташкент, господа и товарищи! Та-ашкент! – зычно объявлял проводник, двигаясь по вагону. – Приехали! Не забываем багаж!

Этот архангельский глас и извлек Александра из мрака беспамятства, следовавшего за бредовым адом Морфея. В первые мгновения пробуждения он еще пытался извлечь в реальность то, что совсем недавно казалось жизненно важным. Однако Морфей не желал делиться своими владениями, и черная воронка небытия высасывала из памяти остатки не то что событий, но даже впечатлений.

Опираясь на трость, князь вышел на слегка освещенную привокзальную площадь. К нему лихо подкатила пролетка, и извозчик весьма бандитского вида пригласил:

– Садись, барин! Мой Пегас только для вас! Адрес называй – домчит тотчас.

– Дом великого князя... Иосифо-Георгиевский собор... – усаживаясь, назвал ориентиры Александр.

– О! – вроде обрадовался мужик. – А я-то смотрю, лицо знакомое! Из Искандера я, извозом подрабатываю. Ваш батюшка и нам отец-благодетель родной!

Весь недолгий путь бородач вдохновенно рассказывал, как уважает великого князя Николая Константиновича простой народ, что православный, что басурманский. Приятно было слышать сие после звериной ненависти к монаршей фамилии в России.

Отец встретил его на крыльце.

– Мне телефонировали, что поезд прибыл, – объяснил он. – А уж то, что ты на этом поезде, сердце доложило. Здравствуй, сын, – обнял он Александра.

«Сильно сдал, – оценил сын. – Но дух, как всегда, боевой. Молодец».

А тут и мама подроспела, да из флигеля жена Ольга прибежала. И начались женские «ахи-охи» и причитания.

Минут через пятнадцать жена увела его во флигель, где он принял ночную ванну и, чуть перекусив, лег спать в кои-то веки не один.

Через три дня, дав перевести дух с дороги, отец увез его в Искандер, невзирая на недовольство Надежды Алексеевны и невестки Ольги.

– Дорогие княгинюшки, – с улыбкой объяснил он. – У мужчин всегда будут свои мужские дела, иначе они перестанут быть мужчинами, и вы вряд ли сможете их любить. Всякая разлука подразумевает встречу. Ждите – и будет вам радость.

А «мужские дела» оказались весьма серьезными. Выяснилось, что в Туркестане шла кропотливая работа по подготовке свержения власти большевиков и прочих эсеров, и Николай Константинович принимал в ней стратегическое и тактическое участие, фактически возглавляя штаб будущего восстания. Ему был крайне необходим грамотный офицер, с которым можно было бы оттачивать детали предстоящих военных операций. Александр, можно сказать, только что из боя и знает особенности современных военных действий. Этого Николаю Константиновичу не хватало.

И стали они двуглавым штабным орлом, время от времени докладывавшим свои разработки полковнику Петру Георгиевичу Корнилову и генерал-лейтенанту Луке Лукичу Кондратовичу, занятым, в основном, организационной работой по созданию боевых структур по всему Туркестану. Несколько месяцев спустя особо полезен оказался Иван Матвеевич Зайцев, полковник, недавний командующий русскими войсками в Хиве и комиссар Временного правительства в Хивинских владениях. Он прекрасно знал местную специфику, расстановку сил и предпочтений, будучи к тому же главой Амударьинского казачьего войска, в состав коего вошли и киргизы, и узбеки, и каракалпаки. В данный исторический момент он был беглым из Ташкентской крепости арестантом. Он поселился в Искандере, где его почему-то не искали. Возможно, считали, что он давно далеко от Туркестана? На него-то великий князь

и возложил обязанности начальника штаба. Зная о монархических планах организации, полковник Зайцев с благодарностью принял назначение, он координировал военные организации почти по всему Туркестану: в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном. Когда двадцатого июля пришло известие о расстреле царской семьи, в монархические планы посвятили и Александра.

– Перст господень указывает на нас, – сказал Николай Константинович сыну.

Трудно было не согласиться. В отличие от отца Александр никогда не был республиканцем. Но долго вживаться в роль времени не было: восстание назначили на 25 июля. Очень уж удачно все складывалось: часть военного контингента большевиков отправилась в Туркмению усмирять тамошнее восстание, часть двинулась к Оренбургу противостоять вторжению в Туркестан войск атамана Дутова. Оставшиеся две тысячи штыков тоже сила немалая, но на то и существует военная хитрость, чтобы противостоять силе. На острие атаки оказались недавние враги: военный комиссар Туркесреспублики Константин Осипов, который вызвал в крепость всех комиссаров, и полковник Зайцев с отрядом переодетых в красноармейцев повстанцев. В крепости и обезглавили Туркесреспублику. Офицеров взяли по месту их квартирования, а солдат генерал Кондратович призвал к службе государю и отечеству. Собственно, у безоружных солдат выбора не было, но генерал сумел их убедить, а не вынудить.

Двадцать пятого же начались восстания в Верном, Беловодье, Пишпеке, Семиречье. Хан Джунаид и Азиз-хан выступили на помощь Асхабадскому восстанию. Послал в Туркмению один полк и Лавр Георгиевич Корнилов, командующий Добровольческой армией. Войска эмира Бухарского захватили участок железной дороги, помешав перемещению войск большевиков. Из Ферганской долины двинулись с победными боями повстанческие войска Мадамин-бека.

Восстание, по крайней мере, в Ташкенте, обошлось относительно малой кровью. Пострадала власть, а не народ, который приветствовал победителей.

Нельзя сказать, что победа была окончательной: крупные воинские подразделения Красной армии продолжали вести бои, но это были уже локальные очаги сопротивления, на подавление которых направлены все усилия. Москва отправила войска на помощь Туркестану, но поскольку Среднеазиатская железная дорога была в руках казаков Дутова, пробиться им не удавалось.

Необходимо было срочно делать отвоеванную власть легитимной, то есть юридически и всенародно признанной.

И состоялось скромное, но выдержанное в соответствии с вековыми канонами венчание на царство Николая Константиновича Романова, где Александр был объявлен наследником. Вся церемония слилась в памяти цесаревича в единое вневременное действие, в реальности которому места не было, ибо казалось оно Александру эпизодом сказки, почему-то произошедшей наяву. И только коварный выстрел Осипова, метивший в императора, а сразивший императрицу Надежду Алексеевну, вернул его в жестокую реальность. Осипов явно рассчитывал возглавить Туркестанскую республику и не мог сдержать разочарования и жажды мести. Спаси Боже епископа Луку, то есть доктора Ясеневского-Войно, у которого хирургические инструменты оказались с собой в соборе, и он смог вовремя сделать операцию.

Надежда Алексеевна выздоравливала трудно, но уже через месяц благодаря заботам Дарий Часовитиных, старшей и младшей – неумная энергия новой императрицы нашла применение в организации сети медицинских госпиталей для армии и гражданского населения. Она учредила также сеть сиротских приютов – война плодила сирот всех национальностей.

Первой нового императора признала Греция, где была королевой сестра

Николая Константиновича Ольга, всегда сочувствовавшая ему, вскоре к ней присоединился сколькотоюродный племянник – король Англии Георг V. А там и прочие подтянулись. Не замедлили отметиться и мелкие государственные образования разорванной на мелкие части России, которым с большевиками было не по пути, а самостоятельно противостоять им силенок не хватало.

Признание – это хорошо, но надо было и силу демонстрировать, то есть для начала очистить от большевиков Туркестан, ставший базой для возрождения монархии. Эту задачу и решал командующий войсками Туркестана генерал Зайцев. В Бухаре, Хорезме, Каракалпакии, Туркмении было кому этим заняться, ожидалась активная поддержка от генерала Корнилова и Добровольческой армии, а в ферганском анклав надежда была только на повстанческие соединения Мадамин-бека и Константина Монстрова да на ташкентские воинские подразделения. Их-то цесаревич и предложил тайно направить в тыл противника, дабы испытал он прелести бытия между молотом и наковальней. Предлагалось повторить суворовский переход через Альпы в форме перехода через тянь-шаньский Александрийский перевал в Ферганскую долину. После тщательной проработки операции с топографами и проводниками Зайцев одобрил план, хотя и со скрипом – рисковать цесаревичем не хотелось, но, с другой стороны, цесаревичу и вообще новому императорскому дому нужен авторитет и всенародная любовь. Без личного героизма сие не зарабатывается.

Известно было, что наилучший период для преодоления перевала – лето, а стоял октябрь. Хотя была вероятность благополучного похода, но не все проводники были с этим согласны. Однако войны без риска не бывает.

В поход вышел конный полк. Ясно, что весь путь верхом преодолеть невозможно, но хотя бы та часть пути, что это позволяет. Потом коней предполагалось вернуть без всадников. А Мадамин-бек гарантировал, что обеспечит спустившихся с гор лошадьми.

После двух дней пути полк обстреляли. Пять человек было убито, десять ранено. Жители ближайшего кишлака объяснили, что в горах давно уже скрывается отряд «балшавой» (так они называли большевиков), время от времени нападая на кишлаки в поисках пропитания. Людей не убивали, но съестное забирали подчистую и угоняли скот. Местные джигиты уже сформировали отряд для отражения набегов. Организовали наблюдательную сеть и следили за грабителями. Полк предупредить не успели. Пришлось срочно приступить к операции по зачистке гор. Местные джигиты помогли бойцам полка по тайным тропам окружить красных. Остальное больше походило на забой скота, а не на войну.

А потом пошел дождь. Тучи легли прямо на склоны, и ехать приходилось сквозь них. Видимость ограничивалась несколькими метрами. Сначала размокли и превратились в ручьи тропы, потом полились потоки со склонов. Иногда скатывались грязе-каменные сели, унося тех, кто оказался на пути. В ближайшем кишлаке встали на привал, тшкетно дожидаясь прекращения дождя. Выяснилось, что дальше лошадям было уже не пройти. Продолжили путь пешим ходом. Темп резко снизился, да и поклажа за спиной тормозила. Одежду давно уже можно было выжимать. Похолодало. На ночь устраивались в каменных расщелинах под «козырьками», хотя бы слегка прикрывающими от прямого дождя. После полуночи ударил внезапный мороз, дождь превратился в снег, одежда покрылась корочкой льда. Развести костры было невозможно. Пришлось продолжать путь в темноте. Заледеневшие склоны оказались очень опасны – время от времени кто-то с криком улетал во мрак. Рассвело. Полк представлял печальное зрелище: все с ног до головы были в мерзлой грязи. Густой снег довел видимость почти до нуля. Цесаревич давно уже приказал идти в связках по десять человек. Поэтому больше никто не падал в пропасть,

которая терпеливо ждала справа. Еще через пару часов снег прекратился, покрыв склоны толстым покровом, показалось солнце, но опять сильно приморозило, отчего мокрый снег превратился в ледяной наст. Вдали показался перевал, обозначенный двумя скалами: одна – повыше, другая – пониже. Подниматься по склону стало совсем трудно: ноги скользили по льду, руки стерлись в кровь, удерживая тело от скольжения в пропасть. Александр приказал пристегнуть к ружьям штыки и использовать их в качестве альпенштоков. Сам шел первым, дабы примером вдохновлять подчиненных. В какой-то момент поскользнулся и сильно ударился головой о замерзший снег. Хорошо, что не о камень. Понял, что сил больше нет. Крикнул вниз по склону приказ отдыхать. Это ему казалось, что крикнул, – прохрипел, но приказ прошел по цепи. Все с удовольствием залегли, а Александр ждал, когда исчезнут черные круги перед внутренним взором.

– Мать Божия! – взмолился он. – Не оставь добротой своей, дай сил подняться и идти! Я же не один – за мной люди, которых я должен довести до цели... Помогите, святая Мария!.. – в голове вдруг зазвучала заставившая трепетать душу «Аве Мария».

Когда взгляд прояснился, цесаревич глянул наверх. В глаза светило солнце, две тени от скал, охранявших перевал, легли на склон. Он не поверил своим глазам, когда увидел, что на более высокой скале стоит ангел с мечом в руке и с венком терновым на голове, весь залитый ослепительными солнечными лучами. Меч его сверкает, и им он вроде бы подзывает цесаревича...

Неведомая сила подхватила его и представила перед...

На цесаревича вопросительно смотрела совсем юная девушка с удивительно белыми, язык не поворачивается сказать – седыми, волосами, свисающими вдоль тела, прикрытого шкурой снежного барса.

А в руке ее, оказалось, был вовсе не меч, а нечто вроде самодельного копья или глефы – отполированное белое древко с укрепленным кожаной обмоткой кинжалом на конце. И не так уж ослепительно сияло изделие. И никакого венка на голове – часть волос была заплетена в косы и короной обкручена вокруг головы. Чуть пониже на той же скале спокойно стояли два крупных снежных барса и с интересом, похоже, гастрономическим, взирали на цесаревича.

«Диана?... Артемида?... Дева Мария?... Я же ее на помощь звал...»

– Гури, – услышал князь.

– Гури? – повторил он, вопросительно глядя на нее.

И опять услышал:

– Гури...

– Не знаю таких богов, – пробормотал он. Хотя гурия – райская дева, с трудом вспомнил он восточные сказки. – Я в раю?... Не чаял... Неужели?... – страха не было.

Чуть развернувшись, она указала рукой за перевал, туда, где виднелась долина.

– Что будешь там делать? – услышал он вопрос.

– Как что? Давить клопов, пожирающих великую империю! Пока всех не передавлю...

И отчетливо увидел свой полк, несущийся в атаку с шашками и палашами наголо и рубящий убегающих врагов. Головы отлетали от тел, как цветы подсолнухов от стеблей. Кровь лилась, и душу переполняла хищная радость...

Гури нахмурилась. А князь погрузился в темноту и перестал ощущать себя, успев понять, что в раю думать об убийстве – грех.

– Ох, слава тебе Господи! – услышал Александр, открыв глаза. Над ним склонилась странно знакомая бородастая физиономия весьма бандитского вида. – Очухался раб Божий.

– Х-х-то?... – прохрипел князь.

– Я кто? – улыбнулся бородач. – А Михалыч я, лекарь твой. Меня Никифорыч призвал в чувство приводить вас, ненароком под обстрел попавших, из люциний извлекать. Профессор он медицинский, но против меня по части отрав всяческих все равно ребяенок малый, ибо отраву чувствовать надо. Остальные давно уж оклемались, а тебе больше других досталось отравы, да еще и осколками по ноге. Я тя еще травами попою, чтобы лучше кости срастались. Говорят, что и контуз с тобой приключился...

Александру сначала послышалось, будто конфуз приключился – смутился, но потом сообразил, что речь идет о контузии. Это на войне почти обычное дело: не убило, так контузило. Слушал он, слушал лекаря своего странного и вдруг осознал – это же извозчик с ташкентского вокзала, который его подвозил... дважды... Как такое могло быть?! И ташкентский вокзал, и дважды... Действительно галлюцинации?

Михалыч напоил пациента каким-то горьковатым отваром, в голове стало постепенно проясняться, он осознал, что находится в госпитале, только что пришел в сознание. Но при этом и галлюцинации его обретали невероятную реалистическую четкость: он до мелочей вспомнил каждую, и ему стало страшно.

– Год ка...а? – спросил он.

– Да шишнадцатый утречком был вроде, – усмехнулся лекарь. – Декабрь... Снег на дворе.

– Царь?..

– А что ему станется? Царствует наш царь-батюшка, пиратор российский, воюет ворога.

«Значит, точно привиделось... Неужто галлюцинация может быть так похожа на жизнь?.. Матерь Божья, Мария? Гури?.. – имя это странное необычайно взволновало его, и взгляд нахмуренный ясно вспомнился... Что она хотела сказать ему? Чем была недовольна? Почему дважды спрашивала об одном?»

Утомленный непосильной загадкой, князь уснул.

Во сне ему явилась Гури в сопровождении своих барсов, только она была уже не на скале, а на берегу маленького, но удивительно красивого горного озера, в которое спадал небольшой водопад. Он сам стоял рядом – покрытый грязной коркой льда, обессиленный. Она печально смотрела на него несколько мгновений, потом взяла за руку, не побрезговав грязью, и повела в озеро неподалеку от места падения водопада, по пути сбросив ирбисову шкуру. Сначала сама вошла в воду, потом потянула за собой его. Он стоял в воде, нежно обнимавшей его, и постепенно с тела и одежды отходила грязь и возвращалось тепло жизни. Тогда он погрузился в озеро с головой, а когда вынырнул, оказалось, что проснулся.

Над его кроватью склонились уже два бородача. Впрочем, второй был весьма благообразен – сразу видно, что профессор.

– Вы кто? – спросил князь вполне внятно.

– Иванов Петр Никифорович, – представился профессор. – Медик и отчасти виновник того, что с Вами произошло.

– Виновник?

– Это я предложил использовать галлюциногенные яды в войне и разработал способы.

– Ногу-то не вы мне повредили, – слабо улыбнулся князь.

– Ногу не я, я помогаю ее лечить.

– Где сейчас Гвардейский кавалерийский корпус генерала Гусейна Хана Нахичеванского? – деловито спросил князь.

– Мы, собственно, в его расположении, – ответил профессор.

– Не считите за продолжение бреда, – криво улыбнулся Александр. – Но мне жизненно необходимо встретиться с генерал-адъютантом Гусейном Ханом Нахичеванским!

– Но... – растерялся Петр Никифорович.

– Речь будет идти не обо мне, а о судьбе страны, – заверил больной.

Профессор недоверчиво на него посмотрел.

– Вы знаете, кто я? – спросил Александр.

– Поручик князь Искандер, – сообщил профессор.

– Это лишь часть правды... Я – троюродный брат императора, сын опального великого князя Николая Константиновича Романова, отбывающего ссылку в Ташкенте. Я никогда, хотя бы из гордости, не позволил себе искать аудиенции у государя, но необходимость крайняя. Собственно, аудиенция не обязательна, будет достаточно, если Гусейн Хан Нахичеванский сам лично передаст императору мою информацию.

Александр терпеливо принимал все лечебные процедуры и ждал. Попросил побрить себя и придать относительно приличный вид. Михалыч его отвлекал от тяжких мыслей своим хитрым балагурством, потчевал отварами.

Вечером в палату решительно вошел Гусейн Хан.

– Поручик Искандер Александр Николаевич, рад видеть вас в относительном здравии, мы долго опасались... Как вы?

– Жив, ваше высокопревосходительство, – доложил Александр. – Благодарю, что любезно откликнулись на мой зов.

– Мой долг, но и интересно, что вы можете мне сообщить после нескольких месяцев... забытия, – ответил генерал.

– Разговор будет долгим, потому что важны мельчайшие детали – по ним вы сможете судить, брежу ли я, а если не поверите, то позже проверить, насколько я был близок к истине. Однако мне кажется, что еще не поздно сделать так, чтобы то, о чем я расскажу, никогда не произошло. Присаживайтесь удобней, ваше высокопревосходительство. И вы Петр Никифорович, Михалыч, прошу... Вам судить тоже, насколько я буду нести бред, насколько сообщать информацию из открывшихся благодаря вашей отраве источников.

Князь Искандер говорил долго, закапываясь в детали, называя даты, имена, события, от которых у слушателей волосы дыбом вставали. Грамотно по ходу анализировал ситуацию. Когда он назвал дату и место расстрела царской семьи, Гусейн Хан вскочил и даже открыл рот, чтобы возмутиться, но осек себя и медленно сел.

Александр поведал оба варианта событий, потому что ключевые этапы их и наиболее важные исторические персоны присутствовали в обоих.

Когда князь закончил, генерал повернулся к профессору:

– Что скажете, доктор?

– Это не похоже на галлюцинации, совершенно не похоже... – довольно уверенно поставил диагноз Петр Никифорович.

– Пресвятая богородица ему глаза души открыла, – изрек свой диагноз Михалыч. – Грех отмахиваться. Оглянитесь, ваше высокопревосходительство, все к тому и идет, только не все замечать хотят.

Гусейн Хан помолчал с минуту, размышляя, потом твердо сказал:

– Я доложу государю императору. Постараюсь договориться об аудиенции. Он скоро с инспекцией к нам должен быть.

– Благодарю вас! – с чувством сказал поручик Искандер и закрыл глаза, почувствовав, что переутомился. Сознание соскальзывало во мрак. Он усилием воли открыл глаза и кивком попросился с генералом.

Все вышли.

– Я сделал все, что мог, Гури... – прошептал он, чувствуя, как воды сказочного озера омывают его тело. – А может, и не все?... Живы будем – не помрем... Ты права – не убий! Но как же не убивать, когда убивают твою родину?..

переводы

Алишер НАВОИ

МУНОЖОТ¹

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного.

Хвала имени великому Твоему!

Да будут почитаемы благодеяния и доброта Твои вечно.

В имени Твоем – сам Ты, а удел Твой – сострадание.
Ты – высшая ценность, и путь Твой – созидание.

И весь смысл <благозвучного> имени – в Твоем совершенстве.
Сотня тысяч восхвалений великодушию и щедрости Творца нашего.

Сострадающий – Ты, милосердный – Ты,
великий – Ты, прославленный вовеки – тоже Ты.

*Субханаллах*², созидатель мира!

Ты, единственно вековечный, столь велик,
что отнести слова те к кому-либо другому будет вымыслом и ложью.

Народ Твой воистину непоколебим, а существо Твое воплощает совершенство навек.

Без Тебя все остальные создания кажутся несуществующими, и вообще не бывшими,
ибо Ты – цель всего сущего и самого существования.

*Таоло*³, честь и благодарение всему, что относится к Тебе.
Нет другого бога, как нет и другого основателя, кроме Тебя.

Будь же всегда сущим, Созидатель всего, что есть.

¹ Муножот – мольба.

² Субханаллах – выражение изумления и восхищения; дословно: «славен Аллах».

³ Таоло – другой эпитет Бога.

ХАМД¹

О, Аллах, величие и могущество – вот все, что можно сказать о Тебе,
о вечности бытия Твоего, о всевластии и достоянии, коим нет предела.

В цветниках мира каждая травинка и каждый росток возносят хвалу Тебе.
В небесных соборах всякая буква и каждый листочек благодарствуют Твоим дарам.

В цветущих садах Твоего совершенства – восемь кругов рая, где растет базилик,
успокаивающий сердце.

В темницах Твоих – семь кругов ада, где огни горят мученические.
Везде, где только явишь Ты свое величие, всякая малость излучает Твою любовь.

Во вселенной Твоего мастерства каждое явление сияет, будто предзакатное небо.
Если захочешь создать сотни миров, подобных этому, достаточно произнести Тебе:
«Кун фаякун» – «Будь и еще раз будь»!

А если захочешь убрать тысячу таких – приказом тому будет *калима*²
«Хабоан мансуру» – «Покойсь, прах».

Ты один в своей единственности и нет у тебя сотоварища.
Свободен Ты и от предков, и от потомства.

Каждая жемчужина в реке Твоей мудрости чище россыпей жемчуга.
Каждый тюльпан степей Твоих полыхает ярче солнца.

Свидетельство исключительности – *калима* «Тебе нет подобных».
Свидетельство естества: «Ты не был рожден и не породил потомство свое».

И с кем бы Тебя не сравнивать – Ты не похож.
Как бы пристально ни рассматривать в поисках сходства, но Ты не от него.

Сколь бы ни был совершенным язык, но беспомощен он в восхвалении.
Ведь говоря о Тебе, люди теряют свое красноречие.
Это о Тебе сказано: «Да будем неустанны мы, прославляя».

Всякий, кто, <сравнивая>, посмеет преувеличить собственные совершенства,
вынужден будет вослед просить прощения.

НААТ³

Он «был сущим, когда Одама ато⁴<еще не было, но тот> был прахом», –
сказано так было о <нем, как и о других> пророках.

Он явился «благостному миру как последний посланник» Всевышнего,
завершая пророческий ряд – самый щедрый, боготворимый нами Пророк Мухаммад.

¹ Хамд – ода Всевышнему.

² Калима – слово, формула, истина.

³ Наат – восхваление Пророка.

⁴ Одам ато – Адам.

Да будет Он возвеличен, пребывая в согласии и в мире.

Именно Он сподобился создать сто двадцать четыре тысячи истинно святых и восемнадцать тысяч мудрецов, дабы править своим народом с одною лишь целью – быть связующим между Аллахом и нами.

На счастливую главу Его возложена корона пророческой миссии посланника. И вознесен был Он на небо при свидетельстве всех пророков.

Каждому, кто был, есть и кто будет, – всем нам нужно Его заступничество. Могушественный ангел Джабраил освещал достоверный путь Его восхождения.

Крылатый конь Борак в величавой своей поступи был Ему в том помощником.

*Ляйлятул-мирадж*¹ – место его отдохновения.

*«Ли маъоллох'ивак'тун»*² – его ойкумена³.

«И пусть простирается благословение Аллаха над сподвижниками, над родом и над безгрешным семейством Пророка».

МОЛИТВА

О, Аллах, Ты – самый высокочтимый из всех почитаемых, а я – только грешник.
О, Аллах, Ты – самый великодушный, я же тот, кто разорен дотла.

О, Аллах, хоть и нет во мне ничего, кроме греха и бунта, однако нет у меня никакого другого спасителя – только Ты!

О, Аллах, меня ведь не было. Но Ты создал меня.
Я был еще ребёнком, когда Ты включил меня в круги великие.

Но ветер высокомерия и страстей сломил слабое деревце моего подвижничества.
Могушество войска моего повергнуто. Разгромлено оно жестоким ударом вражеских сил.

О, Аллах, в дурных поступках своих я раскаиваюсь. Но не погиб я, ибо верю, что спасешь Ты меня от роковых желаний, и надежду храню на Тебя, Создатель.

О, Аллах, увы мне! – не могу спастись я от страсти своими силами.
Из-за желаний пагубных не могу удержаться я у ног хорошего сам по себе.

О, Аллах, если Ты отвергнешь того, кто годы провел в благочестии – не найдется такого, кто был бы с тобой не согласен.

А если примешь тех, кто десятилетиями занят был крамолой, не постигнет никто <до конца> тайну Твоей мудрости.

О, Аллах, ну разве человек занял трон бесправия по своей воле?
Или шайтан стал воплощением смуты без Твоего ведома?

¹ Ляйлятул-мирадж – ночь вознесения к Аллаху, когда Пророку Мухаммаду были ниспосланы первые суры Священного Корана.

² «Есть время <у меня>, дабы предстать пред Аллахом».

³ Ойкумена – место обитания, освоенная и обитаемая земля, где живут в соответствии с общим законом.

О, Аллах, Ты, кто позволяет и воздержание, и порок, и протест, и благочестие – разве можешь Ты всю вину возложить на плечи беспомощного?

О, Аллах, надеюсь я, что поможешь Ты мне, несмотря на мои бесчисленные грехи! Надеюсь я, что заслужу твое снисхождение, хоть и непростительны ошибки мои.

О, Аллах, если расскажу я кому-то о своих страданиях,
и если отвернется он <после того> от меня – к Тебе обращусь я.
Но если же и Ты отвернешься от меня, так куда ж мне идти? Что делать мне?!

О, Аллах, когда пылинка достается мне на пути к Тебе – драгоценна она для меня.
И если высохшая глина попадет в мои руки – будет мне она чудотворной.
Ведь в сравнении с Тобою все великолепие золота – просто пыль и ничто.

О, Аллах, сколь бы много ни послала страданий мне злая судьба,
но если Ты – защитник мой, так какое же может быть у меня горе?

О, Аллах, вырви из моего сердца нить склонности к мирским делам!
Во мраке себялюбия светом верного пути освети мою дорогу.

О, Аллах, на долгой той дороге по жестокой степи поддержи Ты меня
своей щедростью.

А если споткнусь я, преодолевая преграды, стань же опорой мне, окажи мне помощь!
О, Аллах, на трудном пути моем не допусти, чтобы попался я в сети шайтана.

А если враг все же одолеет меня, не лишай своей поддержки меня, злосчастного.

О, Аллах, даруй же силу мне!

И пусть свирепая голова шайтана растоптана будет твердой поступью благочестия.

О, Аллах, нахожусь я во сне, во сне беспечности – разбуди же меня!
Нахожусь я в опьянении невежества – отрезви же меня!

О, Аллах, в отрезвлении том доведи Ты меня до зрелости
И возвысь рассудительность мою до смелости, до отваги!

О, Аллах, управляет мною своевольный характер мой,
а жестокий шайтан стал моим повелителем.
Если Ты не спасешь меня – горе мне.

О, Аллах, даже если характер мой крив – цель моя совершенна.

Хоть и есть у меня опасения, <смогу ли достичь я ее>, – надежд у меня
во сто крат больше.

О, Аллах, бесславно мое положение, однако упование на милость Твою окрыляет меня.
О, Аллах, Ты не способен на зло, а я <не могу сотворить> добро.

Ты так хорош, а я так плох! Эх, каждому отведено свое.
Колючка – чтобы вонзиться в тело, и ее надо сжечь.
А весна – для украшения мира, и ей подобает Роза.

О, Аллах, даже пылинка твоя оживляет глаза людей, подобно тому
как сияние солнца просветляет взор.

О, Аллах, что бы Ты ни сотворил – это судьба.
С тем, кто дарует судьбу, что уж с ним может случиться?

О, Аллах, повелевающему судьбами что за дело до живущих <в бренном мире>?
И кто ж тогда направит тех, кто признал: «нет, сил моих не хватит»?

О, Аллах, хоть и заблуждаюсь я, но прошу о Твоей любви.
Даже если заслуживаю, чтобы гореть в адском огне – надеюсь я на Твое прощение.

О, Аллах, не сокрушай мою веру в Твою милость!
Когда одаряешь народ своей добротой,
не оставь и меня лишенным Твоего великодушия.

О, Аллах, ведь если Ты не будешь моим поводырем,
посох мой станет собачьей скверной.

Если не будешь хранителем тайн моих, рубище мое станет подобным ослиной плети.

О, Аллах, желаю молиться Тебе, да страсти одолевают меня.
Стремлюсь я поклоняться Тебе, да остаюсь в плену своих влечений.

О, Аллах, утратил я разум свой из-за ангелоподобных, уподобившись мотыльку,
летающему на пламя свечи. Из-за этих прегрешений и обесславил меня Ты среди людей.

О, Аллах, пьян я вином высокомерия, вином скрытой гордости.
Из-за пороков этих пленен я шайтаном.

О, Аллах, локон черных волос тому виной – на шее моей повисли тяжелые цепи.
Израненное сердце оказалось в плену от одного лишь воспоминания о темной родинке.

А если Ты уготовил мне такую судьбу, так откуда же почерпнуть мне благоразумие?

О, Аллах, одним взмахом черных ресниц разрушен был покой души моей.
Чаша терпения разбита, лишь только осмелился я взглянуть на ланиты прекрасной.

О, Аллах, каждый пламенеющий рубин <на этой земле> подобен горящей душе моей.
В каждом бутоне алой розы отражается израненное сердце мое.
Преодолеть такие испытания было б под силу Тебе, но не мне – простому смертному.

Аллах, а Ты будто способствуешь их озорным проказам.
Неустанные их проделки только усиливают страдания моей растревоженной души.

О, Аллах, если нельзя остановить этих плутовок, тогда и мне нет спасения.

Ведь все очарование их – от Тебя,
и одержимость моего встревоженного сердца – тоже от Тебя.

О, Аллах, да разве не Ты одариваешь их красотой?
Да разве не Ты сыплешь затем соль на раны моей души?

О, Аллах, стрелы ресниц их умишаешь Ты ядом,
вонзая ядовитое острие прямо в мое израненное сердце.

О, Аллах, красотой манящей разве не Ты награждаешь свечу?
Потому-то так и кратковременна жизнь мотылька.

О, Аллах, сердце возрадуется от вида розы, а трель соловья обжигает печень.
Да разве же все это не от тебя?

Когда зажег Ты свечу любви к той, полной неги, в моем сердце –
забрал покой Ты и у соловья, и у мотылька.

О, Аллах, а если запью из-за тягот любви горькую –
разрушу дотла ведь дом своего благочестия и отшельничества.

Но не пирушкой это будет, нет! И не винопитием...

Это кровь свою глотать я буду винными кубками, вот что это будет.

О, Аллах, если устрою бурю я от завладевшего сердцем томленья –
дотла ведь сожгу я *хирманы*¹ на полях своей веры в ислам.

О, Аллах, как познал я полынную горечь <желаний>, темной стала моя удача.
Дым ее очернил достояние веры моей ...

О, Аллах, метался я в запале по всему краю – и бос, и наг,
покрывая себя бесчестьем с головы до ног.

О, Аллах, в исступлении камнями бил я себя в грудь
и разбил так зеркало беспорочности, обрекая себя на бесславие.

О, Аллах, бывало, блюстители приличий камни бросали в мою голову,
И такое пришлось претерпеть... От людской хулы поник я духом.

О, Аллах, и каких только мук я не испытал!
И каких только бед не приключилось со мною!
Только стонал я от тех тягот, только темнело мое лицо...

О, Аллах, юношеские годы мои прошли в горе и унижениях.
Сотни раз покончить с собою мог бы я без сожаления, так и не достигнув старости.

О, Аллах, а теперь все думаю я отказаться от всего,
но сам-то знаю – не смогу сделать это, понимаю я!

О, Аллах, ведь сам Ты в такие беды вверг меня – так спаси же меня!
Через какие испытания Ты ведешь меня – так освободи же меня!

О, Аллах, что за польза будет Тебе в раскаянии моем?
Ты дай мне такое покаяние, где сам <вместе со мною> будешь просителем,
И где будешь Ты сам благословляющим!

О, Аллах, намаз, который я не прочту, пока люди того не заметят, – это ведь напоказ.
И *Хирка*² для того намаза, что на себя я наброшу, – ведь она для прикрас.

О, Аллах, очисти сердце мое от всего недостойного и поверхностного.
Сделай Ты меня непричастным к одеждам шайтана.

О, Аллах, силу дай моей молитве и сохрани ее в чистоте.

Укажи мне путь благочестия и убереги от ошибок.

¹ Хирман – скирда.

² Хирка – халат суфия, сшитый из множества лоскутков. Такая одежда указывала, что обладатель ее вступил на мистический путь суфия.

О, Аллах, не отчуждай душу мою, и пусть молитва принесет мне очищение.
Речи мои избавь от бунта высокомерия.

О, Аллах, не подвергай меня неизлечимой болезни.

О, Аллах, не ставь меня в зависимость от бесчестного подлеца.

О, Аллах, храни же меня, дабы не пришлось мне претерпеть унижения от безродных и оговор от неправедных.

О, Аллах, освободи меня от беседы с невеждами, от услуг <вечно> недовольных.

О, Аллах, держи меня подальше от козней неблагодарных, возвышая деяния праведных.

О, Аллах, успокой мое сердце состраданием и подлинной любовью к Тебе.
Потоком слез раскаяния очисти глаза мои.

О, Аллах, весь дар златоустый направь на благодарения за бесконечную милость Твою.
Сердце мое наполни похвалою Тебе.

О, Аллах, в восхвалении дай же Ты перу моему вдохновение, дабы принято было написанное людьми.

О, Аллах, не подпускай ко мне <искушение> самолюбования.

Сохрани свет имени моего в памяти народной, оберегая от <злых> обвинений.

О, Аллах, направь же Ты все помыслы мои на благословение тех, чья жизнь полна страданий.

И освети глаза мои пылью из-под ног тех страждущих.

О, Аллах, храни падишаха во главе мусульман навек.

И пусть тень Твоя осеняет главу народа вечно.

Я же неустанно молиться буду и за падишаха, и за бедных.
Вассалом¹.

Перевод DAVRONA

Davrona

Азимова Динора. Поэт, переводчик, автор 3-х поэтических сборников и публикаций в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

¹ Вассалом – это всё.

КОММЕНТАРИИ К «МУНОЖОТ»

Нет единого мнения о том, является ли «Муножот» вводной частью к сборнику «Дары благородным» или это отдельный и самостоятельный труд. Турецкий ученый и литератор Огох Сирри Левенд¹, исследовавший творчество Алишера Навои, отмечал, что «Муножот» является наилучшим прозаическим произведением великого автора. Профессор Левенд занимался поиском рукописей Навои в библиотеках на протяжении всей своей жизни. Он подготовил и организовал издание четырехтомника произведений Навои в Турции. Среди наиболее удачных его находок – обнаруженный в библиотеке Ревен (г. Стамбул) манускрипт, переписанный каллиграфом Дарвешем Мухаммадом Токием, в котором содержалось двадцать шесть работ А. Навои, в том числе и «Муножот». Профессор Левенд полагает, что «Муножот» – введение к сборнику произведений Навои, мы же склонны считать это самостоятельной работой, выразившей состояние автора в сложную минуту его жизни.

Как бы то ни было, читатели данного номера журнала «Звезда Востока» первыми прочтут это бессмертное произведение на русском языке.

«Муножот» – это самое проникновенное прозаическое произведение Алишера Навои. Главное в этом небольшом, но многозначном произведении – критический взгляд человека на самого себя. Поэт показал пример искреннего покаяния, которое приносит надежду и очищение, покаяния, которое придает силы, дабы избежать трагических ошибок.

Но одновременно это и ода красоте. Навои воспевает совершенство прекрасных, признавая их способность пленять сердца, верные любви. Он задается вопросом, не Всевышний ли создал этих красавиц достойными поклонения и восхищения? Поэт говорит, как дорога ему красота возлюбленной: ее брови, глаза, ресницы, ее мускусные волосы, темные родинки, само ее благоухание – все эти земные прелести наполняют его сердце радостью. Поэт вопрошает, не потому ли оказался он в плену своих искушений, что такова была задумка Творца?

Произведение можно условно разделить на две части. Начинается оно согласно традиции восхвалениями Всевышнего и Пророка: *Хамд* и *Наат*. Во второй части поэт переходит к описанию своих душевных переживаний, начиная с благодарения Творцу за то, что тот явил его на свет, и корит себя за то, что не находит сил удержаться от земных искушений. В завершение молитвы поэт просит Всевышнего оградить его от людей недостойных, с дурными намерениями.

В каждой строке мы видим Навои, влюбленного в красоту реальной человеческой жизни. Он не отвергает эту жизнь, не отворачивается от бытия. Оставаясь земным, он опасается измен и горестей, которые выпадают на долю страдающего человека.

В этом небольшом произведении впервые отражено противоречивое состояние поэта, оказавшегося перед непростым жизненным выбором.

¹ Огох Сирри Левенд – известный ученый, турецкий писатель XX века, автор романа «Невзгоды».

Поражает богатство чувств, переполняющих его душевный мир. Высказав, выговорив в мольбе свои тревоги, свойственные живому человеку, он испытывает облегчение, освобождается от груза тяжелых переживаний.

Впервые, пожалуй, поэт предстает перед читателем не как учитель, не как поэт, но как обычный человек, не скрывающий своих недостатков, слабостей и сомнений. Здесь поэт – человек страдающий, ранимый, со своей человеческой судьбой, стремящийся к земным радостям. Но, будучи суфием, придерживающимся обета безбрачия, аскетизма, он считал простое человеческое счастье для себя непозволительным. Не случайно в книге «Хамсатул-мутахаййирин»¹ он называет себя «*факир*» – «бедняк» (от араб. *факара* – «быть бедным»), как это было принято у суфиев.

«Муножот» написана настолько проникновенно, что создается впечатление, будто бы мы слышим голос Навои, видим его взволнованное лицо, переживая вместе с ним выпавшие на его долю испытания. Эта страстная речь выражает самые сокровенные его желания. И, каясь в грехах, он остается по-прежнему преданным красоте и совершенству, защищая высокое чувство любви.

Но разве же не об этом все его творчество?

Во всех произведениях Навои воспевал любовь как бесценный дар человеческой души, облагораживающий человеческую натуру. А целью жизни для поэта-гуманиста было счастье людей.

Обращаясь к своему читателю, Навои сказал так:

*Порадуй же меня – о том, что чаяний своих достиг, доставь мне весть,
А чаянья мои – чтоб ты до целей всех дошел, какие только есть.*²

Азиз КАЮМОВ,
академик

¹ Хамсат ул-мутахаййирин – Пятирца изумлений А. Навои. Ташкент, «Библиотека им. А. Навои», 2015 г.

² Навои А. «Фарход ва Ширин», Тошкент, Г. Гулом нашриёти, 2012 йил, Тўла асарлар тўплами, 6 том, XLVI – боб, 651 б. (Перевод на русский язык – Д. Азимовой).

Памяти мастера**А. Файнбергу**

*Разбойный посвист вольного сонета
Дерзну я вечной музыкой назвать:
Становится струною тетива,
Когда она огнем души согрета.*

*Любовь и вольность – два крыла поэта,
А вовсе не крылатые слова.
Хотя без слов поэзия едва ль
Способна быть духовной сутью света.*

*Но мир не любит тех, кто невпопад
Живет и дышит, думает не в лад,
Не в склад бормочет, а тем паче – пишет.*

*Он огребает за разлад сполна,
Но вольность и любовь – творит, как дышит,
И вечность за изломом дней видна...*

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ВСТРЕЧА В ЧАС РАЗЛУКИ

Писать о творчестве одного из любимых поэтов всегда и сложно, и просто одновременно. Просто потому, что требуется всего лишь объясниться в любви к нему, а это дело приятное. А сложно по той причине, что не хочется объяснять, почему мы его любим. Точнее, любые объяснения кажутся лишними, банальными и как бы немного «не про то...». И тем не менее, я попробую это сделать, потому стихи Александра Файнберга – это та удивительная музыка, которая легла мне на сердце с первых звуков, с первого прочтения. Не знаю, бывает ли любовь с первого взгляда, но любовь к поэту с первых прочитанных строк есть. Именно так случилось у меня со стихами Александра Аркадьевича.

Файнберга можно без всякой натяжки отнести к поэтам, в одинаковой степени владевшим всеми регистрами поэтического мастерства. Ему прекрасно удавались и философские стихи, и сатирические зарисовки, и любовная лирика, и стихи, исполненные гражданского пафоса. И, наверное, один из секретов читательской любви к поэту именно в том, что каждый находит в его творчестве, что-то свое, то, что ему ближе.

Но мне думается, что есть еще другая причина этой любви, может быть, более важная. И я попробую ее сформулировать. Бывают поэты, чьи стихи как бы немного остранены от их личности. Не в том смысле, что она в них не отражается (разумеется, отражается!), а в том, что их стихи скорее прикрывают, чем открывают их внутренний мир. А бывают такие поэты, обладающие такой магией, таким невероятным обаянием личностного начала, что оно, обаяние, буквально заполняет, а точнее, переливается в их стихи. Александр Аркадьевич, личность яркая, неординарная, несомненно обладал этим обаянием. Секрет его (если вообще можно это определить), вероятно, заключается в том, что Файнберг очень тепло относился к людям, что не исключает ни в коей мере трезвости их оценки. Но вот эта нотка сочувствия, понимания общей человеческой участи проходит красной нитью через все его творчество. Его стихи проникают в нас напрямую, самым коротким путем, то есть через сердце.

Почему это происходит? Возможно, по той причине, что поэт не боится быть предельно искренним и открытым. Он не дистанцирует себя от читателя, не смотрит свысока, не похлопывает снисходительно по плечу. Он всегда стоит где-то рядом и, главное, вызывает дружеское доверие и расположение у своего читателя. Как мне представляется, это очень существенное свойство поэзии Файнберга.

Его стихи, открытые и теплые, захватывают, завораживают и ложатся на душу с первых строк. Их хочется выучить наизусть, они дают почти физическое ощущение, будто ты знал их давно, с детства, просто забыл на какое-то время, а сейчас вот прочитал и снова вспомнил.

Выражение «открывает душу» кажется банальным... Общеизвестно, что настоящий поэт всегда открывает нам свою душу или приоткрывает ее, однако он, пожалуй, открывает не столько свою душу, сколько наши, читательские души. Именно поэтому возникает очень достоверное ощущение, что это написано «про меня». Это происходит всякий раз, когда читаешь стихи Файнберга. Таково парадоксальное свойство настоящей литературы: автор пишет про себя, но талантливый текст перерастает личностные рамки и находит моментальный резонанс в сердцах читателей. И частное становится общим, не переставая при этом оставаться частным. Потому что только сам автор знает, с какими

конкретными обстоятельствами связан тот или иной стихотворный текст и кому он посвящен, если, конечно, у него есть адресат. Читателю это знать не обязательно, потому что стихотворение, отзывающееся эхом пережитых событий и ощущений, находит в душе читателя еще одно свое пристанище и начинает жить своей собственной жизнью.

Лирика Файнберга очень демократична по своей сути, и эта открытость читателю особенно ошутима в его любовных стихотворениях. Читая их, вспоминаешь высказывание Маркеса: «Не жалею о том, что что-то прошло, будь благодарен судьбе за то, что это было». У Файнберга много прекрасных, пронзительных, наполненных трепетной музыкой стихов о любви («Сентябрь», «Свидание», «Ни франций тебе, ни италий» и др.)

Во всех этих лирических посланиях много замечательной музыки, обаяния, грусти и благодарности:

Вздыхаете к вечеру:

– Как я устала.

Как много листвы в эту осень опало.

И всё так печально.

И всё так нелепо.

Что делать, любимый?

Окончилось лето.

Люблю я последние дни сентября.

Скрипичным оркестром охваченный город.

Люблю эту свежесть

и ясность погоды.

Природа спокойно уходит в себя.

Уходит...

Как мало уверены мы,

Что всё возвратится к нам после зимы.

В последних туманах скрипят флюгера.

Любимая,

осень стоит у двора.

Казалось бы, уж сколько раз в поэзии звучала тема осени, как метафора уходящей любви, отгоревших чувств и времени, которое все уносит... Но Файнбергу удалось написать совершенно чудесно, по-своему, в свойственной только ему одному интонации. Музыка этого элегического стихотворения ассоциируется со скрипичным оркестром. Если не оркестром, то точно квартетом. Великолепно найденная деталь – «Да на столе деревянном полная средь яблок осенних бутылка вина» невероятно живописна и точна, потому что в этой ошутимой чуть ли не физически картинке мы сразу видим срез жизни, одновременно ее радость и грусть, ее глубокий драматизм. Все было прекрасно, но это закончилось, и расставание предрешилось. И конечно, неизбежна грусть от разлуки с любимым человеком и от этой предрешильности. Но в стихотворении нет никакой обреченности! В нем звучит пронзительная благодарность женщине за те минуты счастья, которые она подарила лирическому герою, за то, что дала ему возможность открыть в себе новую музыку и воплотить ее в так точно найденных словах.

В другом стихотворении «Свидание» описывается встреча двух человек, когда-то, очевидно, любивших друг друга. С первых же строк ясно, что он до сих пор ее любит, может, даже сильнее, чем прежде. Весь текст этого прозрачного стихотворения, наполненного мягким светом, каждая его строчка как бы парит на воздушной подушке грустной иронии. И снова ювелирно подобранные детали, каждая из которых усиливает общий смысл, делая его более глубоким, чем банальная встреча двух людей после долгой (или, может, не очень долгой) разлуки:

*В шампанском, как снежинки,
взыграют пузырьки.
Две кратких наших жизни
покажутся легки.*

*Вино печаль развеет,
И, опустив крыла,
Вдвоем Любовь и Вера
присядут у стола.*

Стихотворение только кажется легкой зарисовкой благодаря точно найденному размеру. На самом деле между строк спрятано очень многое, и «за кадром» осталось намного больше, чем попало в рамки этой стихотворной «короткометражки». Но и того, что так мастерски, несколькими точными штрихами дал поэт, достаточно, чтобы увидеть прошлое и настоящее героев стихотворения. И даже будущее, которого, к сожалению, у них нет.

*А с верой и любовью
не перевесть бесед.
Все есть у нас с тобою.
Надежды только нет.*

И снова, несмотря на такой грустный и, кажется, вполне недвусмысленный финал, у читателя не возникает ощущения безнадежности, потому что в настоящей поэзии бывает иногда, что логическая составляющая стихотворения, так сказать, проекция на наш разум, опровергается самой музыкой и стилистикой текста, его настроением, интонацией, его едва уловимыми нюансами, доступными чуткой душе. В этом нет внутреннего противоречия, а если оно и есть, то это всего лишь вечное противоречие между нашим разумом и сердцем. Да, надежды нет, и все-таки она есть. Она есть, пока на свете существует хотя бы небольшой шанс общения друг с другом через такие замечательные стихи. Потому что по сути они сами и есть надежда, в ее глубинном, экзистенциальном смысле. Надежда, балансирующая на тончайшей грани веры и отчаяния.

Очень близки по смыслу и настроению «Свидание» со стихотворением «Ни франций тебе, ни италий». Даже ситуация фактически совпадает: встреча двух влюбленных то ли на взлете любви, то ли наоборот в самом ее пике, но при полном отсутствии перспективы. Лирический герой предлагает в конце стихотворения печальный и изумительно прекрасный тост:

*За этот погожий денечек,
за мой несчастливый билет,
за то, что божественны очи,
у счастья, когда его нет.*

Читая эти стихи, испытываешь смешанное чувство грусти и легкой зависти. Грусти от того, что у лирического героя что-то не сбылось, хотя, вероятно, «счастье было так возможно», зависти, или точнее восхищение тем, как красиво, романтично и тонко он умеет любить. Потому что чувствовать так тонко дано далеко не каждому человеку, и даже творческие люди не всегда способны на этот уровень постижения. А если это присутствует и трансформируется в замечательные стихи – разве это не счастье? И поэтому снова здесь мы обнаруживаем себя перед удивительным парадоксом жизни: счастья, наверное, нет, оно кратко, эфемерно, мгновенно, но музыка от уходящего, невозможного счастья остается, она переходит в стихи, она продолжает свою жизнь в поэте и отзывается многократным эхом и благодарностью в его читателях. И получается, что художественно осмысленное, пропущенное через сердце художника и заряженное его творческой энергией счастье является той единственной реальностью, которая не подвержена разрушительной силе времени. И это действительно дает нам надежду в каком-то ее самом высшем, метафизическом смысле. Не всегда мы ошущаем, что доросли до нее, но сам факт того, что она есть, помогает нам жить.

И в заключение моих небольших размышлений, наверное, весьма фрагментарных, мне хочется привести стихотворение Александра Файнберга, которое, как мне представляется, можно рассматривать как своего рода лирическое кредо автора:

*Обо мне никогда не печалься.
Я живу, никого не кляня.
Тихо Вера стоит за плечами
в ожидании лучшего дня.*

*В этих далях то дождик, то ветры
да тоска сиротливых полей.
Только в сердце сквозь голые ветки
смотрят очи Надежды моей.*

*Вот и верю я. Вот и надеюсь.
И, вступая под кровли мои,
вновь со мною судьбу мою делит
ангел долгой и горькой любви.*

*Не вражда, что от века слепая,
не обида в душе у меня,
а все та же звезда голубая
над дорогой до лучшего дня.*

Бах АХМЕДОВ

проза

Тимур ГУЛЯМОВ

Родился в Ташкенте. Специалист по международным отношениям. Писатель, переводчик с узбекского, английского, немецкого языков. Автор нескольких прозаических публикаций.

ПЛЯШУЩИЙ МЕДВЕЖОНОК МЕМИ

Рассказ

Меми родился в стране, где разрешается содержать танцующих медведей. Это милый, мохнатый, весёлый медвежонок. Он любит нежиться на деревянном топчане своей просторной клетки, греться на солнышке...

Меми неплохо проводит время. В отличие от многих других танцующих медведей, у него есть наставник, который о нем заботится, кормит-поит, каждый день меняет солому в клетке. С таким вот «своим человеком» Меми гастролирует по стране и радует людей косолапыми танцами. Теперь у Меми в цирке есть постоянная работа, а раньше со «своим человеком», он переезжал с места на место. Каждый вечер перед представлением Меми вычесывают так, что шёрстка его становится блестящей, на косматую шею надевают красивый серебристый галстук-бабочку и, как только начинает играть музыка, Меми, довольно урча, выбегает на манеж. Медвежонок отплясывает, дети кричат от восторга, зрители аплодируют. Меми хорошо проводит время, и на шее у него вовсе не удавка, а галстук-бабочка.

И всё же Меми чувствует себя не вполне счастливым. Он никогда в жизни не видел леса, мечтает о бездонном небе, зелёных лужайках, широких полях, высоких деревьях. «Свой человек» относится к нему хорошо, но Меми чувствует – есть в этой жизни ещё что-то... другое...

Последнее время медвежонок часто думал о побеге. Это было бы нетрудно. «Свой человек» уже так давно знает Меми, что часто не запирает клетку, когда медвежонок возвращается в неё с циркового манежа. В конце концов, зачем Меми бежать? Он никогда и не пытался этого делать. Зачем ему отказываться от спокойной, приятной жизни? Да и куда бежать, как добывать пропитание?

Но чувство, что ему нужно «рвануть», с каждым днем становилось острее. И в один прекрасный день, когда «свой человек» хотел увести его с манежа в клетку, Меми «рванул». Он не раздумывал, не оглядывался, а просто побежал куда глаза глядят. Он бежал галопом, вскидывая над утоптанной землёй свои большие лапы, не слыша ни криков «своего человека», ни испуганного визга посетителей цирка, проворно отпрыгивающих от опрометью бегущего медведя.

Ветер свистит в ушах, галька шуршит под лапами, а медвежонок всё бежит и бежит, пока не заглохнуло сердце, когда, наконец, оказался он на зелёной лужайке.

Ярко светит солнышко, свежо пахнет кое-где зеленеющая трава, но становится ясно: остался совсем один – не видно людей, не видно играющих ребятишек, никто не приносит еды. Меми остался один! Тут медвежонок одолевают сомнения: «Что я наделал? Как теперь я буду жить? Смогу ли я заботиться о себе...» Тяжело ступая, Меми продолжает идти. Свободен, наконец-то свободен, но что делать с этой свободой? Медвежонок снова хочется на нагретый солнцем деревянный топчан своей клетки, хочется блаженно растянуться на нем под солнышком. Но Меми не поворачивает назад. Какая-то искорка в нём заставляет его идти дальше, придает ему сил, влечёт вперёд.

Перейдя лужайку, Меми углубляется в лес, идет он уже довольно долго, начинает урчать в брюшке, и Меми, не останавливаясь, срывает и ест лесные ягоды, но думает при этом о мясе, которым его кормили в цирке. Медвежонок устал, не ожидал, что будет так трудно, ещё немного, и он сдастся. «Какая чепуха эта свобода, – думает медвежонок, – у меня урчит в брюхе, негде спрятаться от холодного дождя, и нигде нет сухой соломы, в которую бы я зарылся и согрелся...» И всё же Меми не возвращается. Быть может, из-за как-то слишком звонко хлопающей под лапами холодной талой воды, или из-за листьев, что застряли в шерсти... Меми голоден, он замёрз, шёрстка вся промокла. Но впервые в жизни он чувствует себя медведем – настоящим медведем в настоящем лесу, а не болонкой в цирковом шатре. Конечно, скверно быть одиноким, голодным, покинутым. И всё же это что-то настоящее, что-то, чего медвежонок никогда раньше не ощущал. И Меми продолжает свой путь.

«Ну хорошо, – думает про себя медвежонок, – медведи, кажется, умеют ловить рыбу, значит и я смогу...» Меми направляется к озеру, которое виднеется за деревьями. Подойдя к прозрачному озерцу, Меми понимает, что это, скорее, небольшой пруд, но в нём действительно плавают рыбёшки, их видно.

Меми наклоняется и обеими лапами шлёпает по плывущей рыбине. Мимо! Нырнув в пруд, Меми снова и снова бьёт лапами по рыбёшкам. Мимо, мимо... Вода в озерце становится мутной из-за поднявшегося со дна ила. Промокший насквозь медвежонок грустно смотрит на проплывающих рыб и вдруг слышит позади себя хихиканье. От испуга Меми выпрыгивает из воды и с громким хлопанием снова погружается в мутную воду. Хихиканье становится громче, и чей-то голос говорит:

– Я Майли, помощь нужна?

Меми едва не пошёл ко дну: медвежонок-девочка! Перед ним стоит настоящая девочка-медвежонок! Ещё никогда в своей жизни Меми не видел лесных медведей.

– Выходи же из воды! – говорит Майли, – ты такой бяка...

Меми действительно весь покрыт тиной. Смущённый, он вылезает из пруда.

– Ты, видно, новичок здесь? – спрашивает Майли, и Меми, счастливый от того, что теперь он может с кем-то поговорить, рассказывает ей свою историю.

– Так ты медведь из цирка? – говорит Майли и с сомнением качает головой, – Тогда тебе нелегко придётся здесь. Ты действительно хочешь попробовать?

И тогда Меми вспоминает здоровенные куски мяса, которые он получал в цирке, сухую солому, в которой так приятно греться, смеющихся людей, «своего человека». Потом вспоминает, как он продирался через лес, голодный и одинокий. Как он пытался удить рыбу, по горло в ледяной трясине.

– Да, – говорит Меми, – я хочу попробовать, поможешь мне?

– Конечно помогу, – отвечает Майли. – Только что такого замечательного в здешней жизни?

– Она настоящая. – отвечает Меми. – Это настоящая жизнь.

проза

**Вика
ОСАДЧЕНКО**

Родилась в 1980 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии. С 2006 г. член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда», публиковалась в республиканской и зарубежной периодической печати, альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат».

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Рассказ

Мальвина идет по улице и мечтает, что хорошо бы, пока каникулы, выкрасить хоть одну невзрачную русую прядку в голубой цвет. К осени, к институту, как раз вылиняет.

Мальвина думает, что надо срочно спросить дорогу: похоже, что она уже заплутала и идет не туда. Людей, как назло, нет – только слева по раскаленной на солнце кольцевой несутся горячие машины, да впереди бодро шагает парень с рюкзаком на плече. И значит, придется ускорять шаг и догонять парня, единственную ее надежду найти Центр.

Мальвине хочется пить, а в сумке в ярко-оранжевой треугольной бутылке плещется холодная вода. Но лезть за ней сейчас означает упустить парня с рюкзаком, и потому придется потерпеть. Она шурится от солнечных бликов, пробивающихся сквозь пыльную листву чинар, и представляет, как апельсиновое свечение теплится в полутьме сумки.

Оранжевый треугольник – новая серия, появилась буквально на днях. «Илхом» начала наступление на город с простой синей бутылки, которую оценили только читатели Бредбери. Однако уже через пару недель вода стала продаваться в четырехгранных бутылках из красного пластика. Затем появился лимонно-желтый восьмигранник, и все словно сошли с ума. За новинкой охотились, а то, что найти эту марку можно было не везде, только подогревало интерес. Мальвина, конечно, начала покупать «Илхом» сразу, с той самой синей бутылки.

Она сжимает зубы и решительно преодолевает последние несколько метров. Мимоходом удивляется совпадению: из рюкзака торчит знакомое оранжевое горлышко.

– Извините, вы не знаете, где тут научный центр?

Симпатичный темноволосый парень широко улыбается и наконец-то замедляет шаг.

– До светофора, потом направо. Тоже на исследования? Пошли, провожу.

Мальвина с облегчением кивает, поспешно вытаскивая из сумки бутылку – горло уже окончательно пересохло. Делает большой глоток. На секунду становится прохладнее, но жаркий ветер с трассы снова ударяет в лицо.

– Меня Азим зовут, а тебя?

– Марина, – она вытирает рот и убирает оранжевую бутылку. – Но вообще-то лучше Мальвина.

У Азима смешные глаза – круглые и удивленные. Приятно, когда люди умеют удивляться.

– Сестренка в детстве зеленой намазала, пока я спала. Потом волосы месяц не отмывались, светлые же. Вот и приклеилось: Маринка-Мальвинка.

– А, ну тогда понятно. Будешь участвовать, да?

– Если возьмут...

– Да они всех берут, – Азим беспечно машет рукой. – И платят на самом деле, представляешь?

– Копейки же выходят...

Азим довольно ухмыляется.

– Это в час копейки. А в месяц – почти как стипендия.

– Все равно мало, – Мальвина настроена скептически.

– Мне нормально, – парень сворачивает направо, на тихую улицу между типовых четырехэтажек. – Главное, что у родителей просить не надо. А то сразу начинается: иди работай, то-се...

Мальвина молчит, но довольно выразительно.

– Я сценарий пишу, – сообщает Азим, правильно истолковав ее молчание. – Фэнтези хочу сделать. Да чтобы как за границей, но узбекское. Потом режиссера найду, сценарий продам, деньги будут. Лишь бы не мешали пока. А дома же не дают.

– Это точно, – признается Мальвина. – Я вообще тоже что-нибудь написать собираюсь. Только пока ничего не написала. Думала на каникулах, а у сестренки то музыка, то подружки – не сосредоточишься. Может, тут получится.

За домами тянется высокий забор, огораживающий какие-то цеха. Азим показывает на вход, над которым горячий ветер хлопает оторванным углом баннера со знакомым по рекламному объявлению логотипом – «НИЦ Психология творчества».

– Вон оно, пришли. Тебе в приемную, направо.

* * *

Жара и пронзительная перебранка майн остаются снаружи. В приемной прохладно и тихо, только чуть слышно гудит компьютер. После солнца, бьющего прямо в глаза, кажется, что здесь царит полумрак. Мальвина скользит взглядом по табличке с именем. Буквы сливаются и мерцают. Подождать, пока глаза привыкнут – не выходит, топтаться под дверью на виду у молодой секретарши как-то неудобно.

В кабинете обнаруживается невысокий мужчина в белом халате. Он помогает Мальвине заполнить анкету: скучные стандартные вопросы, никаких психологических тестов, которые ей почему-то представлялись. В графе «Специализация» – чванливое слово «писатель». Мальвина настороженно косится на него, вертит ручку в пальцах.

– Поймите, нас не интересует качество текста, – устало объясняет мужчина. – Мы исследуем процесс творчества, а не результат. Все, что от вас требуется – это непрерывно творить в то время, пока вы находитесь в нашей лаборатории.

– А как это происходит? Подключаете датчики? – Мальвина в очередной

раз жалеет, что не успела прочесть имя на табличке. Обращаться без него неудобно – словно спотыкаешься среди фразы.

Мужчина привычно улыбается.

– Все приборы работают дистанционно, они улавливают волны, излучаемые мозгом, и датчики им не нужны. Ничего к вам подключать не будут.

Он отходит к шкафу – на белый пластиковый бок падает одинокий луч из окна, прилипает к сетчатке желтым пятном. Мальвина моргает.

– Условия работы простые. В лаборатории можно заниматься только творчеством, за этим следят наши сотрудники. Если хотите выпить кофе, рядом есть комната отдыха. При входе и выходе из лаборатории используйте карточку, ее вы получите в приемной у Мадины. Закончив работу, возьмите у нее чек, деньги получите в кассе. Все понятно?

Мужчина просматривает анкету, не вчитываясь в кривоватые буквы, и придвигает ее к Мальвине. Сверху шлепается паспорт.

Секретарша Мадина дремлет, уронив голову на стол, но при ее приближении открывает глаза.

– Вам карточку, да?

Мальвина кивает, оглядываясь на табличку на двери. «Мельников Олег Владимирович, психолог». Лучше поздно, чем никогда...

Потом, зажав в руке белый пластиковый прямоугольник с номером 1184, она идет по короткому коридору. Слева мелькает та самая комната отдыха (светло-зеленые стены, смех, разговоры). Возле турникета стоит серьезный молодой человек в белом халате. Мальвина прикладывает карточку к окошку.

– Не так, – поправляет молодой человек, турникет отзывается тихим шелчком. И Мальвина наконец попадает в лабораторию.

* * *

Неподалеку от меня сидит парень, которого я сегодня видела во сне.

Кажется, он был друидом или кем-то вроде. Может быть, даже Мерлином. Творилась какая-то волшба, дубы скрипели и качались, а посередине стоял он, весь прекрасный и загадочный.

Наяву мой Мерлин, между прочим, тоже ничего. Стройный, темноволосый, в стильно-черном и с длинным хвостом. Хвост на голове, конечно, а не в ином месте. Хотя было бы забавно.

Он сидит и рисует (на бумаге, карандашом), совершенно не подавая виду, что знает о нашей встрече во сне.

Вокруг все честно творят, отрабатывая плату. В основном за компьютерами – пишут или работают в фотошопе. Клавиши стучат, мышки пошелкивают. По проходам между рядами столов ходят две теткли. Интересно, а если кто-то будет сачковать, они его насильно выведут?

Кроме столов, в обозримом пространстве имеются серое ковровое покрытие и жалюзи на окнах. На вид – обычный офис. Разве что под потолком что-то странное – толстая прозрачная труба, не то из стекла, не то из пластика. Кажется, пустая. Или нет, не пойму. Техники никакой не заметно. Наверное, она вся спрятана в стенах. Или вмонтирована в столы. Или тут вообще нет никаких датчиков, а лаборатория – только прикрытие для подпольных наркодилеров. Может, детектив написать?

Ага, Азим встал и машет рукой. Пойду исследовать курилку. Кстати, про Мерлина я все придумала, вовсе тот мне не снился. А жаль – он симпатичный.

* * *

Этим летом дни мелькают так, что поневоле вспоминаешь школьный курс физики. Скорость зависит от температуры, молекулы при нагревании двигаются быстрее... Раскаленные солнцем числа текут сквозь календарь, как расплавленное золото.

Июнь исчез неизвестно куда. Мальвина обжилась в центре, завела приятелей среди таких же завсегдатаев и многих знает по именам. Только нелюбимый Мерлин держится особняком.

Она приходит с утра, прилежно стучит по клавишам крошечного нетбука, в обед выбегает перекусить прихваченным из дома интернациональным бутербродом (армянский лаваш, корейский салат, грузинский сыр сулугуни). Вечером, когда становится чуть прохладнее, идет до метро в компании новых знакомых. В нетбуке множатся файлы с набросками сюжетов, первыми кривобокими рассказами и зарисовками с натуры.

* * *

Вчера по дороге опять поспорили о фантастике и реализме. Саша сказал, что это эскапизм, и нужно писать о том, что на самом деле существует, не выдумывая сказок.

– Реализм – это и есть самая махровая фантастика, – возразила я и замолчала, чтобы все успели произнести «Как?», «Почему?» и прочие подходящие междометия и наречия.

– На самом деле копни любого, и у него найдется в запасе сверхъестественная история, которая приключилась если не с ним, то с близким родственником или знакомым. Вокруг всегда творится что-то волшебное и странное. А реализм исключает его из искусства, превращая жизнь в расколдованный круг. Так не бывает, отсутствие магии – это выдумки.

И снова все стали восклицать разные междометия, кроме Саши, которому ответить было нечего.

Вообще-то все было не совсем так. Даже, пожалуй, совсем не так (вроде бы всего-навсего перестановка слагаемых, а как меняется сумма!). Ничего внятного я не сказала, и отбиваться пришлось Азиму как главному поборнику фэнтези. Но это не страшно – скажу в другой раз. Что я поделаю, если умные мысли приходят в голову слишком поздно?

* * *

На этот раз Мальвина опаздывает – городские службы, обуянные желанием масштабных перемен, внезапно пустили под снос ряд придорожных магазинчиков, и дорога за одно утро превратилась в суматошную стройплощадку. В воздухе пыль, на земле мусор. Добираться до метро пришлось в основном по обочине проезжей части.

В десять утра воздух уже обжигает, и Мальвине кажется, что она плывет в тигле алхимика – вот-вот растворится.

Приемная, как тенистый, сумрачный оазис посреди асфальтной пустыни. Мадина, привычно невыспавшаяся, стучит на компьютере. Дверь, едва успевшая закрыться, растворяется снова, и Мальвина поспешно отходит в сторону, пропуская Олега Владимировича с бутылкой воды в руках. Удивленно

распахивает глаза: это совершенно новая серия «Илхом», шестигранник цвета морской волны. Где он такую взял? Но спросить, конечно, стесняется.

Психолог, приветственно кивнув головой, исчезает в своем кабинете. Надо же, и он коллекционер... С другой стороны, «Илхом» как раз означает «Вдохновение». Что еще пить сотруднику центра, который исследует творчество?

Мальвина минует коридор, почти не глядя прикладывает карточку к турникету и успевает заметить, как хвостатый Мерлин отходит от мусорной корзины. Это значит, что он опять выкидывал неудачные рисунки. Мальвина пока не видела никаких – ни удачных, ни неудачных. Поэтому она замедляет шаг возле корзины, наклоняется, делая вид, что вытряхивает в нее что-то, и хватается один из смятых листов. Белый комок исчезает в сумке.

Девушка как ни в чем не бывало идет к столу, вынимает и включает нетбук. Открывает вчерашний файл, принимается за работу. И только через полчаса поднимается с места и выходит, держа сумку в руке.

В кабинке туалета Мальвина расправляет лист. На рисунке – странное, но симпатичное существо. Остроухое, растрепанное, темнокожее, с круглыми глазами и широким улыбающимся ртом. Почти человечек, но есть в нем что-то лягушачье, ступни и кисти намного крупнее, чем должны быть.

Мальвина аккуратно складывает лист и убирает в сумку. Пусть останется на память...

* * *

Вечером они идут к метро недавно открытой дорогой между домов – компания молодых, не слишком уставших за день творцов прекрасного. Хозяева поливают из шлангов чахлые садики, а заодно и горячий от солнца асфальт, и в воздухе стоит пьянящий запах прибитой водой пыли.

«Есть еще два запаха, от которых так же кружится голова, – думает Мальвина. – Горячих лепешек и влажных от дождя осенних листьев. Все остальные – просто запахи».

– Вот делать мне дракона или нет? – вопрошает Азим. – С драконом сейчас модно, а вдруг потом он всем надоест?

– На дракона у твоего режиссера бюджета не хватит, – смеется Нинка-художница.

– Дракон – фигня, – морщится Равиль. – Ты же, блин, узбекское фэнтези делаешь, не так, что ли? Сделай какого-нибудь дэва, только чтобы жуткий был, с когтями там...

«Через двадцать лет город изменится до неузнаваемости, – думает Мальвина. – Через десять лет. Через пять. А я останусь прежней, точно такой, как сегодня. И через десять лет. И через двадцать».

Полупрозрачная половинка луны леденцово просвечивает в бледном, еще вечернем небе.

* * *

Лист с рисунком я оставила на столе. Придавила телефоном, чтобы не сдуло сквозняком из открытого окна. А утром, проснувшись, рисунка не нашла.

Как ни странно, лист был на месте. Со всеми сгибами, с сероватым грифельным пятном у правого края. Лохматый же человечек исчез без следа.

Накануне я допоздна сидела в интернете, пытаюсь понять, что это за существо. Пришла к выводу, что мой Мерлин изобразил брауни. И даже порадовалась: польза в хозяйстве от него немаленькая. От настоящего, конечно, не от нарисованного. Но все равно, даже на бумаге полезный брауни лучше, чем какой-нибудь бесполезный дракон. Знаю, я меркантильная.

Тем не менее, брауни не было на листе, под листом, под столом, под ковром – список продолжить по желанию, пока не надоест. Потом махнуть рукой в отчаянии и недоумении, бросить взгляд на часы, схватить сумку, выбежать из дома. Безумные предположения и дикие фантазии добавить по вкусу.

Ну, или не добавлять. И так все странно и непонятно.

* * *

Азим поднимает взгляд от экрана и смотрит на Мальвину с сомнением.

– Ты это придумала, – говорит он скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Ничего подобного! – Мальвина упрямо мотает головой, и голубая пряжка падает ей на глаза. – Так и было! Хочешь, завтра лист покажу?

Парень хмыкает.

– Ну да, пустой и мятый. Выдумщица ты, Мальвинка.

– Так я писательница, мне положено, – пожимает она плечами. – Не хочешь – не верь. А вообще можно стащить у Мерлина еще один рисунок и посмотреть, что будет.

Азим хочет что-то ответить, но тут же закрывает рот, стрельнув глазами Мальвине за спину. Та оглядывается: хвостатый парень отходит от кофейного автомата с бумажным стаканчиком в руке, подозрительно косясь в их сторону. Мальвина краснеет и поспешно захлопывает нетбук.

* * *

Когда в распахнутые окна влетает первый вечерний ветерок, она принимается за выпечку.

– Что это с тобой? – удивляется мама.

– Да так, – отмахивается Мальвина. – Друзей в центре угошу...

Запах горячего печенья течет с восьмого этажа вниз, на пыльную листву темных деревьев, приткнувшиеся у подъезда машины и площадку, где допоздна гомонит ребяня.

Ночью Мальвина мечтательно глядит в потолок. На краешке стола, словно бы случайно забытое, стоит маленькое блюдо с печеньем.

* * *

Увидела у Мадина на столе какую-то совершенно инопланетную бутылку «Илхом» – насыщенного фиолетового цвета, закрученную спиралью.

– Откуда это?

Мадина поспешно свернула текст, который набирала. Роман она строчит, что ли?

– Олег Владимирович принес.

Я заколебалась, но желание немедленно заполучить такую же красоту оказалось сильнее стеснительности. И я отправилась донимать Олега Владимировича расспросами.

Понятия не имею, почему он мне все рассказал. И можно ли об этом

писать, и не наврал ли он – просто для развлечения или ради какого-нибудь психологического опыта.

– Взял в соседнем цехе, – он протянул мне такую же невероятную фиолетовую спираль. – Держите, это вам в подарок. Собственно говоря, вы ведь тоже участник производства.

– Как это? – не поняла я. Психолог окинул меня оценивающим взглядом.

– Вы когда-нибудь слышали о том, что вода способна сохранять и передавать информацию?

– Конечно! – я кивнула, прижав к груди бутылку.

– Тогда вы поймете. В цеху справа – артезианская скважина, откуда выкачивают воду. В цеху слева – разливная линия. А посередине находится лаборатория.

– Труба под потолком! – осенило меня.

– Именно, – кивнул Олег Владимирович, довольный моей сообразительностью. – Вода медленно идет по широкой стеклянной трубе и по пути пропитывается энергией творчества. В том числе и лично вашей. А люди, пьющие воду, получают вместе с ней творческий импульс, который, скажу честно, не так уж слаб. И многие из них сильно меняются – особенно те, кто пьет «Илхом» постоянно. Проект серьезный, что и говорить. Нас поддерживают люди, заинтересованные в развитии культуры в республике, и результаты очень и очень неплохи.

В приемной я размотала голубую пряжку, которую машинально накрутила во время разговора на палец, и сунула бутылку в сумку. Подумав, вышла на улицу. В пятидесяти метрах справа виднелась приоткрытая дверь. Я осторожно заглянула – внутри что-то двигалось и шумело, вокруг не спеша прохаживались двое рабочих. Впрочем, я вряд ли отличу насос от токарного станка, так что особых результатов моя разведка не принесла.

Слева тоже имелась дверь, но перед ней сидел охранник больших габаритов, особенно в области пуза, и зыркал неприветливо. На вопрос о том, какая фирма тут находится, буркнул что-то восьмисложное. И я вернулась к увлеченно печатающей Мадине, к прохладе приемной и нежному шелчку турникета на входе в лабораторию.

* * *

Азим прибегает позже чем обычно и спешит не к своему любимому месту, а напрямиком к Мальвине.

– Выйдем в курилку, поговорить надо! – взволнованно шепчет он. Тетки-смотрительницы недовольно хмурятся, и Мальвина поспешно выскакивает в коридор.

– Ты не поверишь! – говорит Азим. – Вот точно, не поверишь!

– Ну хоть расскажи сначала.

– Дракон! Только маленький, с сигаретную пачку. Но совершенно настоящий, живой. Шипит даже!

– Да что за дракон, откуда?

Азим выставляет перед собой рюкзак с ноутбуком.

– Вот отсюда! Утром вылез, сбежать хотел. Но я его в баллон поймал.

Мальвина хлопает глазами.

– Ты это придумал.

– Ничего подобного! Хочешь, показать могу, только дома.

– Надо было сразу принести.

– Я же в метро еду. Милиция отберет. Ты мне лучше скажи, откуда он взялся?

Мальвина выхватывает у Азима рюкзак.

– Доставай ноут! – командует она. И затем вытряхивает на стол все, что осталось внутри – ручки, какой-то мусор... Белый бумажный комок катится к краю стола, но Азим подхватывает его и разворачивает. На листе ничего нет.

– Мерлин, – говорит Мальвина, – ну точно. Подслушал нас вчера и подбросил... Ох, а у меня тоже дракон?

Она бросается в лабораторию, кое-как справившись с заупрямившимся турникетом, хватает сумку. Выбрасывает на стол косметичку, расческу, пачку салфеток... В углу затаился бумажный комок. Мальвина с опаской достает его – развернуть? выбросить?

Чьи-то пальцы вынимают смятый лист из ее рук. Мальвина вскидывает глаза – перед ней стоит смущенный Мерлин.

– Извини, – говорит он, – глупая была шутка.

Мерлин нерешительно улыбается. Мальвина хмурится, наматывая на палец голубую прядь. Затем не выдерживает и улыбается в ответ.

* * *

Над городом вызревает, неспешно раскаляется тяжелое солнце. Плотные потоки света и жара льются на асфальт, по которому пробегают горячие машины. Где-то среди них затерялась пыльная «газель», на кузове которой виднеется знакомый логотип «Илхом».

Дома, стоящие вдоль дорог, только что покрашены в бежевый цвет. Рабочие заняты креплением белых ажурных конструкций. На торцах зданий мало-помалу прорисовываются орнаменты, у каждого дома – свой. Геометрический узор – гирих – объясняет сущность божественного закона, растительный – ислими – говорит о его проявлениях.

На площади мастера выкладывают из мелкой плитки сложный круговой рисунок.

Автобусы заполнены трепещущими крыльями вееров. Ниже, в прохладных темных тоннелях, летят поезда метро. Пассажиры лениво поглядывают на пластиковые шиты над сиденьями, где вместо рекламы за ночь появились стихи.

Многим кажется, что в городской гул вплелась тихая, почти неслышная мелодия. Смутное предчувствие течет по электрическим проводам, копится в воздухе, ускользает от взгляда. Город живет, как обычно, но иногда замирает на секунду, прислушиваясь. Ему кажется, что он вот-вот вспомнит что-то важное.

ПОЭЗИЯ

**Владимир
КУДРЯВЦЕВ**

Родился в 1936 г. в Арыси (Казахстан). Окончил техникум связи. Майор СНБ в отставке. Стихи пишет с 20 лет. Публиковался в периодической печати Узбекистана и журнале «Звезда Востока».

Старый пенёк...**Восточный базар**

Журчит ручьем живительным базар,
Пленяя взоры щедрым разноцветьем,
Как будто в отзвучавшие столетья
Бессмертный ключ их открывает дверь.

Когда междоусобицы пожар
Стихал, чтоб затянулись пеплом раны –
Тотчас же снаряжались караваны,
Чтоб ожил умирающий базар.

Когда огонь жилища пожирал,
То погорельцы рук не опускали:
Сперва базар стихийно возникал,
А уж потом хоромы воздвигали.

Когда взимать очередную дань
Шел сквозь базар посланец хана знатный –
Увидев потрясающую рвань,
Он с полпути сворачивал обратно.

Пришелец первым делом шел сюда,
Где громогласно торжище вертелось,
И из молвы выуживал всегда
Все тайны, что узнать ему хотелось.

Язык базара краток и велик
И с логикой загадочною дружен;
Здесь все поймут друг друга напрямик,
И переводчик никому не нужен.

Когда вы спор не сможете решить
В пылу амбициозного угара –
Я с радостью возьмусь вас проводить
До мудрого восточного базара.

Джульетта

Пока кружится голова
От страстных слов и рук мужчины –
Дотоле женщина жива,
И для печали нет причины.
Дотоле женщина жива
И для печали нет причины.

Пока является тебе
Хоть в сновиденьях Рыцарь милый –
Не подводи итог судьбе:
Не отцвела. Не отлюбила.
Не подводи итог судьбе,
Покуда сердце не остыло.

Пока, любуясь на закат,
Ты видишь прежние рассветы
И слышишь чудный листопад –
В тебе жива еще Джульетта.
Пока ты слышишь листопад –
В тебе жива еще Джульетта.

Пока дыханью октября
Твой жар душевный неподвластен –
И я, как в юности, горя,
Любуюсь отблесками счастья.
И я, в огне твоём горя,
Любуюсь отблесками счастья.

Старый пенёк

С него уж листья напрочь облетели,
И тень давно покинула его,
И только эхо соловьиной трели
Все воспекает жизни торжество.

Под этой кроной Музыка рождалась
И Строки, что в историю войдут,
И что тогда обыденным казалось –
Шедеврами потомки назовут.

Его писали Шишкин с Левитаном,
И Пушкин у подножия творил,
А сказка не казалась вам обманом,
Когда в ней Кот Учёный говорил.

Когда ж лихое время подступало –
Он в отблесках безумного огня
Вздыхал пошире крону-покрывало,
Свои ростки от бедствия храня.

Его морщины – памятки увечий,
Отнявших у него былую стать,
А тяготы, что он взвалил на плечи,
По кольцам годовым не сосчитать.

Дивились вы его красе и силе,
А нынче он живет вчерашним днем.
И если вы про возраст не забыли –
Снимите шляпу перед Старым Пнём!

Дождь

По мрамору дождинки скачут,
Роняя темные следы,
Как будто памятники плачут
От зябких капелек воды.

Все изменить она стремится,
Летя с небесной высоты:
На скорбно-каменные лица
Наносит новые черты.

Вот Старец чем-то недоволен
(Что значит складка меж бровей!),
А вот Отец гримасой боли
Своих встречает сыновей.

За них он кланялся для виду
Тому, кто был ему не мил,
Но застарелую обиду
Дождь ненароком проявил.

А здесь Бабуля смотрит нежно
На мокрых немощных галчат;
Ждет терпеливо и прилежно
Нескорых на подъем внучат.

Какая теплота струится
От этих старых добрых глаз
И на родных должна излиться,
Не умирая и сейчас.

Когда же солнце вновь вернется,
С земли дождинки соберет,
То каждый памятник очнется
И прежний облик обретет.

...Как я живу на свете этом?
В раю мне быть или в аду?
За самым праведным ответом
Я в дождь на кладбище приду.

Поединок

Вся наша жизнь – борьба. С собою,
С привычкой, завистью и злом,
С желанием сбросить на потом,
Прикрыться Роком и Судьбою.

Стремясь замедлить бег часов,
Мы с Долгом боремся и Лению,
И забываем счет мгновению,
И ищем оправдания снов.

Живет внутри соперник наш,
И даже мыслью управляет,
И намерения желает
Порою взять на абордаж.

Он – наше Я, он неделим
У Близнеца и Козерога;
Нешадно боремся мы с ним,
Но он – Силач и Недотрога.

Его уловки одолеть
Стремимся Волею стальной,
Но он порой встает стеною
Между Уметь и НЕ хотеть.

Но мы не пасынки себе
И Красоту творим всечасно...
Не потому ли Жизнь прекрасна,
Даруя Истину в Борьбе!

Он предназначен нам Судьбою
Или Создателем самим,
Он наше зеркало живое;
Нешадно боремся мы с ним...
Или бодаемся с собою?

Берегите душу!

Не властна над духовностью природа,
Ей даже время года – не указ,
И, может быть, в любое время года
Вдруг расцветет Весна в душе у нас.

Порой нечеловеческие силы
Ее не в состоянии сломить,
И даже проводив нас до могилы,
Душа вне тела продолжает жить.

И если мы духовностью богаты,
Несокрушимой верою сильны –
Нам не страшны любые супостаты
И ураганы жизни не страшны.

А у кого душевный голос глуше,
Тех бытие несправедливое ждет...
Так берегите, люди, свою душу –
Она вам жизнь украсит и спасет!

Мода требует...

Чтобы с моделью сравниться
И не утратить красоты –
Кто-то наклеит ресницы,
Кто-то отпустит усы.

Мода потребует крови –
Сладим и с новой бедой:
Кто ликвидирует брови,
Кто обрастает бородой.

Чтобы журнальное чудо
В зеркале видеть своим –
Грудь накачаем в полпула,
С носа горбинки сметем.

Шрамы, веснушки, морщины
Стянем с лица на живот,
Женщина станет мужчиной,
Бабка девицей сойдет.

Губы как шарик надуем,
Уши к затылку прижмем,
Попочку слепим тугую,
Талию в бублик ввернем.

Если мы пыл не остудим,
То через год или пять
Что мы отращивать будем?
Что захотим удалять?

переводы

ЛЮБИТЬ РОБОТА

Рассказ

«Ну хорошо, – думал я, – обычный робот может говорить по-узбекски, по-русски, по-английски, однако это вовсе не означает, что он узбек, русский или англичанин. Любой робот вне национальной принадлежности. С этим все ясно. А кто такие биороботы, или андрониды, как их стали называть с легкой руки какого-то писателя-фантаста? Их практически не отличить от людей, и, значит, они не могут иметь национальности... Ну, может быть, чисто условно, по внешним признакам...»

– Почему вы молчите? – спросила Хилола. – Вы меня слышите?

Мы с ней сидели на скамейке в сквере. Это было наше очередное свидание. И я был не в лучшем настроении.

«Вот, кстати, чисто узбекский феномен, – продолжал размышлять я, – любимая девушка говорит джигиту “вы”, а он обращается к ней на “ты”, значит он узбек. Забавно!..»

– Вы не хотите со мной разговаривать? – голос Хилолы задрожал. – Может быть, я уже не нравлюсь вам?

– Ну что ты, милая! Как я могу разлюбить эти черные, как агат, глаза, эти рубиновые губы, эти розы на щеках? – я заставил себя улыбнуться.

– Опять смеетесь... А ведь я... люблю вас.

Я так и застыл. Впервые Хилола сказала мне слова, которых я ждал и так боялся. Я полюбил ее давно, еще тогда, когда увидел в читальном зале. Принадлежа науке (я был не я), я не имел права подходить к ней, и все же познакомился с Хилолой и сделал все, чтобы услышать эти роковые слова. Что же дальше?

– Я люблю вас! – повторила она, устремив на меня взор.

Не знаю, как это получилось, но мои руки обвили ее тонкий стан, а губы сложились для поцелуя. Однако Хилола повела себя как истинная узбечка: она выскользнула из объятий и смущенно поправила легкое платье.

Я продолжал обнимать пустоту.

– Пойдемте, мне пора домой! – лукаво улыбнулась она.

Озод МУМИН

Родился в 1952 г. в Ташкенте. В 1975 г. окончил физический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат физико-математических наук, изобретатель.

Член СП Узбекистана.

Автор нескольких книг фантастических, детективных и исторических произведений.

Публиковался в России, Казахстане, Украине.

– Пойдем, – вздохнул я.

Мы побрели вдоль реки. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны тополей, расцветивая ослепительными пятнами газоны, многоцветными искорками вспыхивали капли воды на свежеполитой траве. Покачивались и вспыхивали огненно-красные камешки в сережках Хилолы, сквозь шелковую ткань платица угадывалось ее нежное тело. Я не чувствовал под собой ног. Мысль о том, что я могу потерять эту необыкновенную девушку, сводила с ума. Сам того не заметив, я заговорил стихами:

*Я сию у речки, проглядел глаза.
Это ты идешь, иль падает роса?
Тоненькая девушка, гибкая лоза,
Пусть не увядает юная краса!*

– Это ваши стихи? Это вы мне написали? – восторженно спросила Хилола. Оставив вопрос без внимания, я тихо продолжил:

*Я тебя придумал, как поэт газель.
Ты пришла, испуганно монистами звеня,
От каких охотников ты бежишь, газель?
Отчего встревоженно смотришь на меня?*

– И вовсе не встревоженно! – засмеялась Хилола. – Девушке подобает смотреть или скромно, или лукаво.

*Отчего пугаешься осторожных ласк,
Прячешь лик свой в волосы – черную листву?
Почему боишься, что увидят нас?*

– Посмотрите! – прервала меня Хилола. – Мороженое!

«Вот она, женская логика, – подумал я, – какая связь между стихами и мороженым?» Однако пришлось нажать кнопку и извлечь из автомата две наполненные вафельные трубочки.

Мы ели мороженое и смотрели друг на друга. Я точно знал, что испытываю одни с Хилолой ощущения. Сладкие шарики таяли во рту, морозя нёбо. Слегка ломило зубы. Солнце слепило глаза, обжигало лицо и руки. Над сквером колыхалось знойное марево, едва заметный ветерок шевелил листву деревьев.

Все это я чувствовал так же, как чувствовал бы настоящий человек. Мое восприятие мира ничем не отличалось от восприятия Хилолы, стоящей передо мной...

И тем не менее Хилола была человеком, а я – андроидом...

...Вот поэтому я понимал, что у нашей любви не может быть happy end.

* * *

И снова у меня было свидание с Хилолой. Я ждал ее у речки. У самого берега росли ивы, ветви которых склонялись к воде. Быстрое течение влекло их вперед, но они вновь и вновь пружинисто возвращались. Круглые листья тополей, растущих вдоль аллеи, трепетали и звенели, словно серебряные монеты.

Мрачные мысли одолевали меня. После последней встречи с Хилолой я долго колебался, но все же сообщил в Центр Андроидологии о своем затруднительном положении. Мой наставник Джалол-ака весьма удивился: ни у одного из многочисленных андроидов, живущих на земле и в космосе, до сих пор не возникало подобных ситуаций. Максимум, что они испытывали к людям, – это дружеское расположение либо родственное, братское, чувство. Джалол-ака пообещал разобраться с моими исходными данными и сообщить о результатах. Его спокойствие, признаться, несколько раздражало меня.

– Что же теперь делать? – спросил я.

– А в чем проблема?

– Да ведь я же ее люблю!

– Это отражается на работе?

– Естественно!

– Каким образом?

– Работоспособность увеличилась на тридцать шесть процентов.

– Ну и отлично, продолжай в том же духе.

– Но ведь она человек, а я андроид!

– Какая разница? Не переживай!

Конечно, он был прав. Однако меня раздирали противоречивые чувства. Разницы между мной и людьми не было, я же тем не менее ее ощущал. Ощущения эти, к сожалению, не алгоритмизировались, как и любовь, впрочем.

Вдруг мои глаза закрыли узкие теплые ладони.

– Хилола?..

– Удивительно, – засмеялась она счастливым смехом, – как это вы из сотен женских имен вспомнили мое.

– Ты единственная в мире!

– Немного опоздала, извините. Встретила школьную подругу и заболталась.

– Лучше бы ты совсем не приходила, – сказал я мрачно.

– Какой вы мрачный сегодня, – заметила Хилола беззаботно. – Ой, смотрите! Видите, вон человек идет? По-моему, это андроид.

– Как ты их узнаешь?

– У него слишком идеальная фигура и походка тоже чересчур правильная. Я очень удивился. Мало кто знал об этом.

– Откуда ты это знаешь?

– Разве я не говорила, что мой отец работает в Центре Андроидологии? Он – крупный ученый.

– И его зовут Джалол-ака? – скорее, ответил, чем спросил, я.

– Вы прямо Шерлок Холмс! – засмеялась Хилола. – Сразу вычислили мое отчество.

Река по-прежнему катила свои воды. Ветви узколистных ив упруго изгибались. День клонился к вечеру. Я терзался, не решаясь сказать ей о себе. Но наконец, набравшись смелости, угрюмо произнес:

– Хилола, я должен тебе сказать одну вещь...

– Ой, как страшно! – шутливо отреагировала она.

– Не смейся, это серьезно... Хилола, я не человек, я – андроид!

– Это очередная шутка? Недавно вы говорили, что приехали на машине времени из тридцатого века!

– Это очень серьезно.

– Вы сегодня какой-то странный...

– Когда-то я должен был сказать тебе это. Меня создал твой отец.

Хилола внимательно посмотрела в мои глаза, не осознав еще до конца столь неожиданную информацию, но потом вдруг улыбнулась:

– Как здорово!

– Чему ты радуешься?

– У нас же общий отец! – ответила она и загрустила. – Это мы, получается, брат и сестра?

– Ну и что?

– Брат не может жениться на сестре, – глубокомысленно сказала Хилола.

– Какая женитьба? – взорвался я. – Хилола, пойми, я не человек! Во мне бьется искусственное сердце, в жилах течет искусственная кровь. Мы разные, чуждые создания!

– Вы рассуждаете как расист!

– Не говори чепухи! Представители разных национальностей различаются только цветом кожи, но у них единый генетический корень.

– А у нас с вами что – неодинаковое количество хромосом, что ли? Или кровь разного цвета? Мы же идентичны на любом уровне – морфологическом, клеточном, молекулярном. Правда, вы намного умнее меня. Но мужчина и должен быть таким!

Хилола ничего не понимала. Или ее душа не хотела понимать. Она смотрела на меня своими громадными черными глазами, черные волосы, словно ветви ивы, струились по ее плечам, в серьгах посверкивали огоньки, как капельки настоящей крови. Красота ее могла свести с ума.

– Я люблю вас, – тихо сказала Хилола.

– Я тоже люблю тебя... Ты даже не представляешь как!.. – прошептал я. – Но понимаешь ли ты, что я – робот? Ты полюбила меня как человека, но сможешь ли ты любить андроида? Если даже и так, то ведь однажды ты можешь упрекнуть меня в этом. И тогда мне не останется ничего, кроме как прыгнуть с крыши небоскреба.

– Никогда! Я люблю вас и ни о чем не хочу слышать! Мне все равно – человек вы или андроид, главное, моя душа хочет только вас! Вы же ничем не отличаетесь от человека. Значит, вы и есть человек!

Я был поражен: неужели ее любовь настолько сильна, что она готова остаться со мной?!

– Хилола! У тебя восхитительна не только внешность, но и душа! Я хочу быть только с тобой до конца жизни.

И правда, разве Центр Андрологии запретит мне контактировать с девушкой-человеком?

– Вы должны сделать всё, чтобы мы были вместе и жили счастливо! – отреагировала она.

– Хорошо, я поговорю с Центром Андрологии, – ответил я и посмотрел на нее без особой надежды в душе.

Она радостно улыбнулась. Ее простота и доверчивость стрелой пронзили мое искусственное сердце. В отчаянии я вскочил со скамейки и прямо в одежде бросился в воду. Вынырнув метров через тридцать и, не оглядываясь, быстрым кролем поплыл наискосок через реку.

* * *

Не знаю – плакать или смеяться. О таких метаморфозах можно прочесть только в античных произведениях. Ни за что не поверил бы в случившееся, но Джалол-ака показал рабочие журналы и лабораторные дневники...

Разбираясь в моих исходных данных, Джалол-ака затребовал из архива старые дискеты. Бесстрастный компьютер высветил на дисплее программу и методику, по которым был создан я. На первый взгляд все выглядело правдоподобно. Однако более глубокий анализ показал, что по изложенной программе нельзя создать даже лягушонка. После долгих поисков нашли моего «создателя». Им оказался довольно древний старичок, живущий ныне где-то в Новой Зеландии. Старичок сознался, что пытался разработать новое направление в андроидологии, но его возможности оказались недостаточными для реализации задуманного. И тогда он решился на фальсификацию. Как раз в это время в родах скончалась его жена, то есть моя мать. Он выдал своего сына за свое научное достижение. И даже защитил какую-то диссертацию.

Представляете мое состояние? С одной стороны, я испытал потрясение, в одно мгновение превратившись из андроида в человека. С другой стороны, оказалось, что мой создатель не Джалол-ака, а фальсификатор науки. Позор! А я гордился им! Джалол-ака успокаивал как мог. Говорил, что мой отец не столько преступник, сколько несчастный человек. Что он уже понес наказание, а сын за отца не ответчик. В конце концов, в случившемся есть одна положительная сторона, которая искупает все: я – такой же человек, как и Хилола! Теперь ничто не разделяет нас!

Я был совершенно счастлив и едва тут же не попросил у Джалол-аки руки его дочери, но вовремя сообразил, что это мы должны обсудить с Хилолой. И побежал к нашей речке.

Хилола уже ждала. Впервые со дня нашего знакомства она пришла на свидание раньше меня. Мы бросились друг в объятия. И это тоже произошло впервые! Щеки ее горели, в глазах блестели слезы.

– Что я вам скажу!

– Что я тебе скажу!

Эти слова мы выкрикнули одновременно.

– Все, что хочешь сказать ты, это чепуха в сравнении с моей потрясающей новостью! – воскликнул я.

– Милый, теперь мы можем быть вместе! – радостно объявила она.

«Неужели она все знает?» – удивился я.

– Тебе все рассказал Джалол-ака?!

– Откуда вы знаете? Да, папа подтвердил. Но тайну открыла мама.

– Она-то здесь причем?

– Давайте расскажу все по порядку. Когда вы уплыли от меня...

Я ее прервал.

– Пожалуйста, прости. Я вел себя как дурак.

– Я долго плакала и там, у речки, и дома. Представляете? Сажу у окна и реву, как маленькая. В таком состоянии меня застала мама. Увидела, разволновалась, начала расспрашивать. Я все ей и рассказала.

– Про меня?

– Да. И про вас, и про то, как мы любим...

Я не выдержал и снова обнял Хилолу, и она не оттолкнула меня, а сильнее прижалась к груди.

– Говори! – шепнул я, целуя ее в щеку.

– В общем, мама все поняла и открыла одну тайну.

– Какую тайну?

– Я такая же, как и вы. Я – андроид.

Меня будто током ударило и отбросило от Хилолы.

– Ты что, сошла с ума?

– Да, да! И я так счастлива! Теперь ничто не разделяет нас... Оказывается, папа и мама не могли иметь детей, но очень хотели, и непременно дочку. Вот тогда отец и решил создать меня. Он разработал уникальную программу и методику, благодаря которой я появилась. Представляете? Мои клетки, нервы, сосуды не отличаются от человеческих. Даже генетически я – дочь своих родителей. Любые исследования только подтвердят наше родство. Правда, здорово? Вы рады?

Хилола смело потянулась ко мне губами – я едва успел отодвинуться.

Ошеломление прошло, я начал контролировать свои слова и поступки.

Передо мной манекен, обтянутый кожаменителем, в жилах которого струится искусственная кровь, окрашенная в красный цвет. Ритмично стучит насос, гоняя плазму по хитросплетениям квазиаорт и квазивен. Мерно раздуваются псевдолегкие, вбирая из воздуха кислород, столь необходимый для нормального функционирования андроида. Визуальные анализаторы направлены в мою сторону. Они медленно наполняются смазочной жидкостью. Видимо, в андроиде что-то разладилось, потому что жидкость переполнила анализаторы и заструилась по лицевой поверхности. Меня передернуло от отвращения.

– Извини, любить робота мне не под силу... – сказал я, встал со скамейки и медленно пошел по аллее.

День выдался превосходный. Солнце стояло в зените и, казалось, звенело от напряжения. Тополя поблескивали серебряными листочками и шуршали. Ивы полоскали свои гибкие ветви в прозрачных речных струях. Воздух был наполнен волшебными ароматами цветов и птичьим щебетом...

Хорошо жить в этом прекрасном мире!

Перевод с узбекского Спартака АХМЕТОВА

Спартак АХМЕТОВ

(1938–1996)

Переводчик, учёный-геолог, поэт, писатель-фантаст

караван истории

РИММА-ХАНУМ**1**

Поэтические сборники молодых поэтов 60-70-х годов прошлого столетия... Тоненькие, на газетной бумаге, с ладонь или больше, иногда плохо оформленные. Но они мне всё равно бесконечно дороги, особенно те, что с автографами. Я их берегу как память о людях, с которыми дружил или просто знал. Об одной из таких книжек, а точнее, о знакомстве с её автором мой рассказ.

2

Средняя Азия в творческой биографии поэтессы Риммы Казаковой не была случайным штрихом. Здесь она переводила стихи узбекских поэтов середины 60-х годов – Миртемира, Х. Гуляма, М. Икрама, каракалпака – И. Юсупова, Зульфийи, С. Зуннуновой, Г. Джураевой, О. Ходжиевой, Г. Нуруллаевой, Х. Худайбердыевой...

Творческое содружество нередко перерастало в чисто человеческую дружбу.

Казакова часто приезжала в Ташкент на Декады литературы и искусства, которые в те времена проходили во многих республиках, съезды писателей, по издательским делам.

В один из таких приездов я и познакомился с Казаковой в редакции журнала «Звезда Востока». Было это в кабинете заведующего поэзией и прозой писателя Михаила Кирилловича Гребенюка, автора замечательных книг: «Дневник следователя», «Машина путает след», «На участке беспокойно» и других.

– Знакомься: Римма Казакова, – представил он гостью.

– А я уже знаком, – сказал я.

– Как? – удивилась Казакова.

– По стихам.

– Ну, да, – улыбнулась она.

Здесь же в кабинете находилась поэтесса Наталья Павловна Бурова. Я включился в разговор о стихах, о поэтах, журналах, общих знакомых. Но дверь в кабинет приоткрылась и показалась кудрявая голова поэта Раззака Абдурашида, сотрудника СП.

– Римма-ханум, – обратился он к именитой гостье, – вас приглашают на совещание.

**Николай
КРАСИЛЬНИКОВ**

Родился в 1948 г. в Ташкенте. Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг «Глиняный соловей» (1993), «Тайна охотничьего домика» (1994), «Аистинный снег» (1996) и других. Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Арион», «Нева», «Костер», «Сельская молодежь». В 1996–2001 возглавлял журнал «Звезда Востока».

Римма Казакова.

В эти дни в СП Узбекистана проходил симпозиум поэтов-переводчиков. Был большой наплыв гостей из Москвы, Ленинграда, Минска и других городов. Казаковой явно не хотелось прерывать нашу беседу и вновь окунаться в официальную обстановку, она кивнула Раззаку: – Сейчас поднимусь.

Образовалась пауза. Кириллыч, так я для краткости иногда называл Гребенюка, сразу же нашёлся:

– А что, если нам после собрания продолжить беседу в «Уголке»?

Кафе «Уголок» находилось неподалёку, сразу за сквером, в торце старинного здания. Там всегда можно было заказать обжигающих, румяных цыплят табака со жгучим соусом и салатом. Из напитков холодное шампанское или армянский коньяк, на десерт – в металлических вазочках-креманках мороженое, пломбир или сливочное.

Предложение для Казаковой показалось заманчивым. Она задумалась, но тут же вздохнула:

– Жаль, не получится.

– Что так? – лукаво спросил Гребенюк.

– После собрания мы с группой узбекских писателей едем в Пскент в какой-то совхоз на встречу с читателями.

– А что тут жалеть? – вступила в разговор Наталья Павловна. – Давайте встретимся в любой другой день. Можно у меня дома. Коля дорогу знает. Поговорим, читаем стихи.

– Это даже лучше, – охотно согласилась Казакова. – Не люблю людных мест. Завтра по графику я свободна, – и, кивнув нам с Гребенюком, добавила: – Заезжайте, мальчики, за мной на Шелковичную к обеду, поедem к Наталье Павловне. А пока – до свидания!

3

В назначенное время мы, наполнив фруктами и напитками два звонко хрустящих пакета из крафт-бумаги на Алайском базаре, где «купля руки жжёт, а продажа греет», на такси приехали на Шелковичную. На этой спокойной и тенистой улице находилась небольшая и уютная ЦИКовская гостиница. Здесь останавливались влиятельные гости – партийные боссы, увенчанные орденами раисы и, конечно, видные деятели кино и театра, писатели и переводчики: уважаемые аксакалы-адаптеры восточной классики С. Липкин, В. Державин, В. Пеньковский, Н. Гребнев... Признанные мастера своего дела! Они переводили и современных поэтов, и прозаиков, приближённых к власти.

Удостаивалась высокой чести жить в этом элитном одноэтажном бунгало и Р. Казакова, стремительно набиравшая к тому времени известность наряду с прославленными и шумливыми поэтами-шестидесятниками Е. Евтушенко, А. Вознесенским, Р. Рождественским, Б. Ахмадуллиной...

Полусонный милиционер, охранявший подъезд к гостинице, сплюнув насвай, точно индюк зелёную струйку из гузки, попросил таксиста отъехать подальше от «мехмонхоны». Тот стрельнул недовольными глазами в нашу сторону, буркнул,

чтобы мы не очень задерживались, и отогнал «Волгу» метров на сто под тенистые деревья.

Видимо, о нашем визите, охрана была предупреждена и нас без всяких проволочек пропустили, даже документы не проверили. Дверь в комнату Казаковой была предусмотрительно приоткрыта и, услышав наши шаги, она бойко пригласила: «Заходите!»

Поэтесса выглядела, как на фото в журнале «Юность», где недавно были опубликованы её стихи: фирменная короткая стрижка, на шее бусы агатового цвета, кофточка цвета «цикламен», светлая юбка, простенькие туфли. Образ обворожительно окутывал редкий в те времена французский парфюм.

Тепло обменялись любезностями. На круглом столике в хрустальной вазе благоухали утренние розы: белые, бордовые, жёлтые – из пригостинного сада. Рядом с цветами стояли пузатенький разукрашенный яркими маками чайник и фарфоровые крошечные пиалы. Казакова предложила нам чаю: «Свежий, самаркандский, 95-й». Она уже была знакома с гастрономическими особенностями местного быта.

Гребенюк поблагодарил, сказал, что нас ждёт на улице такси, и мы дружно покинули гостиницу.

Была вторая половина июня. Плескали лапастой листвой чинары. Цвела ленкоранская акация – в Ташкенте она благоухает всё лето. Возле наших ног тёплый ветер полоскал её розовые пушинки.

– Какие необычные цветки, – удивлялась Казакова, боясь наступить на соцветия, пока мы шли к машине.

Что-то вспомнив, она вдруг остановилась, открыла сумочку и грустно произнесла:

– Ой, а я очки забыла! У телефона оставила...

– Хотите, я сбегаю за ними? – предложил я.

Казакова подумала и махнула рукой:

– Не надо. Вас без меня всё равно не пропустят в гостиницу. К тому же, возвращаться – плохая примета.

– Правильно, – поддержал Гребенюк. – Если понадобятся очки, я дам свои!

4

Водитель такси, средних лет мужчина, дремал за баранкой под колыбельное шёлканье счётчика. Кириллы ногтем указательного пальца постучал по лобовому стеклу. Таксист вздрогнул, распрямил с хрустом плечи, зевнул и притворно улыбнулся:

– А я подумал – вы надолго.

Наталья Павловна жила со старой мамой на другом конце города, на 26-м квартале Чиланзара, на первом этаже панельного четырёхэтажного дома, построенного после памятного землетрясения белорусскими строителями: Ташкент строила вся страна! До этого Буровы ютились в небольшой комнате на улице Двенадцати тополей, хорошо известной старожилам каменного города.

Ещё раз уточнив адрес, таксист завёл машину. Пока за окнами «Волги» плавно мелькали контуры стремительно обновляющегося города, Казакова с удовольствием вспоминала о вчерашней поездке в Пскент. Впечатления от увиденного и услышанного её буквально переполняли. Она лёгкими красками высловливала так понравившиеся пейзажи, виденные за Той-тепой: округлые

домики какого-то кишлака, обилие воздуха, зелени, солнца, мелькающие тени мальчишек, овец, птиц...

Искренне удивлялась скромному быту сельчан и не показному их гостеприимству, большим семьям, где дети – уверенность в будущем и опора в старости.

Поэт Сайяр шутиливо тогда заметил:

– Средняя Азия – не Россия... Здесь аисты приносят детей каждый год!

Слушая восторженный рассказ поэтессы, водитель полуобернулся к ней и поинтересовался:

– Вы, случаем, не актриса? По телевизору, кажется, вас видел. Лицо показалось знакомым...

– Почти, – пошутила Казакова. – Только я работаю не на сцене, а со словами.

– А-а, понятно, – кивнул водитель, хотя ровным счётом ничего не понял.

Чувствовалось, что Средняя Азия нравилась Казаковой: её исторические памятники, древние и новые города, мастера-гончары, ювелиры, красочные базары, прошлое и настоящее земли «белой коробочки и золотого граната».

Местные собратья по перу обращались к ней не иначе, как Римма-ханум. Приставка «ханум» означает в переводе с тюркского «лунная принцесса» или «госпожа». То и другое Казаковой заметно льстило, она и не скрывала этого. Поскольку таких обращений у себя в Первопрестольной никогда не слышала от коллег по перу – завистливых, самовлюблённых, мстительных...

Иногда, чтобы «разбавить» слишком серьёзную тему беседы, Кириллыч ненавязчиво поворачивал её в шутиливое русло. Когда Казакова спросила меня, как я переношу землетрясения, частые подземные толчки, я честно признался, что 26 апреля 1966 года было страшно, а потом стал привыкать, как многие...

– Узбеки не боятся землетрясения, не выбегают на улицу, – сказал Гребенюк. – Такой невозмутимый народ. Их больше пугают сквозняк и сглаз. Замечали у взрослых и детей на руках и шее всякие амулеты?

Водитель и Казакова улыбнулись.

Так незаметно за разговорами и шутками подъехали к дому Буровой. Водителю, очевидно, понравились беседы необычных пассажиров, которых он вначале принял не слишком дружелюбно.

Наталья Павловна уже была готова к встрече гостей. На круглом столе, застеленном розовой скатертью, в керамической вазе стоял пышный букет белых бульдонежей. Рядом графинчик с домашней настойкой. «Фирменное» вино её мамы – Олимпиады Яковлевны, – изготовленное из сухой вишни. Четыре тарелочки с ветроногими ромашками по краям. Вилки, ножи, пузатенькие рюмки. На цветастом фарфоровом блюде сложены горкой картофельные шанежки, аппетитные, поджаристые. В посудинке, напоминающей карпа, нас ждал салат по-узбекски: «Аччичук» – из помидор, нарезанных кружочками, прозрачными кружевными ломтиками. Сверху, снежно ослепляя, лучился лучок, оттеняя стручки горького перца.

Я выложил из пакета на стол горячие лепёшки и «заказ»-самсу, бутылку пятизвёздочного коньяка. Второй пакет с фруктами Наталья Павловна вынесла на балкон, на «десерт».

Вымыв в ванной руки, мы расселись вокруг стола.

– А где Олимпиада Яковлевна? – спросил я, оглянувшись по сторонам.

– Ушла к соседке, поболтать, – сказала Наталья Павловна. – Да ты не отвлекайся, наполни рюмки, кто чего пожелает.

Решили начать с коньяка. Женщины попросили для пробы налить по полрюмки.

– А мне наливай с корочкой, – попросил Кириллыч.

– Это как? – не понял я.

– Полную!

Я знал, что Гребенюк последние год-два находился в твёрдой «завязке», серьёзно занимался йогой, даже на работе во время обеда. Для этого у него в редакции в шкафу среди журналов лежал персидский коврик. Знал и то, что Кириллыч был из тех людей, которые, если дорвутся до спиртного, то одной рюмки ему будет много, а пятнадцать... мало.

Горлышко бутылки в нерешительности застыло над рюмкой моего старшего друга.

– Наливай смелее, – подтолкнул меня командирский голос Гребенюка. – Сегодня я в однодневном отпуске!

Первый тост Кириллыч поднял за женщин, «очаровательных и по звёздному талантливых».

– Ой, – спохватилась Наталья Павловна, – а у меня где-то в холодильнике шоколадка затерялась!

– Кто же в Азии коньяк с шоколадом пьёт? – пожурил Гребенюк. – Здесь в самый раз – аччичук, – и Кириллыч с запозданием поспешил положить салат женщинам в тарелочки, а мне кивнул: – Сам достанешь!

– Жаль мне горького нельзя, – сказала Казакова, – но очень хочется.

– Раз хочется, попробуйте чуть-чуть с самсой или с шанежками, – предложила Бурова. – Это вкусно!

Дегустация коньяка и аччичука прошла удачно. Однако после первой рюмки коньяка женщины почему-то твёрдо перешли на домашнее вино. Затем последовали неоднократные тосты... За знакомство, за дружбу, за поэзию и за многое другое. Бурова ностальгически расспрашивала Казакову о своих сокурсниках по литинституту, где ей недолгое время посчастливилось учиться, – К. Ваншенкине, Н. Коржавине, Т. Сырышевой, О. Кожуховой, Н. Старшинове... Казакова охотно, что помнила и знала, рассказывала.

Гребенюк как самый старший за столом роль тамады оставил за собой. Иначе и не могло быть. Представительный мужчина средних лет, выше среднего роста, плечистый, подтянутый, в роговых очках, с тёмной аккуратной бородкой, сквозь которую пробивалась благородная сталистая седина. Женолюбец, селадон, жизнелюб. К нему, как пчёлы на редкий медоносный цветок, тянулся разновозрастный женский пол. Тормозной путь молодости писателя слишком растянулся. В этом смысле Кириллычу позавидовал бы и библейский Иаков. Не зря поэт Виталий Качаев говорил, что у нас в стране «два вечно молодых человека – Ленин и Миня!». Миней он называл Гребенюка.

– Две вещи не старят мужчину: любовь и коньяк, – рассуждал меж тем тамада.

– Как вам удалось это определить? – спросила Казакова.

– Ах, Риммочка, не спрашивайте, поживите с моё – сами узнаете, – витиевато ответил Кириллыч.

Какая злая муха пролетела в этот момент над столом, я не заметил, но Казакова вдруг громко и сухо поправила:

– Не Риммочка, а Римма Фёдоровна!

Но тут даже Бурова удивилась:

– Почему так официально?

– Не обижайтесь, пожалуйста, – сказала Казакова, обращаясь ко всем нам. – Когда-то в беседе мой учитель Константин Михайлович Симонов сказал: «Запомни, если будешь позволять, чтобы тебя называли Риммой, так и останешься Римкой до вялотекущих лет. Так что – только по имени отчеству!»

– Что ж, в этом тоже есть свой резон, – согласилась Бурова.

– Вы действительно близко знаете Симонова? – спросил Гребенюк.

– Со студенческих лет, – сказала Казакова.

– А вот я с ним встречался только пару раз и то случайно в редакции газеты «Правда Востока», когда он находился в Ташкентской ссылке в конце 50-х, – Кириллыча потянуло на воспоминания. – В Ташкенте Симонов оставил добрый след, помогал детскому дому. Перед тем, как уехать в Москву, сделал близким людям, которых успел полюбить, «царские подарки»: личному шофёру оставил свою новенькую «Победу», а известному в городе детскому доктору Шварцу подарил библиотеку. Некоторые книги были с автографами известных писателей.

– А вот об этом я не знала, – сказала Казакова.

– Скромность украшает человека, Римма Фёдоровна, – подчеркнул Гребенюк и по привычке хотел, было, шаловливой дланью скользнуть по талии поэтессы, но она вовремя остановила его: «Только без нежностей, Михаил Кириллович!»

Гребенюк, сложив ладони к груди, индийскими намастэ раскланялся и пообещал вести себя впредь пристойно.

Обещание он сдержал, и больше никаких трений между ними не было.

Хотя Казакова и намекнула Кириллычу, что тот своими действиями напоминает ей классика советской литературы, лауреата многих премий, поэта С. П. Шипачёва, который тоже не равнодушен к «девьим чарам».

– Правильно, – вступился за именитого коллегу Гребенюк. – Вдохновенья без чувств не бывает!

Дискуссия о нравственности не нашла своего продолжения, она показалась скучной.

– Римма Фёдоровна, а как вы относитесь к стихам Шипачёва? – спросила Бурова.

– Жизнь у Степана Петровича по поэтическим меркам длинная, – сказала Казакова, подумав. – Но, к сожалению, он не смог сделать ее глубокой, несмотря на то, что сам декларировал, что «любовь – не вздохи на скамейке, / И не прогулки при луне». В данном контексте «любовь» и есть жизнь, творчество! Однако они по стихам поэта прошли, как мне кажется, поверхностно.

– Жаль, что нам на осмысление пройденного пути иногда не хватает ни времени, ни души, – посетовала Наталья Павловна, а потом встала из-за стола и попросила разрешения покурить. Любимыми её папиросами были «Беломорканал». Казакова поддержала Бурову и составила ей компанию.

А вот мы с Кириллычем оказались не курящими. Женщины хотели выйти на балкон, но Гребенюк остановил их:

– Курите здесь! Небось, не отравите. А мы лишний раз с удовольствием вместо папирос «отравимся» коньячком за прекрасных дам.

Молчание – родная сестра пустоты, и Казакова предложила:

– Что мы всё о поэтах... Давайте лучше почитаем стихи! С кого начнём?

– С хозяйки! – в голос, не сговариваясь, воскликнули мы с Кириллычем.

– Я не против, – не стала жеманиться Бурова, покашливая, – только чтец

из меня никудышный.

– Стихи сами за себя скажут, – улынулась Казакова.

Наталья Павловна достала из тумбочки листы с отпечатанными на машинке стихами и, перекладывая их, как карты, отобрала несколько для чтения, наиболее близких ей: уже известные и новые. Это были стихи о Средней Азии, куда судьба забросила бабушек и дедушек поэтессы во времена столыпинских реформ, о земле, природе и людях замечательного края – перепелиного, фольклорного, щедрого на солнечные фрукты, помощь и дружбу, – ставшего русскому сердцу родным и близким. Я знал от З. Тумановой, что стихи юной Натальи нравились К. Чуковскому, А. Ахматовой, позже – С. Бородину. А от мамы Буровой – Олимпиады Яковлевны – запомнил брошенную вскользь в минуты откровенности реплику: «Наталья прожила неудачно, но честно». В этих словах сквозили печаль и гордость матери за судьбу своей дочери, стихи которой были «предельно свежи и беспредельно просты»:

*Далёко, далёко вода серебрится,
И море как будто бы стало седым,
И, словно боясь в синеве раствориться,
В тугую полосу свивается дым.

Я тоже искала у моря границы
И в хлесткой волне не страшилась прилечь.
Узнав на воде отражение птицы,
Шагала до глуби, до уровня плеч.*

Музыканты говорят, что обертон – это термин, который означает оттенок звука в музыке. Такой же обертон чувствовался и в лучших стихах Буровой. Я бы добавил – не только оттенок звуков, образов, слов, смыслов, но и цвета – звенящих масляных и акварельных красок. Об этом же коротко и ясно сказала Казакова:

– Стихи высокой пробы! – и после короткого молчания Римма Фёдоровна вызвалась почитать свои стихи.

5

Здесь мне хотелось бы вкратце напомнить читателям биографию поэтессы. Казакова родилась в 1932 году в Севастополе в семье служащих. Следуя моде тех бурных индустриальных лет, родители дали ей не совсем обычное имя Рэмо (Революция, Электрификация, Мировой Октябрь). Когда подошло время получать паспорт, она отказалась от своего искусственного имени и поменяла его на созвучное – Римма. Родители были не против. Они осознали ошибку с выбором имени дочери.

Школьные годы Казаковой прошли в Ленинграде, затем родители переехали на Дальний Восток. Уже в послевоенную пору она поменяла ряд профессий – была преподавателем, лектором, корректором в газете, помощником режиссёра на местном телевидении. В те же годы стала писать стихи. В 1960 году Казакова обосновалась в Москве, поступила на ВЛК (высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР), которые успешно окончила.

Стихи её привлекали молодой напористостью, свежестью. Они были глубоко лиричны, а значит – музыкальны. Недаром многие из них стали текстами песен.

Казакова много ездила по стране, охотно выступала со стихами на бесчисленных стройках, на отдалённых заставах, в переполненных студенческих

аудиториях... Нам она прочитала: «Подмосковье», «Волчьи ягоды», «Родился сын-пылиночка», «Офицерская жена», «Девчонки»... Казакова только заканчивала читать стихотворение, а мы уже просили следующее.

И когда она буквально выдохлась, Кириллыч предложил выпить за ее творчество, что мы с удовольствием и сделали.

По кругу подкатил черёд читать Гребенюку. Вообще Кириллыч относился к цеху прозаиков. Но мы, его друзья, знали, что он с юности «кропает» стихи «для себя». Иногда на творческих встречах читает их. Вот и сейчас Гребенюк с большим воодушевлением прочитал пару канцон о рыцарской преданности и любви.

Бурова и Казакова сдержанно поблагодарили прозаика-поэта за «состояние постоянной влюблённости».

Неотвратимо наступала и моя очередь... Честно говоря, я страшно стеснялся приближения этого момента.

Не смотря на разность творческого почерка, и Бурова, и Казакова, и Гребенюк для меня были неоспоримыми авторитетами. У них выходили книги, они состояли в творческом союзе, их уже знали и любили читатели.

А я кто? Ну, публикуюсь в местных газетах и журналах, иногда в Московских изданиях. Ну, вышла первая книжка стихов для детей «Тополь-тополёк»... Мало ли таких авторов...

Я совсем было сник, но тут мне на помощь подоспела Наталья Павловна:

– Коля у нас пишет детские стихи. Иногда отличные. Недавно у него вышла книжечка.

– Прекрасно, – поддержала Казакова и, обращаясь ко мне, подмигнула: – Прочитай что-нибудь!

Отринув робость, я стал читать. Среди стихов была и «Летняя тропинка»:

*У тропинки загорела спинка,
Мчится к речке по жаре тропинка.
– Плюх! – с обрыва в светлый водоём.
Глядь! – уже на берегу другом
Вьётся полем, бабочкой порхая,
Словно и не плавала – сухая!*

Судя по улыбкам, стихи понравились. Казакова даже повторила вслух строчки:

– У тропинки загорела спинка,

Мчится к речке по жаре тропинка, – одобрила: – Хорошо!

То ли «пятизвёздочный напиток» подействовал на меня, то ли неожиданная похвала столичного мэтра, которая всегда, как и доброжелательная критика, полезна для молодого поэта, но я осмелел, «распушил свои павлиньи перья», произнёс:

– Я ещё проявлю себя лет через... двадцать!

– Почему так долго ждать? – посетовала Наталья Павловна.

– Хорошему коньяку требуется время, – ответил за меня Гребенюк.

И правильно сделал, я бы не нашёлся в ту минуту, что сказать.

– Ну, ладно, дорогие гости, – улыбнулась Бурова, вставая из-за стола. – Вы тут поговорите без меня, а я пока на балконе приготовлю фрукты на десерт.

Возник удобный и подходящий момент, которого я ждал с нетерпением, я достал из своего портфеля, приготовленный для автографа, сборник стихов Казаковой, вышедший ещё в 1964-м году в издательстве «Молодая гвардия»

в серии «Библиотечка избранной лирики» тиражом сто сорок тысяч экземпляров. Эту книгу я купил на Чорсу, в книжном пассаже. Продавец, протягивая её мне, вздохнула: «Последняя!»

6

Вспомнив о таком фантастическом тираже поэтического сборника, подумал, как бы либералы не хулили прошлое время, называя его застойным, те годы для литературы (и не только!) были поистине плодотворными. Поэтические сборники как начинающих, так и известных поэтов выходили тиражами от трёх до трёхсот тысяч экземпляров, у прозаиков в «Роман-газете» тиражи зашкаливали за миллионы, такие же огромные читательские аудитории имели и толстые журналы. Строго соблюдались издательские договоры: никогда не возникало никаких форс-мажорных обстоятельств, как водится, не в пользу автора.

Тут же напомним о таком деликатном вопросе, как оплата, о котором почему-то поэты, как средневековые дервиши, стараются умалчивать, как будто они питаются одним божьим промыслом и ангельским подаянием. Но об этом, кажется, лучше всех сказал Олжас Сулейменов:

*Но коль тебе за пение не платят,
Не будешь ты понятен и жене.*

Понимаю, многих не публиковали. Да, случалось и такое. Но в основном это были графоманы, именно они и отсеивались. Существовала строгая и во многом справедливая редакторская школа, и не столько политическая, сколько нравственная цензура.

Я знал десятки, а то и больше, литераторов, которые постоянно жаловались, что вот, мол, пишут свои «нетленки» в стол, приравнивали себя к Солженицыну, Бродскому. Но вот открылись для творчества все возможные и невозможные шлюзы. А где хоть одно произведение по силе равное булгаковскому «Мастеру и Маргарите», или приближённое к уже упомянутым Нобелевским лауреатам.

Где вы, создатели «нетленок», а точнее, ваши произведения?

7

Я протянул книжку Казаковой и попросил:

– Подпишите, пожалуйста!

Она взяла сборник, нежно погладила ладонью обложку, в будущем я часто замечал, что так поступают многие авторы, когда встречаются со своими старыми изданиями. словно это дети, которых они давно не видели... Наверное, так: для каждого творца его книга, будь это первая или десятая, независимо от года издания и количества, – дорогое дитя. Не один день, бывает – месяцы, годы, он, лелея, страдая, бережно вынашивает его.

– Дайте ручку, – попросила Римма Фёдоровна.

Из нас троих ни у кого ручки не оказалось. Хороши поэты: сапожники без сапог!

Мне пришлось обратиться к Буровой. Наталья Павловна с трудом отыскала шариковую ручку с кричащими красными чернилами. Но тут понадобились очки. Гребенюк, как и обещал, дал свои с плюсовыми диоптриями. Казакова, оказывается, тоже страдала дальноркостью.

– Прекрасно, – сказала она, примеряя очки, и тут же за столом подписала

мне свой сборник: «Коле Красильникову, детскому поэту от деДской (уже) поэтессы (на случай «20 лет спустя»). На добрую дружбу. Римма Казакова. 24. 06. 71. Ташкент».

Кириллыч хотел, было, что-то спросить, но тут в комнату вплыла Бурова:
– Приглашаю вас, дорогие гости, на балкон!

Там в просторной солнечной лоджии был накрыт пластмассовый столик – «дарами земли узбекской».

В простеньких стеклянных вазах сияли кибрайская черешня, канибадамские абрикосы, в просторечии – урюк. Посередине столика на алюминиевом подносе нас ждала принцесса бахчи – дынька-скороспелка из-под Янгиюля с тонкой лимонной кожицей и размытыми зеленоватыми полосками. Сколько помню, старгородские мальчишки называли её «сапча». Почему «сапча» и что это означает в переводе на русский, я до сих пор так и не знаю. Она является предтечей «дынного сезона».

С «сапчи» мы и начали наш десерт. Дынька оказалась очень душистой, сочной, таяла во рту, но не была... сладкой. Чтобы не запачкать соком одежду, мы ели её, смешно вытянув по-страусиному шею. И всё же дынька показала Казаковой отличной:

– Медовая ягода.

– Отличная метафора! – воскликнул Кириллыч.

– Не моя, – улыбнулась Римма Фёдоровна. – Так сказал царь Алексей Михайлович, ну, тот, что из династии Романовых, когда впервые попробовал дыню.

Зато черешня и абрикосы на редкость были сладкими: половина сахар, половина ми-и-ёд, как припевают на базарах.

Понемногу пробуя фрукты, Казакова приходила в восторг.

– Я не раз слышала от местных поэтов, – говорила она, – что тот, кто ест абрикосы и дыни, всегда молод и весел, – и, посмотрев на Гребенюка, поинтересовалась: – Это правда, Михаил Кириллович?

– Пока не знаю, – усмехнулся Гребенюк. – Как почувствую, скажу.

Незаметно, весело и непринуждённо закончилась наша поэтическая встреча. Узбекские коллеги называли бы её «Мушоирой». Состязанием поэтов. Но это было всё же не состязание, а встреча людей близких по духу... Пора было и честь знать. Договорились перед отъездом Казаковой встретиться в редакции журнала у Гребенюка.

Был ранний июньский вечер, тени от домов, деревьев и летающих ласточек неохотно гасли.

Поймав частника на жигулях, мы с Кириллычем проводили Римму Фёдоровну до подъезда гостиницы, а сами на этой же машине доехали до сквера.

Здесь решили разъехаться по домам.

8

В назначенный день и час я был в кабинете у Кириллыча. Но прежде заглянул на Туркменский рынок: мне хотелось сделать какой-нибудь подарок Казаковой. Сюда часто приезжал грузовик, и усатый молодец-джигит прямо с открытого борта продавал чудесные ляганы риштанских гончаров. Один из таких ляганов я и купил. Но в Средней Азии, как известно, пустую посуду дарить не принято. Тут же неподалёку мне взвесили несколько крупных кисло-сладких намаганских гранат.

С двумя свёртками я и появился в редакции, где меня встретили Гребенюк и Казакова. Вскоре выяснилось, что Бурова звонила и, сославшись на мигрень, извинилась, что приехать не сможет. Да и Казакова выглядела озабоченно: оказывается, авиабилет до Москвы у неё выпал на сегодня: до рейса оставалось несколько часов. И пришла она в редакцию только попрощаться. Так что «поход» в «Уголок», который обещал нам Кириллыч, срывался...

Я вручил подарки Римме Фёдоровне. Она при нас вытащила из бумажного свёртка большой ляган, выполненный риштанским мастером. На голубой глазури была изображена красавица, воспетая восточными акынами: тонкие черты лица, полумесяцы-брови, на щеке родинка, ротик с гранатовое зёрнышко, от виска по щеке вился длинный локон – зульф.

Подарок Казаковой понравился. Она отошла к окну, где было больше света, двумя руками отстранила от себя ляган («большое видится на расстоянии») и с теплотой в голосе произнесла:

– Чудесный портрет! Ну, прямо Зульфия в юности... Спасибо.

Поговорить более обстоятельно не удалось. В кабинет вошёл уже знакомый сотрудник СП поэт Раззак Абдурашид.

– Римма-ханум, – сказал он. – Камил Нугманович (*Яшен – секретарь Союза писателей Узбекистана, драматург. – Н. К.*) дал вам свою машину. Водитель ждёт на улице!

9

На этом месте можно было бы поставить точку.

С тех пор прошло почти сорок пять лет. Римма Казакова прочно заняла свое особое место на многоголосом Парнасе русской поэзии, издала ряд талантливых сборников стихов, написала много лирических песен. Их знают, поют, некоторые стали народными. Поэтесса перевела не один десяток сборников близких её мировоззрению собратьев по перу из других республик. Помогала молодым поэтам. Была лауреатом престижных литературных премий, много лет первым секретарём Союза писателей Москвы.

Невольно вспомнился вопрос Гребенюка, заданный Казаковой:

– Римма Фёдоровна, а в каком ряду вы видите себя среди современников?

Имелись в виду известные поэты-шестидесятники, собиравшие полные стадионы читателей.

Вопрос был неожиданный и прямой. Последовала глубокая пауза.

И Казакова ответила так же прямо:

– Первых всегда много. Я – во втором ряду!

Насколько искренен был её ответ и изменился ли он с годами, я не знаю.

Потом, конечно, я встречался с Риммой Фёдоровной – и в доме творчества Переделкино, и в нижнем буфете ЦДЛ. Однако такого душевного разговора, как в Ташкенте, больше не было. И своих книг по прошествии 20 лет я ей так и не подарил, потому что до сих пор живу под магическим воздействием кузнецовских строк: «Не написана лучшая книга, / Но небесные замыслы есть». Художника не бывает без «небесных замыслов».

НОВЫЕ ИМЕНА

Елена КАССЕЛЬ

Родилась в 1954 г.
в Ленинграде.
Переводчик.
Автор нескольких
книг о Франции
(в соавторстве
с В. Бетаки), книги
«еЖЖе-Дневник».
Живет во Франции.

ЕЖЕДНЕВНИК*Рассказ*

Второе десятилетие нового века. Что было недавно, а что давно? Или времени и вправду нет, и мы живем на страницах своих собственных книг, перелистывая, вчитываясь, застывая – каждому, как известно, свое...

«Театрального капора пеной», «театрального капора пеной»...

В 17 лет мне было совершенно очевидно, что те, кому 22, – взрослые. Граница отодвинулась, естественно, довольно быстро. Отодвинулась, но не ушла. Было, к примеру, поколение дедушек-бабушек.

Вчера одна знакомая по работе сказала мне: ее муж не может простить своих родителей, не объяснивших ему в детстве, что взрослых не бывает. Тоже забавно: человеку 40 с хвостиком, у него постоянное место в университете, правда, еще не профессорское, двое детей...

В детстве, правда, существуешь под родительским прикрытием, а в «недетстве» приходится даже незнакомым людям по делу самому звонить!

Когда бредешь вечером во тьме к автобусу, лучше всего бормотать:

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча. Значит, кто-то нас вдруг в темноте обнимает за плечи...»

Вот ведь я твердо знаю, что великим Бродский стал после отъезда, – в средние годы.

А бормочется куда больше – раннего. Да, конечно, в 15, 16, 17 заглатываешь стихи не прожевывая – еще, еще, читаешь раз, другой... и на пятый они уже сидят прочно наизусть и услужливо выпрыгивают по темным ветреным вечерам, а читанное позже где-то-там-в-углу.

Но обожаемая в 14 лет Цветаева выскакивает чаще всего понарошку.

Оживает география. Пригороды – наш Медон, соседний Кламар – до войны были дешевыми, и там селились небогатые русские. Цветаева и Бальмонт – в Медоне, Бердяев – в Кламаре. У Каверина мелькают знакомые места. И совсем иначе видишь цветущую черешню в крошечном садике, к которой Цветаева в гости ходила.

Что ж, «географии примесь к времени есть судьба».

Стоит в гортанном истерическом выпендрежном. Ахматова – ох, не надо перчаток не на те руки.

Хотя, хотя – «лыжный след, словно память о том, что в каких-то далеких веках здесь с тобою прошли мы вдвоем».

А город, который я когда-то любила, который для себя

зову Ленинградом, потому что Петербург мне претенциозен и связан с нелюбимой второй культурой, потому что Питер – забавно, но я там вроде и не жила.

Еду к бабушке, к Бабане, в трамвае, дышу на стекло, держу в руках буратинку в красном кафтане, в блестящем зеленом колпаке (боже мой, из какого сора память!); этот пропавший потом буратинка вечно возникает где-то на задворках – вместе с пластмассовым слоном; я любила ходить по комнате, вертеть в руках что-нибудь: этого слона, а потом и резинки аптечные, и карандаши – все на свете. Под музыку ходить, теревить что-то, кривляться и думать ни о чем – единственное на свете у меня думанье, которое не в словах, – это вот под музыку хождение... Зачем, почему? Давно отстала от привычки, лет 20, а то ходила-ходила...

Так вот город этот вспоминаю кожей, когда бормочется: *«только черный буксир закричит посередине реки, исступленно борясь с темнотою...»* – и буксир, и река – на ладони памяти.

Любое перемещение в пространстве в место, где продолжает жить кусок собственной жизни, – и оказываешься нос к носу со временем.

Видишь тетенок на улице, кажется, они старше лет на сто, ведь ты сам-то такой же, как те самые сто лет назад, а когда вдруг в какой-нибудь бумажке увидишь черным по белому свой возраст – не год рождения, а именно возраст – твердо знаешь, что не про тебя. И пытаешься представить себе какую-нибудь тетеньку девочкой, своей возможной одноклассницей – и не можешь.

А как наша личная память входит в общую память человечества? Как ручейками в реку?

Рассказываем что-то кому-то, вон даже пишем. Клочки чужих воспоминаний перемешиваются с собственными. И на каком-то уровне память становится общим местом, и так хочется, чтоб не уходило личное.

Странное все же желание – чему-то принадлежать, и так принадлежим, больше, чем надо. Казалось бы, наоборот, личное, только свое – так сильно размывается временем, в воспоминаниях всегда столько совпадений! И на какой-нибудь твой день с особенным закатом найдется чужой такой же.

Бабушка, выросшая в местечке Колышки под Витебском, рассказывала, как на Пасху их неверующая мама тайно от верующего папы давала детям хлебушек. Любимая бабушка, жившая в квартире на Херсонской улице...

В последний мой вечер в Питере мы поехали по делам, а потом решили немного прокатиться. И отправились искать этот дом на Херсонской... Мы очень легко нашли нужную дверь: и вправду – садик напротив, наискосок. А дверь – на бабушкиной лестнице Ленин останавливался, и табличка висит.

По дороге думали: вот поступимся к новым русским среди ночи (наверняка сделали шикарное жилье из бабушкиной коммуналки) – то-то будет веселье...

Увидели, что открыто, обрадовались, вошли.

И нет там никаких новых русских. Обшарпанный подъезд перегорожен глухой железной дверью с кодовым замком, на лестницу с широченными подоконниками не пройти.

Надписи на стенах: «И еще раз бдительность», «Ушла жена? Выгнали с работы? Враг близко. Не спи».

«Когда войдешь на Родине в подъезд, я к берегу пологому причаляю».

Такой обшарпанный подъезд, вонючий, с пружиной хлопающей двери, за такими дверями целовались. А портвейна, как ни странно, в подъездах не пили.

Мы бежим через время. Торопимся, спотыкаемся, утыкаемся в запертые ворота – не помним, не помним, сколько ни колоти по зеленому дверному железу – только гул. Когда я впервые попала на любимое озеро в Бургундии? Провал... Дождь – сильный, долгий, и мы смотрим в слепое, залитое ветровое стекло. Иногда открывается калитка, и за ней неподвижное, высеченное в камне – «гроза ментальная навек», впервые увиденные сахарные горы в ауле Хурзук. А иногда

невнятица – плывет мокрый усть-нарвский луг, залитый желтыми купальницами, под деревом в темном лесу грушанка – белая невидная, Лешего цветок.

У пространства другие меры, ему десять лет – минута. Вчера под повторяющимся небом цвета земляничного мороженого мы ехали мимо пруда. Под заполняющий машину голос Марии Каллас. Над бетонными коробками, вытягивая шеи, летели утки.

Безжалостное пространство смотрит – все то же, что ему какие-то семь лет! Но изменившееся пространство, дырявое, с березами на месте тополей на шестой линии, – это пространство предает...

А чего хочется, если бы добрая фея вдруг появилась из-за угла? Ведь вот, по сути, – ничего, кроме бессмертия.

Или – чтоб звери говорили.

И чтоб книжки умела бы писать.

А что потеряно с тех давних пор – а, наверное, вот то чтение стихов – сразу – до пупа. И может еще умение умирать, глядя на незвонящий черный уродский телефон. Впрочем, чего о таком жалеть – об игрушечности тогдашних страхов?..

На бегу, среди крутящихся в голове мелочей и немелочей, попивая не по сезону холодное пиво в brasserie du coin (как их по-русски называть – эти маленькие кафешки-ресторанчики, зачастую в тяжелых декорациях стиля модерн, которые и вправду в Париже на каждом углу), вдруг увидела, как мигающие елочные лампочки уходят в зеркало, и нахлынуло: и несделанные дела, и снежные бабы с дедами Морозами и оленями на стеклах кафе, и странность-невзаправдашность (это я?), и желание что-нибудь такое прочесть-перечесть – про Шелкунчика (но там глупое бюрогерство в конце), про Карлика-носа (но мне больше не страшно); «когда я снова стану маленьким, когда я снова стану зябликом, и снег опять запахнет яблоком», и бабушка pošлет наряд снегурочки на целлулоидного пупса, а папа отправится в байдарочный поход на Кольский, куда берут одних мужиков, зато с мамой в лес за черникой на завтрак, и у одноклассницы устроят дома новогодний «огонек», и в школе вечер, и я пойду туда с идиотским «греческим узлом» на затылке и буду расстраиваться, что в нашей французской школе почти нет мальчиков, а те, что есть... (провал, не помню...), и буду радоваться, что друг маминой лучшей подружки, которого давно уж нету (и мамы нету...), назвал меня красавицей, и буду дома в Новый год танцевать «Школьный вальс» с папиным другом, и все, кого давно уж нет, – молодые и веселые, и я за каменной стеной ворчу, что нужна только родителям, когда свистнет рак и дождик летний на сирень в четверг прольется, – и мигают разноцветные лампочки, уходя в зеркало, а бабушкиной гирлянды – той, что из домиков, а в домиках окошки горят, – я ни разу не видела ни в одном магазине...

«Останься на нагревшемся мосту, роняй цветы в ночную пустоту...»

Чух-чух, чух-чух. Давно не видела я паровоза – колеса красные, огромные, голос зычный...

*«И паром он пышет,
И жаром он дышит;
Идет кочегар и как будто не слышит,
Не слышит, не слышит,
Как тяжело он дышит!»*

Время остановилось, обратилось в смены времен года, которые приобрели свое истинное смыслообразующее значение. Зимой застываешь в темном холодном мире, потом взрывается весна, постоянная изменчивость вокруг – малиновым муссом вишневые кроны над головой, малиновое вот уже под ногами, над головой пышно-розовое... Огромные лепестки магнолий, как лодки, на асфальте...

Время не тащит за волосы незнамо куда, не мучает постоянным ожиданием, а обтекает, – а я сижу себе, своими делами занимаюсь – вот и не умерла еще от страха...

Чух-чух-чух...

НОВЫЕ ИМЕНА

Лепестки срывая наугад...

Осенняя встреча

Здравствуй, моя осень золотая!
 Повстречались мы с тобой не зря.
 Ты зашла ко мне на чашку чая,
 Разметав узоры сентября.
 Ах, рыжеволосая соседка!
 Мы с тобой давно уже на «ты».
 Держишь ты меня, как птицу, в клетке,
 Некуда мне от тебя уйти.
 Может быть, подаришь... – так, по дружбе –
 Еще пару солнечных деньков...
 Ты же знаешь, я вернусь. Как прежде.
 Как покорный раб твоих оков.
 Чтоб похлюпать по холодным лужам,
 По зелено-рыжему ковру.
 Потому что знаю, что я нужен
 Лишь тебе, и больше никому.
 Соберусь, оденусь потеплее,
 И с тобою тихо побредем
 Рыжим сквером, узенькой аллеей,
 Посеребренными бисерным дождем.

Декабрь

Едва заметна снега проседь,
 Едва схоронена листва,
 Еще не пробежала Осень –
 Как... постучалась Зима.

Так полдень скоро угасает
 Под скрипы голых тополей.
 А солнце нехотя терзает
 Кривыми копьями лучей.

Мой вечер тихо, незаметно
 Вплывает рыбой между строк.
 И кто-то с облаков на небо
 Бросает лунный поплавок.

**Мурад
ЯКУБЖАНОВ**

Родился в 1975 г. в Ташкенте. Член клуба авторской песни «Арча». Участник и лауреат многих международных бард-фестивалей. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Вечер

белый-белый снег
полусонный дом
ждет уютный плед
кресло за столом
фото на стене
черно-белый взгляд
и часы бегут
как-то невпопад
невпопад игра
мимо чьих-то нот
словно жизнь-судьба
прожита вперед
молча за стеной
двое в феврале
за чужим окном
на ничьей земле

Сад моей юности

Посадил когда-то дед мой вишни,
Веточки зеленые в пыли.
Его голоса давно не слышно.
Слишком быстро вишни подросли.

Головы зеленые в веночках,
Цветом весь усыпан палисад.
Я иду туда тропой знакомой,
Как когда-то много лет назад.

Через три ряда... и через Юность
Встречу свою первую любовь.
Вновь она с Весной во мне проснулась,
Где-то отыскавшись между снов.

Где травинки тешатся прохладой
И поет синица на ветвях,
Подбоченясь, греется ограда
В деревенских солнечных лучах.

Все поет затейливые песни
С камешками звонкий ручеек
Мне про то, что нет милей на свете,
Чем родимый сердцу уголок.

И душа вдруг вырвется на волю
Под апрельский ворох, плач дождей.
Станет сердцу вдруг немножко больно,
Что не возвратить ушедших дней.

Не вернет загадочной улыбки
Мне знакомый тонкий силуэт,
Жаворонка трели утром зыбким
В серебристый голубой рассвет.

Так, тоску души перебирая,
Лепестки срывая наугад,
К цветам вишни жадно припадаю,
Как когда-то много лет назад.

Сердце, словно птица, встрепенется,
Улетит в заоблачную даль,
Белым пухом небо обернется
И накроет странную печаль.

.....

Вновь приду сюда уж поседевшим
Слушать шепот цвета и ветвей.
Через три ряда... и через Вечность –
На свиданье с Юностью своей.

возвращение к читателю

С ВЫСОТЫ МИНАРЕТА...**Литературные миниатюры**

В писательской среде считается, что не писатель выбирает жанр, а жанр выбирает писателя. Литературная миниатюра – особый жанр, требующий от писателя огромного труда, ювелирно-тонкого писательского мастерства, искренности, глубины мысли и способности видеть и чувствовать мир. Читателям «Звезды Востока» представляется возможность познакомиться с миниатюрами Л. Никитиной, которой 23 сентября 2016 года исполнилось 75 лет. Редакция и общественный совет журнала поздравляют автора с юбилеем и желают доброго здоровья и творческого вдохновения.

ХИВИНСКИЕ АИСТЫ

Со смуглым гидом – уроженцем Хивы, глаза которого хмельны и улыбчивы, – поднималась я на высоченный минарет.

Через несколько минут узкая винтовая лестница внутри него показалась мне бесконечной. С непривычки заныли ноги, перехватило от духоты горло. Услышав за спиною мое тяжелое дыхание, гид подал руку, и в тот же миг ступени, будто по мановению волшебной палочки, перестали быть такими неодолимыми.

Потом мы долго стояли на крохотной смотровой площадке, вознесшей нас над древнейшим городом Востока, и оглядывали окрестности. С высоты минарета были видны остатки крепостных стен, узкие вертялые улочки, будто бы вросшие в землю низкие глинобитные дома вдоль них. Неподалеку, на куполе мечети, аисты деловито сооружали новое гнездо.

...Прожитые годы чем-то мне напоминают минарет, с высоты которого легко обзревается минувшая жизнь. Есть в ней то, над чем можно посмеяться, посоветовать, порадоваться, есть и о чем погрустить. Ну, хотя бы об аистах, которые, испугавшись чего-то, вдруг улетели...

**Лидолия
НИКИТИНА**

Родилась в 1941 г., окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз).

Начала публиковаться с 1963 г., автор сборников литературных миниатюр «Два шага, чтобы встретиться», «Осенняя элегия», «Зеленые яблоки», «Время женщины», нескольких сборников рассказов для молодежи XXI в., новелл и стихов.

ГОРОД-МИРАЖ

Все чаще...

По голубым ступеням памяти, будто по плитам древнего минарета, поднимаюсь навстречу слепящему диску солнца.

Кажется, через миг, другой, минуя предутреннюю темень, увижу перед собой лик родного города!

Но как бы близко в снах и грезах Ташкент ни оказывался передо мной, прикосновения моих рук к чинарам, розам, прохладным арычным струям – неошутимы...

И все потому, что ты, Ташкент, продолжаешь дышать своими райскими ароматами, течь прохладными струями Анхора и шуметь раскидистыми кронами чинар не рядом, как это было прежде, – лишь в моей благодарной памяти!

И поэтому...

Как бы ни были многочисленны ступени древних минаретов, они всегда обрываются где-то на середине пути.

Но сегодня, одолев все невозможности, многокрасочные крылья воспоминаний принесли мою душу в прохладный оазис и долго кружили над родным городом.

Миг ли, вечность ли, мы были неразлучны!

Как когда-то...

ПЛАТИНОВЫЙ ДИСК

Ташкент – это Город, в котором даже ночью не остывают от немилосердной жары тротуары, а днем диск солнца истает от мощных взрывов собственных протуберанцев.

Ташкент – это Город, в котором повзрослело мое детство и поумнела юность, а молодость как-то сама собой перешла в зрелость.

Это тот Город, в котором корень моей жизни, пройдя благодатный живой слой почвы, вдруг попал в пустоту, начал чахнуть, задыхаться...

(Поразъехались по разным сторонам друзья, умерли родители).

Потом мой стебель у самого основания сломал ветер-афганец.

И будто куст перекасти-поля погнал через азиатские пустыни к дальним берегам предков – к волжскому простору! А семь братьев-ветров Симбирска, пролив над моей головой грозовую тучу, окрестили меня в россиянку.

ПОДРОБНОСТИ

Могу, глядя в зеркало, не узнать своего лица и неожиданно обнаружить знакомые черты в иссеченном временем старинном надгробии мемориального кладбища.

Могу привычную сдержанность прогнать гневом и осторожности предпочесть безрассудство.

Могу...

Но отчего мне, такой разной, с годами все больше люди кажутся одинаковыми?

Или же это наше время, закованное в металл и в скорость курьерского

поезда, стремительностью своего движения смазывает и сбрасывает за линию горизонта лица, силуэты, судьбы?

Где взять силу и решительность для того, чтобы сорвать пломбу с невидимого стоп-крана и сделать непредвиденную остановку?

Вот тогда, наверное, в полузабытой тишине и душевном спокойствии расцветет теплая сознание одинаковость. А ее место займут различия – множество различий, сущность которых постичь на лету невозможно!

КАРУСЕЛЬ

– Хочу покататься на карусели! – просит родителей девочка.

...Играет музыка, в небо рвутся цветные шары, смеется девушка.

– Остановите карусель! Мне надо сойти! – кричит женщина. Молчит аттракционщик. Прошло столько лет, и он, наверное, забыл, как останавливается его карусель. А может, аттракцион здесь и вовсе не при чем?

Просто это кружится земля...

Идет по шумному парку седая женщина. Играет музыка. В небо рвутся цветные шары. Но женщине нет до них никакого дела. Все это уже было в ее жизни. Все это ушло из нее.

...По яркой песчаной дорожке бежит девочка. В руке у нее счастливый билет. Билет на карусель.

МИМО

Жизнь идет... Не касаясь нас – идет мимо. Мы зрители, привыкшие к яркой мистерии. Зрители без инициативы: не отбивающие ладони в громовых овациях, не срывающие голоса от криков восторга.

Удивляемся сквозь усмешку новому, зеваем, встречая надоевшее, дремлем, не желая вникать в необычное.

Жизнь идет, не касаясь нас. И каждый такой день, не отмеченный усилиями, поисками своего места в жизни, радостью победы, одержанной над жестокими обстоятельствами, отнимает нас не только у единственных, все еще не найденных и не встреченных, но и обесценивает само наше пребывание на Земле.

СИЮМИНУТНОСТЬ

Сиюминутность изо дня в день наваливается на меня своими перегрузками, бросает под ноги суету необязательных дел, засоряет глаза крохами впечатлений.

На всем, к чему бы я не прикоснулась, тотчас свое невидимое клеймо ставит сиюминутность.

...Распашонка сына, ставшего взрослым мужчиной.

Засохшие в вазе цветы.

Прочитанная книга.

Разлюбленный.

Лишь одному небу неизвестно, что это такое – СИЮМИНУТНОСТЬ?!

НА СЕРЕДИНЕ МОСТА

Ненастным днем застыла я на середине моста, перекинутого через быструю речку.

Взгляд, отяжелевший от безысходности, упал на воду. Вспененные волны подхватили его и на своих гибких голубых спинах помчали к горизонту. Лишь у его призрачной черты взгляду моему удалось сбросить ранимость и воплотиться в мысль.

Прорвав гряду мрачных туч, мысль слилась с нежностью заходящего солнца и стала светом.

Промчавшись мимо всех невозможностей, этот внезапный свет соединил время моего СЕГОДНЯ со временем моего ЗАВТРА.

Разделяющая их темнота исчезла, перестала меня страшить. Я оторвала руки от непрочных перил моста и смогла вернуться на берег, к людям...

ЛИСТ КАШТАНА

Время мчится по галактике на своих космических скоростях. Я охотно из дня в день подчиняюсь его диктаторской власти. Но вдруг мой взгляд остановился на едва примятом чьим-то модным каблучком листе каштана. И время тоже неохотно замедлило свой бег...

Я же, как только подняла этот пятипалый лист, тотчас ощутила, как переливается в душу его терпкая тишина. Она, как мне почудилось, вся была насыщена предощущениями начала осени, самого удивительного времени года, в котором даже одиночество перестает быть бременем!

Осознание чужой жизни как своей на какое-то удивительное мгновение распахнуло ширь моей души и ее пронзила, будто молнией, Божественная просветленность. Свист времени превратился в успокаивающий шепот деревьев... и я поверила не только в безболезненное обновление старой листвы новой, но и в свое недалекое...

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Из-за нелетной погоды в аэропорту откладывались рейсы один за другим...

Зал ОЖИДАНИЯ ночью – в чем-то захватывающее зрелище.

Люди спят в самых нереальных позах, будто сон обрушился на них мгновенной катастрофой. У пожилой женщины, примостившейся на своих узлах, из кошелки выкатился кочан капусты и в неярком желтом свете зала стал до удивления похож на лицо своей хозяйки.

Молодая мать заснула на подоконнике, крепко прижимая младенца к своему телу. Спокойно его личико, зато сколько тревоги в материнских подрагивающих веках, в нахмуренной ниточке бровей!

Тучный мужчина пристроился, за неимением другого свободного места, на отключенных электрических весах. Не шелохнутся замершие стрелки ни под его тяжестью, ни под тяжестью этой нескончаемой душной ночи.

Вглядываясь в лица людей, заполнивших ночной аэропорт, понимаешь, что слишком уж во многом наша жизнь точно такой же зал ОЖИДАНИЯ, где вместо движения вперед, к цели – нам предлагается вынужденный, изматывающий душу покой...

ТИШИНА ЛЮБВИ

В день свадьбы после первых возгласов «Горько!» жених подал невесте хрустальный бокал, переполненный пенящимся шампанским.

Забыв о присутствующих, молодые принялись зачарованно следить за веселой суетой хмельных пузырьков воздуха, перепрыгивающих через край бокала. А когда шампанское успокоилось, внезапно ощутили вокруг себя неведомую прежде тишину.

В ней утонули всплески модной музыки, стихли голоса гостей, растворился уличный гомон.

...Все немалые годы, что прошли со дня их студенческой свадьбы, та искрящаяся тишина, дарованная взаимной любовью, с супругами неразлучна.

Она позволяет уже немолодым людям во все возрастающем грохоте жизни слышать и понимать друг друга так же, как и четверть века назад.

ЖЕНЩИНЫ – ПТИЦЫ

Женщины – птицы! Все до единой! Они умирают, как только из их души исчезает ощущение полета, надежда вновь взмыть в высокое небо.

Тогда они перестают беззаботно смеяться, петь песни, смотреть на себя в зеркало – их глаза ко всему на свете становятся равнодушными.

...Ты – последний взмах моих крыльев! Луч света, погасший в ночном костре! Ты – незнакомое небо, незнакомая дорога, а я на ней – птица! И вместо того, чтобы как прежде парить над землей, бреду спотыкаясь...

Женщины – птицы! Все до единой! Пока их окрыляет любовь!

ПЕРСТЕНЬ С АГАТОМ

Посвящается А. Ф. Бауэру

Признаюсь, не ты, а безотчетная тревога, которую вызвал в душе твой старинный перстень с черным агатом, заострил в автобусной толчее мое внимание в первый миг знакомства.

Камень напоминал о враждебном дыхании космоса, средневековых подземельях с их изощренными пытками, о всех минувших ночах человечества, которые, как мне показалось, время сплющило и впечатало в твой перстень с черным агатом. Сейчас, когда узнала тебя лучше, камень перестал меня пугать и будто бы подобрел, потеплел, стал мягче и бархатистей.

...Через сколько объяснимых и необъяснимых преград порой приходится пробиваться людям, чтобы, хотя бы до некоторой степени, приблизиться друг к другу и понять.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГОРДИН

Родился в 1954 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал в Гостелерадио. Публиковался в периодических изданиях, альманахах.

Не надо спешить с побегом...

Поэт

Глуховатый голос поэта,
Он рассказывает про это,
Лист в руке теребит, качаясь,
Он рассказывает – прощаясь.

В зале тихо. Сидят девчонки,
Ломтик льда уже тонкий-тонкий,
И вельможные дамы рядом,
Да он сам под прицельным взглядом.

Он – о главном, они – о личном,
Мы живем, суетясь по-птичьи,
Он же, камешки слов катая,
Нам совсем о другом читает.

Да и нам ли? Он что-то чувствует,
Потому говорит волнуясь,
В журавлином клине ушедших
И свое ошущая место.

Он уйдет не простившись, тихо,
Смутно видя за дверью выход...
Певчий Ангел, в выси качаясь,
Путь крылом ему расчищает.

Тихий голос и тихий вечер,
И неправда, что время лечит,
Но услышать его однажды
Это было и вправду – важно.

Я ж молюсь, на него взглянувши,
Пусть ему будет легче, лучше,
И не надо спешить с побегом,
На земле ты нужней, чем в небе.

Уезжаешь...*Зое Ган*

Уезжаешь... чемоданы
 Да с рисунками мешки,
 Предстоящие вокзалы,
 Как ужастики, страшны.

Там не только ведь зеленка
 И роскошные снега,
 Но и грязная дроблёнка
 Полуглины, полульда.

Там не только говор русский
 Драгоценный и родной,
 Но и бабка с взглядом жутким
 Да такой улыбкой злой.

Там ведь тоже так бывает –
 Никому не позвонишь,
 И тебя не понимают,
 Даже если говоришь.

Там ведь тоже...
 Там ведь тоже...
 Сердце там и сердце тут,
 Люди в общем-то похожи,
 И везде, как люди, лгут.

И завидуют часами,
 И клевещут за глаза,
 Но бывает – помогают,
 Оттирая грязь с лица.

Потому что место свято,
 Это – просто уголок,
 Где внезапно понимаешь –
 Не один ты одинок.

И тоска твоя похожа,
 И любовь у всех одна,
 И стоит такой похожий
 Сзади тонкого стекла.

Он все смотрит не мигая,
 Он молчит. И ты молчишь,
 Потому что понимая –
 Ничего не говоришь.

Гладишь лайковую кожу,
 Смотришь в серое окно,
 Уезжаешь... уезжаешь,
 А тебя не ждет никто.

Мишаня. Эпитафия

Убило Мишу-алкоголика,
 Свезло, что сразу,
 Стояли бабы поселковые:
 – Под-дох, з-зараза...

А он беззлобный был, блаженненький,
 С годами к церкви приистрастился,
 Позвал зимой на день рождения,
 И говорил, что вот – влюбился.

Сухие руки с заусенцами,
 А за спиной зоны русские,
 Ходил своей походкой зыковской,
 Слегка потряхивая гузкою.

Давно не стало Куприяновых
 И бессловесного Шутенко,
 Видать, пришла для поколения
 Пора последней пересменки.

Не встанут елочки точеные,
 Крест, правда, простенький сварганят,
 Никто не скажет слово веское –
 Приехал. Отдыхай, Мишаня.

Никто не скажет, ну, а все-таки,
 Держу, как мазу –
 Бог уберег от одиночества.
 Забрал, но сразу.

Мишаня, было все неправильно –
 Не сел бы... может,
 А вот такая доля выпала,
 И что ж... и что же?..

Занюхал коркой воду горькую,
 Вторую – сразу,
 Машины за окном проносятся,
 Поддавши газу.

Никто не смотрит по обочинам,
 Все мчатся к цели,
 И мы за окнами хоронимся,
 Почти как тени.

Зависть

Никогда никому не завидовал,
А завидовать эка невидаль,
Тратить время от жизни краткое
На шипящую злость укрادкою?

Всем ведь поровну солнца, осени,
Да и горечи, да и проседи.

Все мы вносим не только дитяtko,
А выносим родное, близкое,
Плача горько и одинаково,
Если ж сердце цепной собакою
Рвется, видя чужие проблески,
Странно это в житейской повести,
Коль по правде – уже привычное,
Но ведь глупое, но ведь – лишнее.

Что завидовать?
Рваться с привязи?
Но не пес я по Божьей милости,
Я сорадуюсь современникам –
Их свершениям, их письменникам,
Рад, что голос великих слушал я,
Видел ум и полетов мужество,
И сквозь линзу телеэкрана
Лично мне улыбнулся Гагарин.

Из глубокой застойной заводи
Вырывались книжные завязи –
Я в журнале прочел Астафьева,
И дрожало сердечко ахово:

Как же здорово все написано!
Больше правды житейской Истина!

А Шукшин и его стремление
Душу всю разодрать до жжения?

Паваротти и Магомаев,
Голоса их живыми знаю...

Только сладкое, только лживое
Жжет лицо молодой крапивою,
Мне до краски сердечной стыдно
За, увы, стихотворное было.

За их сытость, высокомерие,
За привычное лицемерие,
За уменье писать – как надо,
Для начальства и для парада.

Морячки с сухопутной сухностью
Врут, что знают, как лодки сушатся.

Оселок, выправляющий душу
Не лежит в санаторном душе,
Он на улице, на панели –
Где ветра пробивают щели.

Где проблем и печалей море,
Но и радость шепоткой соли,
Где язык не чайханно-гладкий,
Но бывает отвратно-гадкий.

То, что есть, до чего дожили,
Лучше сказок земные были,
Потому как они по правде,
А не подло льстящие власти.

Шел по полю Василий Гроссман,
Шел солдат, чуть подальше сосны,
Страшный запах беды и горя,
Ставший книгой, сродненной с болью.

А сегодня все те, кто лживы,
Пусть строчат свои детективы,
Пусть гламуром лелеют уши,
А чужих, как питбули, душат.

Если ж будут одни, кто глаже,
Кто же правду о нас расскажет?

Побег

Бежать в Америку, в толпу,
Стоять, потягивая виски,
Быть неизвестным никому,
И не скрывать привычно мысли.

Да только «Боинг» улетел,
Да только теплоход накрылся,
Я никуда не убегу,
Отбегался, отколосился.

Да только время не мое,
По Фаренгейту тот же холод...

Не все ль равно, где старику
Дождинки падают за ворот?

«Морошки бы...»

Последние слова А. С. Пушкина.

Рифма небогатая, ягода морошка,
И мою, пожалуйста, боль утишь немножко,
Здания огромные, городки да Сити,
Вы мою, пожалуйста, душу не берите.

Страны видно разные
В голубом экране,
У земли невспаханной
Кровоточат раны.

Вся она расчерчена в картах да кадастрах,
Вся она поделена между дядек важных,
Их высокомерия, глядячи в окошко,
Вряд ли близко видели ивушки сережку.

Вряд ли в жизни плакали, им иное треба,
Только все закончится долькой черствой хлеба.
И стаканчик маленький с влагой животворной
На буфет поставится пред душою вольной.

Отойдет все лишнее, как снежинки тая,
Все мы успокоимся, землю обнимая.

ПОЭЗИЯ

**Андрей
СЛОНИМ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский Театрально-художественный институт. Поэт, режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои. Заслуженный деятель культуры Узбекистана. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения», многих поэтических публикаций в журналах и альманахах Узбекистана и России.

...уменье видеть Свет и Зло

Эксперимент

Перед мудрёнейшим прибором
Профессор старенький сидел
И пристальным учёным взором
На самописцы он глядел.
От агрегата шёл сплетённый
Из всех шнуров круговорот.
А к проводам тем подключённый –
Невозмутимый, полусонный! –
Лежал спокойно серый кот.

Казалось, важности события
Не сознавал он в тот момент.
В преддверье главного открытия
Секретный шёл эксперимент.
Все самописцы многострочны,
Ответ их линий был готов.
Профессор распознал досрочно
Изгибы их – и знал уж точно,
Как мозг работает котов!

Старик подумал: «Нет итога
Прекрасней! С тайны снят покров!
А опытов как было много!
Как много было в них котов!
И луч пролился озаренья!
Мне резюме изречь легко:
В котах зачатки есть мышленья,
Есть и рефлексy поведения...
Но – как до нас им далеко!»

А кот смотрел недвижным взором
Загадочных зелёных глаз.
Не прибегая ни к приборам,
Ни к мудрости учёных фраз,
Профессорского мозга вести
Без проводов воспринял кот.
И думал: «Что ж, лет через двести, –
Коль не взорвут себя все вместе! –
До нас их разум дорастёт...»

* * *

В тихом беспорядке
Жизнь играет в прятки –
То напевы сладки,
То горчит их звук.
Кружат, как лошадки
С детской той площадки,
Взлёты, неполадки –
Их не рвётся круг.

Шепчут извиненья,
Терпят измененья
Тусклые виденья,
Серые клише.
Липкое сомненье
В непонятном рвенье
Хмарь опустошенья
Утвердит в душе.

Ум под небом серым,
Вопреки всем верам,
Грёзам иль химерам –
Пуст, как старый дом.
Всем привычным мерам,
Нормам и примерам,
Ритмам и размерам
Не ужиться в нём.

А мечте сокрытой,
Горечью облитой,
Радостью обвитой,
Чтоб не впасть в беду
В миг такой, размытый
Пустотой избитой –
Куклой быть забытой
На скамье в саду...

...Но проникнет снова
Ветра зов в основы,
Серых туч оковы
Властно разобьёт.
Тяжкой тьмы свинцовой
Разорвав покровы,
Силой вечно новой
Небо расцветёт.

С ним та суть, что славно,
Просто и забавно,
Дерзко, своенравно
Мы зовём мечтой,
Что жила бесправно,
Что цвела бесславно –
Станет словно равной
Синева святой.

И замрёт сомненье.
И взойдёт волненье,
И придёт уменье
Видеть Свет и Зло.
В странном единенье
Взлёта с приземленьем
Снизойдёт мгновенье,
Где душе светло...

* * *

В одном лесу пел Соловей,
Чаруя силою искусства,
И трелью звонкою своей,
И тонкой искренностью чувства
В его изысканной красе.
Певца любви ценили все.
Среди заросшего пруда
На кочке Жаба там сидела
И пыжилась. А иногда
Свои натужно песни пела.
Никто из тех, кто рядом жил,
От них в восторг не приходил.

А Соловей всё пел и пел,
И жабы лопнуло терпенье.
Решив, что есть всему предел,
Что лишь её весомо мнение –
Вдруг с кочки посреди пруда
Проквакала она тогда:
«Все эти трели Соловья
Несовершенны, без сомненья.
Той школы, что владею я,
Не получил он, к сожаленью!
В зачатке есть и в нём талант,
Но в пенье, всё ж, он – дилетант!»

В лесу народ различный жил.
Был кто-то не согласен с нею,
А кто-то сдержанный решил:
Коль с кочки Жабе всё виднее –
Роль критика – её удел.
А Соловей всё пел и пел...
Что ж дальше? Соловей поёт,
Чаруя голосом хрустальным, –
А Жаба критиком слывет
Строжайшим и принципиальным...
И наш удел – в пути веков
Блуждать среди жаб и соловьёв...

Синяя сказочка

В синей стране, среди сказочных лиц,
В синем дворце жил мечтательный Принц.
Взором прекраснейших синих очей
Страстно глядел он вглубь синих ночей.
Он в синеве многозвёздных небес
Видел расплывчатость синих чудес.
В сумерках синих – сияний искал,
В синих мечтаньях романтиком стал.

В день некий – синий и ясный вполне! –
Трепетом синим он жил в тишине.
В комнате синей сонет сочинил
Строчками синих-пресиних чернил.
Синие шторы всё прятали свет,
Синие шоры скрывали ответ.
Синим горением синей крови
Звал он явление синей любви.

Синий от страсти, томлением горд,
На синих струнах сыграл он аккорд.
Синим порывом восславив печаль,
Синюю песню отправил он вдаль...
...Дунул тут ветер – лихой озорник.
Синие шторы раздвинул он вмиг.
Свет, что белее, нежнее всех сил,
В комнату хлынул и всё озарил.

И поражённый наш Принц видеть мог,
Как лучезарно вошла на порог
Синих, привычных покоев его
Та из Принцесс, что белее всего!
И, отстранив синеву всех ночей
Нежным, пленительным светом очей,
Встала тихонько она у стола,
Нежно промолвив: «Вот я и пришла!..»

...Что же? Конец синей сказочки той?
Как бы не так! Упоенный мечтой,
Принц на Принцессу печально взглянул
И... шторы синие вновь запахнул.
Взор нежных глаз сгинул в синей тени.
Принц лишь вздохнул. И шепнул: «Извини,
Должен признать пред лицом прямоты –
Слишком бела ты для синей мечты...»

...В синих покоях Принцессы уж нет.
Снова Принц пишет свой синий сонет.
Жаждет он встречи с Неведомой той,
Что сочетается с синей мечтой...
В синей стране, среди сказочных лиц,
В синем дворце тот мечтательный Принц
Ждёт-не дожждётся сквозь грёз синих лес
Самой прекрасной из синих Принцесс...

Странная сказочка

В час, когда, свою являя милость,
Погрузила ночь наш мир во тьму,
Сказочка мне странная приснилась,
И с чего бы? – право, не пойму!

Крокодил добрейшим признан в мире,
Людоед возглавил детский сад!
А Геракл в ответственном турнире
Побежден одним из поросят...

Заяц утвержден из смелых – смелым.
А улитка приз взяла за бег.
Фея, оказавшись не у дела,
У подъездов расчищает снег.

Хрюшка получила поощренье
За сверканье чистоты своей.
Айболит попал под сокращенье –
Главврачом назначен Бармалей.

Хитрый старче Золотую Рыбку
В цирк в аренду бодро отдаёт.
И, продав за грош свою улыбку,
Стал завхозом вдруг Чеширский Кот...

Дом кирпичный славного Наф-Нафа
Волк в Музей Свины превратил...
Фигаро, вступивши в должность Графа,
Право первой ночи возродил...

Развенчав понятие Таланта
Твердостью упорности своей,
Стал Осел профессором Бельканто,
А его шофером – Соловей...

Буратино стал – как Якубович! –
Созывать всех на Поля Чудес.
Назван Лис хранителем сокровищ,
Крот – виднейшим знатоком небес.

Белоснежка нынче, как не странно,
В прачечной всё мается с бельём.
Крошка Шахес избран в великаны
Явным абсолютным большинством...

Семеро весьма подросших Гномов
Рэкетиров основали трест.
Мальчик-с-пальчик – повелитель Громов
В группе рокеров из разных мест.

Золушка в разборочках базарных
Всех смолола крутостью своей.
И назначен шефом всех пожарных
Перспективный Трехголовый Змей...

...Так с чего ж, скажите-ка на милость,
Вопреки сознанию моему,
Сказочка такая мне приснилась?
Что за шутки? Право – не пойму!..

философия искусства

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

ДОРОГА К ПАРПИ-АТА

Эссе

Этюд I

...Благослови уходящего ипусти его с добрым сердцем. С идущим по трудным дорогам жизни преломи хлеб и поделись пиалой чая. Но так ли важно, куда ведет меня или странствующего путника дорога – в базилику Санта-Мария Маджоре или на поклон святым мощам волхвов в Кельнском соборе, или для одинокой молчаливой беседы на мазаре мудрого Парпи-Ата? И никогда не спрашивай у путника, когда он вернется домой, ибо это ему не ведомо, поскольку Предопределение не нами установлено, но память хранит облики родных, любимых, близких. Мы обязательно вернемся в родные пенаты, к этим добрым хранителям домашнего очага. Так установлено, что любая, самая бесконечная дорога, все равно приведет человека в свой дом, где его будут ждать, даже через бесчисленное количество столетий...

...Живописные работы архитектора Татьяны Немцович как будто вырастают из других категорий нам уже известной Вселенной. Она писала картины в соответствии с разумом, а не интуицией, по законам которой мы сейчас с вами живем, поэтому и стоит специально говорить о ее живописном творчестве, ибо подобные примеры, когда архитекторы становятся художниками, достаточно часты. Ведь никто еще не определил – где архитектор не художник, а где художник не совсем архитектор. А как нам разобраться в этом?

Если окинуть взглядом все творчество Татьяны Валерьевны, то перед нами предстанет удивительно самобытный и великолепно мыслящий художник. Но можно ли познать все ее творчество? Всегда, как говорят сегодня, «останется за кадром» огромный океан еще не открытых нами ее интеллектуальных вершин. Так как же познать тот мир, в котором творила эта изумительная художница?

Я никогда не был пилигримом, который в поисках Истины, проходит бесчисленное количество дорог. Я был исследователем, целью моих странствий по практически всем «святым местам» Центральной Азии было изучение происхождения религиозного мировоззрения

исконных народов этих земель. И вот однажды я отправился в путь к святому «Парпи-Ата».

...Сначала мы летели туда на страшно дребезжащем самолете, больше похожим на летающую скамейку. Весь полет я пытался выяснить у пилота, не этот ли самолет построили братья Райт? Потом на черных «райкомовских «Волгах»» поехали дальше, затем пересели на осликов, по крутым скальным тропам поднимались по ущельям вверх, к скале, где приютилось небольшое сооружение, меньше всего похожее на монастырь. И вдруг...

Внезапно один из моих попутчиков бросился к роднику и стал вылавливать валявшийся рядом с ним закопченный казан. Другой стал собирать хворост, третий, как Амаяк Акопян, ловким движением вытащил из мешка, висевшего на моем осле, абсолютно черного лохматого петуха.

– Мы не можем приблизиться к святому, пока не принесем достойную жертву! Пока мы все быстро приготовим, вы отдыхайте, фотографируйте и все будет хорошо...

Устроившись у журчащего ручья, я стал всматриваться в скалу, что возвышалась над зияющим чревом пещеры, больше напоминавшую шель. И было в ней – этой скале – что-то человеческое. Как будто седовласый старик все время смотрел на меня. Куда бы я ни пересаживался или отходил, этот каменный лик все время был обращен именно на меня. Вот уж был четкий «эффект прямого взгляда» на зрителя. Эффект до кружения в голове, и от этого становилось не по себе.

Все вокруг нагнетало чувство какой-то беззащитности перед Временем, теми обстоятельствами, в которые я волею Судьбы был сейчас вовлечен. Иссохшие остовы гигантских платанов, тысячетлетняя арча, обжигающий холодом родник и абсолютная тишина, только натруженное сопение моих провожатых и треск ломающихся веток для костра.

Только потом я понял, что наступило время мистерий по не зависящим ни от кого из присутствующих обстоятельствам. Наш петух где-то в отдалении от меня проголосил пару раз, затем хрипел и замолк, вероятно, стал выслушивать наставления Святого.

Я буквально обомлел. Какой-то неясный, приглушенный голос говорил мне о сути моего Бытия. Мое бытие до этого никого никогда не касалось, так я считал.

Мне показалось, что тогда, будучи в Парпи-Ата, я понял, в чем же смысл жизни?! А ведь «ларчик открывался просто» – понять, что Познание, это и есть наше предназначение. Все остальное – только наша локализация идей, которые, по существу, и никому не нужны вовсе. Сегодня я не ведаю, что же произошло с Татьяной Валерьевной в 1999 году, когда она стала писать совершенно иные картины. Именно в этот момент в ее творческой биографии и начинается настоящая символическая живопись. Только когда перелистываешь ее Книгу Жизни, на страницах которой вместо строк картины, то замечаешь, что именно в это время художница обращается к высокой духовности!

Теперь, вероятнее всего, никогда не узнать, что подвигло ее к Откровению, но вот ее картина «Монастырь Парпи-Ата», написанная в 2001 году, как будто воскресила мои воспоминания о поисках Первоначала. Теургическими взмахами кисти она цветовой феерией описала пространственное состояние того самого момента пребывания там. Было на этом полотне акустическое звучание настроения, витающие в поднебесье неясные образы святых и усердные

хранители канона пятницы, а безмолвные старухи, невесть как оказавшиеся здесь, собирали малюсенькие рубли на соль, муку и спички. Они, богостроители, в аскезе своей скапливали эти крохи для того, чтобы в старых плошках и чугунных светильниках не гасли огоньки Памяти, оставленные паломниками.

Мне как историку хорошо известно, что есть еще одно святое место с таким же названием, расположенное в 4-х км к западу от городища Имлак (в 10-11 км к востоку от Алмалыка). На северо-восточном склоне горы, возвышающейся среди полей, есть скалистые известняковые выходы. Обход этих святых камней является священным ритуалом. Паломники, совершая обряд, спускаются к подножию горы, где установлен священный камень. В 1980-е годы над ним было возведено небольшое кирпичное купольное сооружение. Собственно мазара там нет, объектом почитания считалась отдельная скала, образовавшая в скалистом отроге шель. Известный среднеазиатский археолог М. Е. Массон считал, что спускавшийся к реке пласт палеозойского известняка оказался причудливо размыт в виде шели между отрогом и скалой-столбом неправильной формы. Он то и назывался Парпи-Ата¹. В 1970-е годы скала была взорвана и сейчас сохранился лишь фрагмент первоначальной скалы, где паломниками возжигаются ритуальные свечи «пимек» (камыш, обернутый ватой) и читаются молитвы. Далее пилигримы проходят к роднику (по-видимому – выход грунтовых вод) и совершают омовение. Считалось, что посещение этого места исцеляет от разных недугов, в частности, от бешенства или бесплодия. Сначала странники совершали зиарат (моление), после чего следовало трижды протиснуться в шель святого камня, который и носил название – Парпи-Ата. Мазар пользовался большой популярностью и почитанием у местного населения. М. Е. Массон еще в 1934 году отмечал, что культ мазара Парпи-Ата поддерживался шейхами из расположенного рядом селения Аулие-Ата. Об известности святого Парпи-Ата свидетельствует существование и других мест почитания этого святого. Так в Ташкентской области известно еще одно святое место, посвященное Парпи-Ата, расположенное на берегу Парписая, притока Курусая, южнее города Красногорска. Еще один мазар Парпи-Ата имеется в Джизакской области. По сведениям академика Хасанова А. С., ранее здесь существовала Кок-мечеть, построенная из сырцового кирпича. На горе испокон веков до 1940-х гг. окрестное население праздновало Навруз. Существует легенда, согласно которой, в конце XVI или начале XVII веков по приглашению кокандского хана в эти места приехал шейх и сделал это место местом поклонения и излечения, собрав возле себя четырех учеников. Самым одаренным был Парпи-Ата, и он стал шейхом этого места после Ишмухаммада Халифа, который удалился в местечко под названием Кархона, расположенное к западу от города Алмалыка².

¹ Происхождение названия не очень ясно. Возможно, оно происходит от мужского имени Парпи, собственного имени святого. Не исключен и другой вариант, что это рудимент древнего культа, почитание одного из духов растительности. Собственно само «парпи» – это узбекское название лекарственного растения «Борец Джунгарский», одного из видов Аконита, многолетнего травянистого растения из семейства лютиковых. Растение достигает высоты в 1 м и очень ядовито. Растет на склонах гор. В древности его даже называли «королем ядов». Корнеклубни этого растения содержат до 3% алкалоида аконитина. В прошлом его соком мазали наконечники стрел и пули во время охоты. Яд (алкалоид аконитина) действует на головной и спинной мозг, вызывает судороги, затрудненность дыхания и аритмию сердца. Как лекарственное растение используется в гомеопатической практике в мизерных дозах для остановки кровотечений и снятия воспалений слизистой оболочки глаз. В народной медицине настойки аконита использовались наружно как болеутоляющее средство при неврозах, мигренях, ревматизме. (См. Хайдаров К. Лекарственные растения Таджикистана. Душанбе, 1988. – С. 7-8.)

² А. Хасанов, Т. Топилов, М. Аскарлов, А. Атаханов. Кухна ва навкирон Олмалик (на узб. яз., без года издания). Ташкент. С. 32.

Именно в это время – в 1999 году, у Татьяны появляется еще одна работа – «Чаша». Картина удивительно эмоциональная по своей притягательности. Водная гладь – символ чистоты; горы – воплощение высокой духовности; тревожно-открытое небо, заполненное вечерними (стало быть – уходящими) красками, а на красном основании цвета, пролитого не то вина, не то крови, стоящий одиноким символом Грааль. Чаша всемирного очищения. Тот бокал жертвенности, в котором была когда-то сконцентрирована кровь Христа. Но мы не видим в чаше крови, но только символ яйца – как право на Возрождение. Это тонкая и глубокая мысль, постичь бы нам ее *своевременно*.

Тогда же художница пишет диптих «Ковчег». Руинированный громадный мавзолей, подобно судну в океане, прорезающему пенящиеся штормовые волны древнего, забытого Богом кладбища. И облака над ним, как сорвавшиеся клубы пены, рожают образы то черных, то белых птиц. А птицы на Востоке всегда ассоциировались с ушедшими в Вечность душами людей.

Этим же духовным пафосом пронизан и другой диптих Немцович – «Дорога к Свету». У древнего здания коленапреклоненные полуреальные фигуры паломников. Мощными, насыщенными мазками передано мятушееся состояние небесного свода. Завихрения облаков как бы стирают грань между синевой неба и зеленью земли. В эту феерию вращения включено и одиноко стоящее старое дерево. Странник, охваченный желтоватой аурой, как будто уснул в глубоком трансе не то религиозных раздумий, не то внутренней созерцательности. Из глубокой тени внутреннего пространства здания (мавзолея?) как бы выплывают неясные фигуры. Не души ли это упокоенных святых? А может быть, мне это только кажется?

Картину как будто разрывает извилистая огненно-световая река, несущаяся к земле от светила. Она подобна молнии – молнии посвящения, молнии очищения, которая встречает у небесного порога Чистилища, молнии, ведущей к Истинному Свету. Дорога извилиста, крута, и не каждому под силу подняться по ней.

Немцович, несомненно, смогла передать и пафос, и красоту, и величие общения с Софией¹. Неважно кто и когда пришел к этой дороге Света. Важнее – как и через что он к ней пришел. Благословите, говорит Татьяна, любого идущего, ибо на этом пути его ожидают многие опасности – пустословие, стяжательство, соблазны.

Необыкновенно в своем сюжетном решении и полотне Немцович «Исповедь». В ней нет привычного для нас решения темы. Художница показывает нам горящую свечу, на фоне изломанного скалистого ущелья. И вот уже не надо лишних слов, чтобы понять смысл этого откровения.

В том же году Татьяна Немцович, продолжая эту тему, создает картину «Чарвакские видения»: из водной глубины водохранилища как будто поднимается островок, на котором стоит похожая на древний мавзолей юрта, от которой только тень креста. И поднимаются из воды вместе с этим островком не то души святых, не то светлые ангелы. Воображение рисует мне, что это души тех, кто когда-то жил в этом месте. Созданное в ущелье вблизи Бричмулы водохранилище поглотило кишлачки, древние курганы, старые кладбища. Скрыто под водой Прошлое. Глядя на картину, слышу звуки торжественной мессы Бетховена и скользят по воде отблески светлого, святого былого Бытия.

¹ София – (греч.) Мудрость.

Татьяна Валерьевна рассказывала о людях, об их единственной жизни, прожитой с достоинством, в трудах, с пониманием истинности добра, и о памяти, которая, кажется, только и интересует художницу. Она рассказывает о тех образах, у которых была общая мечта о вечности, за которой сквозит утопия о воскресении людей в будущем... В сущности Немцович выстраивает эту тему как музыкальное произведение – на контрапунктах. Среди основных антагонистов – Время и Человек. Тревожные тона красок горного обрамления водной глади, первоплановая белизна и красно-коричневые скалы, деревья, похожие на идущих в капюшонах паломников или служителей, как бы усиливают мысль, что картина – послание Миру, Небу, Природе и Душам родных и близких.

Именно в этих трудах Немцович проявляются яркие черты талантливого пейзажиста. Ее пейзажи напоминают произведения Альфреда Сислея. И у того, и у другого художника Природа наполнена необъяснимой внутренней красотой. А это уже – стиль, который сложился уже несколько ранее в картинах Татьяны «Вечерние сумерки», «Осень», «Одинокое дерево», проникнутых философией жизненной реальности. Особенно впечатляет полотно «Дом моего детства» (2006 г.). Подобная организация пространственных параметров говорит больше о профессионализме художницы, прекрасно разбирающейся в Духовности окружающего Мира...

Известная работа Немцович триптих «На стыке тысячелетий» как глоток живительного эликсира для памяти каждого.

Этюд II

Вникая в творчество Татьяны Немцович, я сделал вывод – не очень-то любят и умеют наши художники писать портреты своих коллег по живописному клану. Случается, что у художника рождается за все его творчество один, два, от силы три портретные работы живописцев, чаще тех, с кем дружен автор.

В биографии Татьяны Валерьевны есть этап, когда она написала целый цикл очень интересных портретов ведущих художников страны. Что этому предшествовало? Иллюстрации к статьям мужа о творчестве художников или откровенный разговор с теми, кто живет миром творческих исканий? Поди сегодня разберись. И все же в этом примечательном портретном цикле было нечто большее, чем желание просто показать облики соратников по ордену.

Мне понадобилось много времени, чтобы понять в раздумьях и разобраться в сущности этого цикла портретов. Внимательно изучая работы Немцович – «Портрет живописца Йигитали Турсунназарова», «Портрет художника Нуритдинова Акмаля», «Портрет художника Саьдуллы Абдуллаева», «Портрет художника Джавлона Умарбекова», – я постарался пойти от истоков. То есть – с чего начинался этот цикл. А начинался он, как и у всех других художников, которые специализируются на жанре портрета, конечно с проработки образов родных, близких, знакомых. Это уже аксиома. Так случилось и у Татьяны. Сначала она пишет в 1999 году «Портрет дочери Марины», а в конце года портрет «Сайера – Вселенная». Затем, на следующий год, «Портрет дочери Елены». И никто не думал тогда, что это весьма успешное начало разовьется в своеобразный цикл, когда художница поменяет не только образный выбор, но и технику живописного воспроизводства. Она стала писать «по-другому»!

Точечными короткими штрихами кисти, практически чистыми цветами.

Пропали теургические элементы живописи. Классический реализм заговорил у нее на другом языке, смело демонстрируя работы, выполненные редким в наше время методом в живописи Узбекистана – пуантилизмом.

В 2001 году Немцович Татьяна пишет портрет Ахмедова Рахима Ахмедовича. Это был абсолютно точный по документальности и совершенный по глубокой внутренней динамике портрет истинного творца. Вдумчивый взгляд Ахмедова погружен куда-то вглубь своего сознания. Очень редко можно встретить в жанре портрета такую выразительность взгляда, которую удалось передать художнице...

Через три года Татьяна снова возвращается к этому образу и пишет «Портрет Ахмедова Рахима Ахмедовича»¹ (2004 г.), посвятив его пятидесятилетию педагогической деятельности маэстро. Конечно, старик Ахмедов был совершенно неординарной личностью. Многие художники нашей страны называют его своим учителем. Это действительно так, ибо только Божественное повеление могло создать настоящего живописного классика второй половины XX века, возглавлявшего Творческое объединение художников Узбекистана с 1965 по 1984 годы. А спустя еще пару лет Немцович пишет портрет академика Ахмедова (с сигаретой). Вот уж это было такое глубокое погружение в творческий образ этого человека, которое трудно вообразить большинству современных художников.

Портрет выдающегося графика Татьяна назвала «Яблоня в цвету. Портрет художника Кутлуга Башарова», на котором цепкий, целеустремленный взгляд художника постигал не только Пространство и смыслы Бытия. Именно таким сохранился и в моей памяти этот талантливейший иллюстратор.

Божественным перстом был отмечен и другой художник из Ташкента, оказавшийся в этом цикле творческих портретов – Баходыр Джалал. «Космос внутри себя. Портрет художника Баходыра Джалалова» 2008 года более жесткий по исполнению, но гораздо более насыщенный цветовыми нюансами. Погруженный в раздумья автор монументальных фресок и виртуозных живописных работ, стоящий на фоне калейдоскопа своих творений, был, несомненно, духовно близок и понятен художнице, поскольку оба они принадлежат именно к категории «символических романтиков» в центрально-азиатской живописи. До этого портрета она написала Баходыра Джалала в романтическом ключе. На фоне больших красных цветов, художник осторожно прикасается к веточке, усыпанной нежными белыми цветами с розоватым отливом. Действительно, когда я смотрю на этот портрет, мне хочется сказать: «Не каждому выпадает в жизни счастье родиться под веткой цветущего персика, как это выпало признанному сейчас во всем мире маэстро!»

Короткими жесткими мазками художница выстраивает мозаику портретного образа. А что такое портрет, который пишет художник? Очень и очень редкая фотография способна передать истинное лицо портретируемого. Ибо перед камерой на какое-то мгновение можно «сыграть» определенную роль изобразить эмоции. Но портрет живописца всегда (по большей части) безжалостен. Он передает только внутреннее состояние, присущее натуре. И в этом проявилась откровенность художницы Немцович!

В своих портретных работах Татьяна предельно ясна. Она чувствует ауру своего «героя». Ее предельность в изображении обусловлена пониманием личности изображаемого...

¹ Названия портретов сокращены автором статьи (В. К.).

Один из самых потрясающих ее портретов – «Портрет академика живописи Рузы Чарыева». Портрет говорит не об «академике», а о человеке, который понял сущность национального искусства, о том, кто написал сам «Байсунскую Мадонну»! Пыл, терзания, неустроенность гения – все есть в этом полотне Немцович. В то время мы знали с ним, что было уже в живописи страны, что есть и что будет!

Татьяна увидела этот проникновенный взгляд он у нее задумчив, меланхоличен и светел. Кто еще так мог понять и воплотить образ самого творца, художника, в его нескончаемом раздумье о существовании?

Наград и привилегий за этот цикл, художница себе не «пробивала». Но в цепи ее работ оказались портреты и не художников. Например – «Портрет писателя Сухроба Мухаммедова», написанный в 2003 году, «Портрет художника Набиева Малика», выдающегося узбекского композитора – «Портрет Мухтара Ашрафи за дирижерским пультом», того же года. Именно в этом цикле она постаралась объединить интеллектуальное пространство гуманитарной, философской элиты, окружавшей ее. Только так можно расценить стремление художницы показать лучших представителей интеллигенции страны в их художественном настрое, поисках ответов на актуальные вопросы...

Немцович обладала выдающейся способностью сохранять в памяти все образы, даже малейшие детали, в течение длительного времени, что было выработано, вероятно, на многолетней архитектурной практике.

Она писала свои картины как дышала, без разрешения на вдох и выдох откуда-то сверху. И в этом – сама художница, само обаяние искренности!

На мой взгляд, творчество Татьяны Немцович отвечает представлению о «романтическом символизме» – той уникальной форме живописи, которая сегодня присуща только части среднеазиатских художников и ни в каких «Европах», «Питерах», «Московиях», «Алмаатах» этого сегодня не встретишь. А «*Nana-Art*»¹ – это не более чем дань сегодняшней моде, извините – попытка подыграть надуманным «требованиям времени».

Именно от этого трагического падения пытается своими работами Татьяна Валерьевна увести своих зрителей, понимая, какое это счастье – выразить эмоции и свои представления в цветографии. Полотна Татьяны Немцович «Первоцвет», «Жимолость», «Ромашки-лилии» – прекрасные иллюстрации к профессиональному чувству цвета, который рождает в зрителях Гармонию между помыслами и жизнью, что во все времена была проблемой проблем. Разумеется, это не более чем мои субъективные впечатления, но вот тональность красочного языка говорит о мощных переживаниях того, кто творил эти полотна.

Сейчас во всем евразийском живописном мире *созидание* искусства заменилось *использованием* искусства, от чего в смятении старалась уйти Немцович. Она оставила нам поразительные по красочности и эффективной созидательности картины как благословение идущим. И чувствую я, как в сознании просто взрывается феерия красок, словно с полотна «Дорога на Красногорск», зовущая, влекущая на те неизведанные дороги, которые вновь меня приведут в чудесный мир Парпи-Ата...

¹ Отмечено искусствоведам Сергеем Немцовичем.

Тагай МУРАД

переводы

ТАРЛАН¹

Повесть

50.

Братья мои, сосед наш Кулмат-палван вернулся с базара. Проходя мимо его дома, я расспросил его о ценах. На базаре в Денау кишмиш стоит десять рублей. А в Регаре, оказывается, еще дороже.

– Если у вас есть кишмиш – везите скорей, не то будете потом жалеть, – заключил Кулмат-палван.

Дело в том, что кишмиш-то у нас есть! Целых шесть мешков. Желтый, как самый солнечный день лета. Есть у меня и сыновья – крепкие, здоровые! Каждый говорит:

– Вот вырасту – буду скакать на таком же коне, как Тарлан!

Кишмиш на их свадьбу собираю. Этой зимой силенок у меня не хватит, а вот в следующую – закачу большую свадьбу. Если будет на то воля Всевышнего.

В субботний вечер я выволок из амбара мешок с кишмишом. Высыпал на ковре, расстеленном на топчане. Просеял через сито, очистил от пыли.

Когда начало светать, оседлал Тарлана и отправился на базар. Переправились через Кызылсу и стали подыматься.

Возле скотного рынка есть участок, огороженный проволокой, приезжающие на базар привязывают здесь своих лошадей и ослов. И я привязал тут своего Тарлана. Взяв мешок на плечи, пошел на базар. Шел, согнувшись в три погибели, и покрикивал:

– Дорогу, дорогу!

В нос ударил запах мантов. Уселся в один ряд с другими продавцами, развязал мешок и стал нахваливать свой кишмиш. Ниже десяти рублей цену не сбавлял.

Человек в галстук взял в ладонь кишмиш и стал разглядывать. Помял его пальцами.

– Сбавьте чуть-чуть, вы же дехканин², – сказал он.

– Разве дехканин кишмиш на улице находит?

– За дары природы десять рублей просите?

– Дары природы – это пот дехканина.

– В чем здесь ваша заслуга? Солнце и луна светят для всех.

– Светят, конечно. Но начиная с вашей одежды и заканчивая едой – все это пот дехканина. Сами-то вы сидите в конторе за бумагами – вам с неба ни еда, ни одежда не падают. Из того, что получил дехканин, он девяносто процентов отдает вам и только десять оставляет себе!

Человек в галстук скажет слово, а я ему – два. Так и не уступил.

Братья мои, хоть и нет у меня волос, но расческа из золота. Гляжу, проку от моей торговли никакой. А ну его, решил я и сбавил цену до семи рублей. Примчался какой-то перекупщик и купил товар оптом.

¹ Окончание. Начало в № 5 за 2016 г.

² Дехканин – крестьянин в Средней Азии.

Отряхнув мешок о колено и сложив его вчетверо, сунул под мышку. Прошелся по базару, сделал покупки. Взял гостинцев, лакомств. Беременной жене давно хотелось джиды – купил хорезмской джиды. Сыновьям – леденцовых петушков, конфет с собакой на обертке и сушек. Все это сложил в мешок и, перекинув его через плечо, пошел в чайхану.

51.

Заглянул внутрь – и чуть не задохнулся. Чайхана была набита битком. Духота. Даже на деревянном помосте снаружи полно народу. Если пересчитать – человек сто наберется. Прислонив мешок к столбу помоста, поискал, где сесть. Один человек ушел, место освободилось. Попросил соседа сказать, что место занято. Принес чай, лепешку. Прошел на другую сторону улицы, к рыбной лавке. Усатый мужчина жарил рыбу в большом котле. Встал в очередь, купил рыбу, сел и принялся есть. Рыба оказалась костистая, и это меня разозлило.

В это время в углу топчана появились два милиционера. Аппетит сразу же пропал. Я повернулся к ним спиной. «Неужели те самые? – вспоминая и присматриваясь, с опаской подумал я. – Нет, другие».

52.

Тут раздался голос:

– Держи вора, держи!

Из плотной толпы в воротах базара выскочил парнишка. Его нагонял человек в полосатом чапане. Парень бросился через улицу. А сверху, наперерез ему, мчалась красная машина. Приблизившись к беглецу, машина с визгом затормозила. Парнишка кинулся в противоположную сторону. Не удержав равновесия, шлепнулся в арык с темной водой. Весь вымазался в грязи. Гнавшийся за ним мужчина обежал машину, обеими руками схватил парня сзади за испачканный воротник. Тот попытался вырваться, но не смог. Мужчина сбил парня на землю, ударив по ногам.

– Отдавай деньги! Где деньги?

– Это не я!

– Ты! Ведь это твою руку поймал я в своем кармане! Отдавай по-хорошему, а не то покажу тебе твою мать из самого Учкургана!

– Говорю же, не я это!

– Тогда я сам найду. Вытяни руки! Вот этот карман покажи!

Народ вышел из чайханы поглазеть, останавливались прохожие. Зевак собралось видимо-невидимо. И я смотрел, стоя на топчане. Мужчина в полосатом чапане шарил в карманах парня. Сунув руку ему под мышку, вытащил пачку денег, ткнул ими парню в лицо.

– А это что? Калым за твою мать?

Парень втянул голову в плечи, грязными ладонями закрыл лицо. Мужчина с размаху ударил его в висок. Парнишка снова плюхнулся в грязную воду. Мужчина в полосатом чапане, ухватив парня за ворот, потащил вдоль арыка.

– Я тебе покажу, как шарить по карманам! А ну, идем в милицию!

Парнишка уперся ногами, дернулся назад.

Тут из толпы выскочили два рослых парня. У обоих волосы до плеч. Обтягивающая одежда. Подошва на ботинках толстенная, как копыта у коня. Подошли к человеку в полосатом чапане. Один из них схватил его за локоть. Тот, выпустив из рук парня, обернулся – и тут же получил точно рассчитанный удар в лицо от второго детины. Мужчина в чапане оказался человеком крепким: не упал, а только пошатнулся. Теперь удар нанес первый верзила.

Толпа подбадривала дерущихся:

– Ну, дай ему в нос!

– Бей! На кой черт церемониться, когда есть кулаки!

Мужчина в чапане с размаху ударил одного из противников. Парень грохнулся на землю. Второй обошел мужчину сзади и пнул в бок. Тот согнулся.

Толпа подзадоривала:

– Бей по голове!

В это мгновение маленькая черная собачонка с визгом вцепилась в ногу одного из парней. Тот схватился за ногу. Вслед за собакой появился торговец рыбой. Ругаясь, отогнал собачонку.

Грохнувшийся было наземь парень вскочил и ударил мужчину ногой в живот. Пнул его и измазанный грязью. Мужчина в чапане сморщился и, хватаясь то за живот, то за бок, опустился на колени.

Я возмутился и обратился к сидевшим позади милиционерам:

– Вмешайтесь, ведь убьют его сейчас!

Один из них равнодушно махнул рукой:

– Это нас не касается. Это не наш участок. Наш – в районе винзавода.

Толпа подвела итог:

– Все, нокдаун!

Но этим дело не кончилось. Мужчина в чапане, сидевший на корточках, вскочил на ноги. Ударил головой в лицо того, что пнул его в бок. Парень закрыл лицо руками и согнулся. Сквозь пальцы сочилась кровь. Тогда второй парень, взяв в ладонь что-то черное, ударил мужчину в чапане по лбу.

– Ох, умираю! – застонал тот.

Со лба у него потекла кровь, глаза закрылись, он попятился назад. Казалось, он вот-вот упадет, и один из парней, подскочив, пнул его в грудь. Мужчина опал на землю, как осенний лист, и затих. Двое начали бить его ногами. Подошел и тот, что получил в лицо, и втроем они стали избивать лежащего на земле мужчину.

Я обернулся, а милиционеров и след простыл. Огляделся, а они потихоньку выходят из чайханы.

Внутри защемило. Я сорвался с топчана и, растолкав толпу, протиснулся в середину. Схватил одного из парней за плечи, отшвырнул его! Другому вцепился в волосы и оттащил в сторону.

– У-у, совесть потеряли, набросились на одного, слабого! Ведь убьете!

Тот, которому я вцепился в волосы, пнул меня в пах. Я опешил и локтем двинул его по морде. Тут засигналила машина. Зеваки, стоявшие возле арыка, посторонились. Это оказалась машина «скорой помощи». Сидевший внутри человек в белом халате поверх очков посмотрел на лежащего в крови мужчину.

– Что с ним случилось?

Мне стало так обидно, что я заплакал.

– Разве не видите этого беднягу? Они втроем, а он один!

– Понятно. Пить надо меньше!

– Заберите его скорее, брат, умрет ведь.

– Мы едем по вызову, вызывайте другую машину. Трогай, поехали!

Не в силах больше сдерживать слезы, я заплакал, прикрывая лицо рукавами халата. обратился к толпе:

– Эх, братья, разве хорошо будет, если несчастный так и помрет? Дома у него наверняка семья и дети!

Кто-то подал голос:

– Видать, ваш знакомый. Увозите поскорее.

Я взмолился перед хозяином маленькой легковушки, что стояла на улице. Тот согласился. С трудом дотащил до машины мужчину в чапане. Какой-то парень подскочил к машине. Я высунулся из окна, подумав, не сын ли это пострадавшего? Но тот спросил у зевак:

– Что здесь произошло?

– Замечательное было представление! Трое одного так отделали! Трах-тарарах! Нокдаун!

53.

Мужчину в чапане мы повезли в больницу – его не приняли. Женщина в белом халате сказала:

– Это судебное дело, и позвонила в милицию.

Приехал милиционер, осмотрел мужчину, сфотографировал его, составил протокол. Потом опросил меня. Я обрисовал все точь-в-точь. Милиционер записал.

– Пока свободны. Потом вызовем через участкового.

Хозяину машины я протянул три рубля. Он не взял.

54.

Вернулся я в чайхану, а мешка моего нет. Спросил у чайханщика.

– Нет, – говорит, – не видел. Как там ваш друг в полосатом чапане?

– Отвезли, кое-как место нашли, – ответил я.

– Так-так...

Чайханщик нахмурился, вытер руки и приготовился читать поминальную молитву.

– Умер, значит? Ой, бедняга...

– Нет, в больнице место нашли.

– А-а... Ну так бы и сказали.

Я снова пошел на базар, купил гостинцев. Завязав все это в поясной платок, повесил на луку седла. Отдал рубль старику, сидящему возле ворот базара, и отправился домой.

Мне казалось, я упал с луны и только сегодня узнал, что такое жизнь.

55.

Что ты будешь делать! Бывают, оказывается, и такие дни, когда, шагая вперед, мы пятимся назад. Все, что ни задумаем, совершается против нашей воли. Те, кого зовем удачливыми, с нами не здороваются. Даже последний кусок изо рта позволяем выхватить.

Братья мои!

Если суждено – счастье улыбается нам даже из дальних стран. Если нет – оно оставляет нас навеки.

Так и случилось на скачках, устроенных налоговиком Хуррамом. Я никак не мог протиснуться в середину круга, а когда это удалось – не сумел поднять улак. Если и поднимал – его вырывали или я ронял его. Даже когда туша оказалась под коленом – и тут прозевал.

Братья мои, богатство и труд не всегда рука об руку ходят.

Тарлан недоумевал на мой счет, а я – на его. Так сделаю – не выходит, по-другому – тоже не получается. Хотел даже уехать под предлогом того, что туша воняет. Но черт дернул остаться. Стегая плеткой Тарлана, погнал его к сгрудившимся всадникам. Коней полным-полно: подбрось шапку к небу – не упадет на землю. Растолкав наездников, я подобрался к улаку. Попытался добыть его во что бы то ни стало. Не смог дотянуться. Да и кони не давали схватить тушу.

Сквозь густую пыль различил, как чья-то рука схватила улак. Тут Тарлан правой ногой наступил на тушу. Он сделал это не случайно – не захотел отдавать улак. Я понял, что надоело ему топтаться без толку вокруг улака, он жаждал борьбы!

Закусив рукоятку плетки, я шлепнул Тарлана по крупу. Тарлан, мотая головой, заставил расступиться окружавших его коней, затем, подогнув передние ноги, присел перед улаком. С трудом разлепив глаза в густой пыли, я вцепился в улак обеими руками. Увидев, что туша у меня, Тарлан вскочил. И не пошел вперед, где нас поджидало несметное множество лошадей, – а попятился назад. Выбрался из гуши. А когда мы оказались на свободе, он развернулся к цели и помчался вихрем. Увидевшие – увидели, не увидевшие – пусть жалеют!

Тарлан приблизился к краю темной ямы. Разжав колено, я выпустил тушу. Но голоса распорядителя почему-то не услышал. Обернувшись, с досадой ударил себя по колену: улак лежал на краю ямы, а не на дне!

С досады я решил обидеться. С таким расчетом, чтобы услышали все, и особенно распорядитель, я крикнул:

– Мы уезжаем! Нам когда-нибудь вообще давали награду по справедливости? И пустился в путь, с силой стегнув Тарлана.

– Поехали, Тарлан, такие бедолаги, как мы, людям не интересны! Ведь голова у нас – плешивая, а плешивым награда не полагается!

Оглянувшись, понадеявшись, что друзья-односельчане вернут нас. Придержав Тарлана, вновь обернулся. Хоть бы одна душа поскакала следом! Проехал мимо людей, сидевших на дувале. Может, из них кто попросит вернуться... Мимо стольких людей проехал, и хоть бы кто словом обмолвился! Не спросили даже: «Куда путь держишь, Зиядулла-наездник?» А еще людьми называются! Да ну их всех!

Теперь я обиделся и на зрителей. «Ну и сидите здесь, как слепые, а я отправлюсь домой и с удовольствием растянусь на постели», – сказал я себе.

Поехал по улице, которая вела в кишлак. Остановился возле пересекавшего улицу арыка. Тарлан потянулся к воде – я не дал ему попить. Привязал его к концу палки, торчавшей из-под крыши дома Шакиркула. Отряхнув от пыли одежду, умыл лицо, попил воды, зачерпывая ее ладонями. Со вздохом усталился на арык.

На глаза попался мальчуган. Он сидел у арыка, макал лепешку в воду и ел. Пригляделся – а штанишки у него мокрые.

– Чей ты, сынок?

– Моего отца.

– А кто твой отец?

– Шакиркул.

– Вот как! И как зовут? Карим? Молодец! Штанишки-то у тебя мокрые, Каримбай!

– Мама на свадьбе.

– Вот оно что! А сам, значит, переодеваться не научился. А мы вот со скачек едем. Нет больше справедливости на скачках, Каримбай. Выигрывают только свои.

– Скачки уже закончились?

– Нет, еще идут.

– Тогда езжайте туда.

Я насторожился. Внимательно посмотрел на мальчугана.

– Вы что-то сказали, Каримбай?

– Езжайте на скачки. Если сейчас не поедете – скачки кончатся.

– Ну, так и быть, уговорили, Каримбай. Ехать так ехать, будь по-вашему.

Отвязал Тарлана, оседлал.

На обратном пути я все еще злился на зрителей. Сердито глянув на них, сказал про себя: «И вы еще называете себя людьми? Один Каримбай оказался человеком».

Я встал в стороне от сгрудившихся всадников. Распорядитель бросил на меня взгляд, что-то сказал стоящим рядом наездникам. Мол, как собака: сам ушел, сам вернулся. Я уверен, что так он и сказал. И другие так же сказали. Что я им должен был ответить? Что Каримбай меня вернул? А вдруг спросят: какой-то Каримбай? Сын Шакиркула в мокрых штанишках? Э, кто будет разбираться! Скажу: учитель Карим вернул.

Односельчанину Самаду я громко, чтобы все слышали, сказал:

– На обратном пути Каримбай схватил за поводья. Все не мог успокоиться: вернитесь да вернитесь. И такая мольба была у него в глазах, что не смог я ему отказать.

56.

Отара рассыпалась по горным склонам. Пока ее собирал, уже стемнело. Домой вернулся в сумерках. Выяснилось, что наш участковый оставил какой-то клочок бумаги: завтра в десять утра мне нужно быть в милиции. Зашел в дом напарника, попросил его завтра попасть овец одному. Сказал, что возникло неотложное дело и я отработаю в другой день.

Спозаранку вдвоем с Тарланом отправились в город. Привязав Тарлана у входа в милицию, вошел в помещение. Выташил из-за пазухи бумажку, показал милиционеру, сидевшему у двери. Он провел меня в кабинет с обитой кожей дверью. Сидевший в глубине молодой человек встал и вежливо меня пригласил. Представился: капитан Рузиев. Милиционер, который привел меня сюда, вышел. Капитан-начальник кончиком своей ручки указал на стул. Я сел. Начальник порылся в бумагах.

– Значит, фамилия ваша Курбанов, верно? Почему опаздываете, брат? Время-то уже двенадцать.

– По правде говоря, капитан-начальник, ехал я сюда со скоростью Тарлана.

– Вот как? И кто этот ваш Тарлан?

– Это наш конь, капитан-начальник.

– Ах вот оно что! Выходит, вы на коне приехали, когда столько техники вокруг?

– А то как же! Техника – это не для нас, капитан-начальник. Я не выношу запаха бензина.

– Значит так, ака. Мы бандитов ищем. Устроили очную ставку пострадавшего и подозреваемых. Он показал: это не те люди. А вы не пришли. Придется вызвать вас еще раз.

Мы с Тарланом вернулись в кишлак.

57.

Вечером, когда смотрел телевизор, пришел Рихсиев. Он лег, подмяв под локоть подушку.

– Ну что, товарищ Курбанов? Слушали доклад, который я читал по радиоузелу?

– Нет, а когда читали?

– Вот тебе раз, только что и читал! Двадцать минут и сорок секунд!

– Я смотрел телевизор. А на какую тему читали доклад?

– О международных событиях.

– Вот как! И какие же новости в мире?

– Международные дела никудышные, товарищ Курбанов, совсем никудышные. Ситуация все обостряется и обостряется. Страны НАТО размещают в Западной Европе крылатые ракеты. В Сальвадоре идут кровавые сражения, обстановка в Никарагуа сложная. Туго приходится народу Палестины. И всему виной –

империалисты США, товарищ Курбанов. Империализм замышляет провокации. К примеру, империалисты США организовали в Польше провокационно-диверсионные группы. Отравили народы идеологически, вот. Порешили с корнем уничтожить в Польше социалистическое общество. Однако злодейские планы империалистов разоблачили. ПОРП отстояла социализм...

Ни единого слова из его рассказа я не понял. Смотрел в телевизор, а ему кивал головой: мол, да, да...

58.

Через два дня участковый снова принес бумагу. И снова ранним утром мы с Тарланом отправились в путь и прибыли в этот раз вовремя. Капитан-начальник свозил четырех подростков в больницу, устроил им очную ставку с мужчиной в полосатом халате. Потом устроил очную ставку со мной.

– Не те, – помотал я головой. – Волосы у них были длинные-длинные.

Капитан-начальник рассмеялся.

– А не припомните ли, ака, не было у них на лице повреждений?

– А то как же! Настоящая рана была на лице, капитан-начальник.

– И какая же рана?

– У обоих лица были в крови. Ведь мужчина в полосатом халате бил их по голове.

– Вот как? Что ж вы раньше об этом не сказали, ака? Это меняет дело.

– И еще: у самого младшего одежда была в грязи, капитан-начальник.

Капитан-начальник начал быстро писать. Мотнув головой, засмеялся. Почему он засмеялся – я так и не понял.

– Скажите, ака, знаете ли вы хотя бы одного человека, кто был свидетелем этого происшествия?

– Может, я и преувеличиваю, капитан-начальник, но там было больше ста человек. Как я мог узнать кого-то из них? Там было даже два милиционера.

– Как вы сказали? Два милиционера? В самом деле?

– Так и есть, капитан-начальник. Сидели прямо за моей спиной и пили чай.

– И они тоже всё видели?

– А то как же! Видели от начала до конца, капитан-начальник!

– Вот оно что!

Капитан-начальник вытащил из железного сундука одну большую толстую бумагу и развернул ее. На бумаге было наклеено видимо-невидимо фотографий.

– Посмотрите, ака, нет ли среди них тех, кого вы видели.

Я разглядывал фотографии, водя по ним пальцем. Наконец узнал одного из них и ткнул в его лоб пальцем:

– Вот он, тот самый!

Капитан-начальник посмотрел, наклонившись, и покачал головой. Сложил фотографии и засунул в сундук. Вышел и снова вернулся.

– Вы, ака, побудьте пока вон в той комнате. Я сам вас позову.

Я вошел в соседнюю комнату и сел. Это была комната без двери. Капитан-начальник опустил бархатную занавеску. Кто-то спросил: «Можно?» Капитан-начальник стал задавать вопросы.

– Итак, где вы были двадцать четвертого января, в воскресенье, часов в двенадцать?

– В каком январе? Январе этого года? На участке был.

– А нельзя ли поконкретнее?

– Вел наблюдение вокруг винзавода.

– Так, значит, вы были в районе завода?

– Да.

– И вам ничего не известно о происшествии у чайханы в этот день?

– Что за происшествие?

– Там была драка.

– Хоть убейте – ничего об этом не знаю!

– Хорошо. Подойдите сюда, ака.

Я вышел к ним. Парень, стоящий передо мной, точно был одним из тех милиционеров, которые пили чай за моей спиной.

Увидев меня, он побледнел.

Капитан-начальник показал ему на меня.

– А этого человека вы когда-нибудь видели?

Тот посмотрел на меня пристально и пожал плечами.

– Не припомню.

Я чуть было не рассмеялся. Потом напомнил ему о случае у чайханы.

Тот глядел в потолок и долго вспоминал. Затем вдруг приставил указательный палец ко лбу.

– Ну да, точно! Теперь вспомнил. Я шел к своему участку мимо этого места. Там еще на улице собралось много людей. Я и подумал: должно быть, торгуют чем-нибудь.

– Ну и ну! Ведь мы с вами еще разговаривали, брат. И я вам...

– Говорили со мной? Быть этого не может! Ложь! У вас ведь борода – думайте, прежде чем говорить. Вы спутали меня с другим человеком.

Капитан-начальник посмотрел на меня:

– Слышали? Он говорит, что не был там.

От удивления я даже схватился за ворот:

– О, Всевышний!

– Так, вы свободны Кадыров. Может, еще кого вспомните, ака?

– А то как же! И чайханщик все видел.

– Чайханщик? А еще?

– Еще видел продавец жареной рыбы.

– Так, продавец жареной рыбы. На сегодня все, ака. Об остальном поговорим в другой раз.

59.

Когда в следующий раз прислали бумагу, я не поехал. Была причина – умерла бабушка Доно. Пошел на похороны. Старуху завернули в саван, поплакали и похоронили.

Я в мрачном настроении лежал дома, когда неожиданно-негаданно явился Рихсиев. Сказал жене, чтобы подала чай.

– Что это вы не в духе, товарищ Курбанов?

– Бабушку Доно отнесли.

– Куда отнесли?

Тут я понял, что он не был на кладбище.

– Я говорю, что умерла бабушка Доно.

– А, стало быть, ее похоронили. Вы сказали «отнесли», вот я и решил, что отнесли какую-нибудь вещь.

Я отвернулся и закрыл глаза. Не смог сдержаться. Повернулся обратно. Впервые в жизни я решил дать Рихсиеву мудрый совет:

– Рихсиев-ака, вы человек образованный, знаете все новости в мире. Не мне вас

учить. Никогда не отрывайтесь от народа, ака. И особенно – в двух случаях. Во-первых, на свадьбе: послужите людям, чтобы свадьба прошла весело, радостно. И во-вторых – будьте с народом во время траура. Не оставляйте человека одного, разделите с ним его печаль. Именно в этих двух случаях человек и проявляет свою сущность.

– Но я не знаю такой старухи. Кто она? На каких должностях работала?

– Она – человек, как и все мы. Бедная старушка. Всю жизнь проработала в колхозе. Под старость трудилась сторожем в магазине. Не было у бедняжки Доно ни сына, ни дочери, некому было о ней поплакать. Мы сами ее оплакивали, называя нашей тетушкой и бабушкой. Народ ее похоронил.

– Я что-то слышал краем уха. Когда шел в школу на урок, люди говорили, что кто-то умер. Не придал этому значения.

– В этом все и дело. Вот почему на похоронах было так мало людей. С кладбища я вернулся расстроенный. «Неужели такова теперь стала цена человеку?» – спросил я себя. Рихсиев-ака, придет день, когда и мы с вами уйдем. И если в такой день мы не пригодимся друг другу – зачем тогда мы живем?

Рихсиев слушал раскрыв рот.

– Разве обязательно идти всем, товариш Курбанов? Да хватит и четырех человек из родственников. Поднимут носилки с четырех сторон и понесут. А впрочем, пусть будет шестеро. Двое будут могилу копать.

– Рихсиев-ака, человек не собака, чтобы, волоча его за ногу, выбросить в яму. Человек на то и зовется человеком. Разве есть существо величественнее, чем человек?

– Да ладно, подумаешь, какая-то там старушка. Всего-навсего сторожика! Вот если бы она была личностью, имевшей большое международное или хотя бы местное значение, мы стояли бы в почетном карауле с черной повязкой на руке, носили бы траур, речь бы произнесли...

– Рихсиев-ака, больших или маленьких людей не бывает. Все – люди. Хороший ли человек, плохой – живет он одну жизнь. Он жил как мог; делал что было в его силах и считал себя человеком. Жил с нами в одно время, мы встречались с ним лицом к лицу. Когда кто-то уходит безвозвратно, разве может считаться человеком тот, кто не проводит его?

– Смерть старушек, товариш Курбанов, – дело местного значения. Большой важности не имеет. Вон сколько трагедий разыгрывается на международной арене... Иранский шах Пехлеви, оказывается, дал тайный приказ сжечь кинотеатр. В нем было пятьсот человек. Вот что такое настоящая трагедия. Ужас! Я выражаю иранскому народу глубокое соболезнование. Я встревожен международным положением, товариш Курбанов. Очень озабочен! Международная обстановка с каждым днем обострится все сильнее...

60.

Наутро к нам пришел участковый. Не поздоровавшись, встал, заложив руки за спину, у порога и начал выговаривать:

– Вам что, советские органы – игрушка?

– Что мы такого сделали?

– Почему не явились в назначенное время?

Я взорвался:

– Не захотел идти и все тут! С женой в кино ходил! Понятно?

– Залезайте в машину!

Удивившись, я выглянул через дувал на улицу, а возле наших ворот – милицеская машина. Желтая. Мне стало не по себе.

– Участковый, брат, так не годится. Убери поскорее свою машину! Не дай Бог

никому, чтобы у его ворот стояла «скорая помощь» или милицейская машина. Уезжай скорее, брат, пока никто не увидел!

– Будет вам, нечего философствовать.

– Вот я перед тобой. Хочешь – стреляй, а в милицейскую машину не сяду! Уж если есть такая нужда – поеду на автобусе.

– Тогда чтоб живо следом за мной приехали!

Они уехали. Я с тревогой выглянул через забор на улицу: не увидел ли кто милицейской машины? Хвала Всевышнему, людей на улице не было.

61.

В райцентр отправился на автобусе. В дороге меня укачало. Пришел в милицию, открыл обитую кожей дверь. Капитану-начальнику рассказал о бабушке Доно. Тот покачал головой, выразил соболезнование.

В комнату вошел милиционер, подошел к капитану-начальнику:

– Некоторые, товариш капитан, указывают на Мумина – того, что с улицы Коммунизма.

– И где этот парень?

– Не видать нигде. Я аккуратно расспросил соседей. Говорят, лежит дома, лицо разбитое мазями мажет.

– Ясно. Глядите мне в оба, чтобы чего не пронюхал. Доставите, когда скажу. А сейчас приведите чайханшика и продавца рыбы.

Спустя некоторое время милиционер вернулся.

– Привел, товариш капитан.

– Введите.

На пороге появились чайханшик и продавец рыбы. Чайханшик согнулся и поздоровался. Капитан-начальник, указывая карандашом на чайханшика, сказал:

– Сначала войдите вы. А вы – подождите в коридоре.

Чайханшик хотел поздороваться с капитаном-начальником за руку, прижал руки к груди и засеменял по ковру. Капитан-начальник, не поднимая головы, карандашом указал чайханшику на стул. В замешательстве чайханшик чуть было не схватился обеими руками за карандаш, потом, отдернув руки, сел туда, куда ему показали. Прямо напротив меня. Кивнул мне. Капитан-начальник просмотрел кипу бумаг. Повернулся к чайханшику, записал его имя и фамилию.

– А теперь расскажите о драке, которая произошла в вашей чайхане, Саттаров-ака.

– Какой драке?

– О драке, происшедшей двадцать четвертого января.

– Что еще за драка? Уж не сон ли это? Ах, да, вспомнил! История эта произошла не в нашей чайхане, а на улице, капитан-ука¹.

– Точнее, возле вашей чайханы.

– Сами понимаете, капитан-ука, в базарный день народу бывает много. Обычно я очень занят. Шум такой, что ничего не услышишь.

– Но ведь, наверное, можно отличить простой гул в чайхане от криков драки?

– Не отличаю, капитан-ука, совсем не отличаю. В этом-то все дело. В ушах все время гудит. А кто, о чем – не разберешь. Хотите верьте, хотите нет. Если сосчитать на пальцах, я могу сказать: есть в этом гуле голоса стариков – это раз! Есть молодых – это два! Есть и голоса старушек – это три! А есть и девичьи – это четыре! Еще есть голоса младенцев – это пять! Итого уже пять! Теперь сосчитаем остальное. Кроме перечисленного: шум от проезжающих по улице машин – это раз! Мычание коров, возвращающихся с базара, – это два...

¹ Ука – младший брат (узб.).

– Ладно, хватит. Расскажите мне о том, что видели.

– Как же так, капитан-ука? Как я мог видеть, если я ничего не слышал?

– Но глаза-то у вас есть?

– Все верно, глаза есть. Всевышний, как вы можете заметить, и нас тоже ими не обделил. Только знаете, капитан-ука, если бы вам довелось выпить хоть пиалку чая в нашей чайхане, вы бы точно заметили, что самовар наш стоит в самой глубине чайханы! Есть одно махонькое окошко, как в ларьке. Во-от такусенькое! Через это окошко я и передаю чай. Окошко вровень с моей грудью. Если даже вот так согнусь и выгляну – улицы оттуда не видно. У меня аж поясница разболелась, капитан-ука. Целый день нагибаюсь.

– Но, может, вам хоть что-то известно об этой драке?

– Известно, капитан-ука. Один раз нагнулся и увидел толпу на улице. Больше ничего не видел.

– Ладно, идите. Если понадобится – вызовем снова. Спутнику вашему скажите, пусть войдет.

Прижимая руки к груди, чайханщик кивнул капитану-начальнику. Быстро зашел к двери, будто за ним кто-то гнался.

Вошел продавец рыбы. Капитан-начальник записал и его имя и фамилию. По тому, как он надменно расселся и как вопрошающе – мол, слушаем – нахмурил брови на капитана-начальника, было видно, что человек он бывалый. У меня появилась надежда.

– Итак, теперь мы вас слушаем, Шукуров-ака.

Продавец рыбы даже глазом не моргнул.

– Что вы хотите услышать?

– Как вы знаете...

– Знаю, участковый мне говорил. Но я ничего не видел. Все! Могу даже написать. Больше ничего! Я могу идти? Меня работа ждет.

– Не спешите, разговор наш только начался. Вы наверняка оставили кого-нибудь вместо себя.

– Сын остался. Он еще молод, может обидеть посетителей. Все!

– Что-то больно часто вы «всекаете». Отвечайте на вопросы! Решается судьба человека! Что неясно?

– А вы не кричите на народ. Пользуетесь тем, что сидите за должностным столом. На этом все!

– Я разговариваю с вами, а не с народом.

– Народ начинается с одного человека. Я – выходец из народа, не кричите на меня. Все!

– Я разговариваю, а не кричу.

– Нет, кричите. И все тут!

– Ладно, не будем кричать. Похоже, Шукуров-ака, вы сегодня не с той ноги встали. Свободны, можете идти. Вызовем вас снова.

– Как хотите. Все равно ничего нового не услышите. На этом все!

Продавец рыбы ушел, задрав нос. Капитан-начальник отпустил и меня. Сказал, что вызовет еще раз.

– Капитан-начальник, дома у меня полно дел. Вдобавок столько раз уже пропускать улак. Почесаться некогда...

– А как прикажете мне поступить, ака? В общем, так. Свидетели в этом деле нам не нужны – есть медицинская экспертиза. Вы бы только помогли преступников опознать. Те двое – городские. Продавец рыбы с чайханщиком знают преступников. Но вы сами слышали, что они говорят...

62.

Я шел по обочине дороги. Прошел мимо того места, где была драка. Дорогу мне преградил человек в белом халате. Взглянул ему в лицо, а это продавец рыбы. Он взял меня за локоть, потянул в свою лавку. Сели на длинную скамейку в стороне от котла. Положив мне ладонь на колено, продавец спросил:

– Это вы на меня донесли, ака?

– Я не доносил.

– Нет, донесли. И все тут!

– Друг, я сказал то, что видел.

– Сплетни, уважаемый, – дело бабье. Все! Вы ведь нормальный мужчина. «Сказал то, что видел». И что же вы видели? Ну, что?

– Сказать по правде, друг, и вы себя вели не совсем подобающе. Ведь вы все видели и не подошли. Собака ваша – и та прибежала, хотя у нее человеческого разума нет.

– Это собака! Собака делает свое собачье дело. Мы не должны равняться с собакой. Все! И вообще, родственник ваш оказался довольно странным человеком. Ребята свалят его с ног, а он снова поднимается; снова свалят – он снова встает, хоть и шатается.

– Что же ему еще было делать?

– Лежал бы себе. Разве в одиночку он справился бы с троими? Будь я на его месте – после первого удара грохнулся бы на землю и больше не вставал. А поднимешься – все равно свалят с ног. До их ухода притворился бы, что лежу в беспамятстве. Глядишь, отделался бы одним ударом и не получил бы никакого увечья. Ведь что в результате? Родственник ваш лежит теперь в больнице еле живой. И все тут! Вы его навешаете? Как он?

– Нет, не ходил.

– Вот тебе раз! Это еще почему?

– Я ведь с ним незнаком.

– Ну надо же! Вдобавок ко всему вы с ним еще и незнакомы?

– Это правда.

Продавец нагнулся, посмотрел мне в лицо. Понял, что я не вру, хлопнул себя по коленям и рассмеялся.

– Ну вы даете! Да вы, оказывается, Афанди¹!

Продавец поглядел на собачку, лежащую возле деревянной решетки. Покачивая головой, опять рассмеялся.

– Вот так штука! Какое же вам дело, если он вам не родственник и даже не знакомый? Нет, вы настоящий Афанди! Или вам от этого была личная выгода?

– Какая еще выгода, друг?

Продавец показал жест, потирая палец о палец.

– Деньги? Не говорите так, друг.

– Почему ж тогда вы так переживаете? Вот так штука, ну и Афанди! Ладно, на этом все! Вы решили снова туда пойти? Тогда вот что, ака: вы меня не видели, а я – вас. Еще раз наябедничаєте – и мы сильно поссоримся. Все!

Я сел в автобус. Глаза мои слипались. Братья мои, как болит голова!

63.

Назир-маслобойщик на скачки приехал на кобыле. Всем кобылам кобыла. Круп широкий, крепкий, поблескивает.

Тарлан усталился на кобылу, и глаза его стали совсем другими. Пустил его на

¹ Афанди (или Насреддин Афанди) – персонаж восточного фольклора. В переносном значении – чудаки, простаки.

улак – он пошел в сторону кобылы. Потянул поводья – стал порываться к кобыле. Пустил его за конем с улаком – поскакал за кобылой. Я не знал, что делать. Высказал свою досаду Назиру-маслобойщику:

– Эй, друг, спрячьте подальше от глаз свою кобылу. Пожалуйста!

Наездники, смеясь, отпускали соленые шуточки. Назир-маслобойщик уехал со скачек. Довольный, я пустил Тарлана на улак, но Тарлан был рассеянным. А ведь настроение у него, похоже, хорошее. Терпение мое лопнуло, я разозлился и рукояткой плетки ударил коня по голове.

– Проклятие твоим предкам! Вот тебе, вот!

Подняв передние ноги, Тарлан подпрыгнул чуть ли не до небес. Раздраженно заржал. Несколько раз обежал долину. Весь покрылся потом. Пот стекал у него со лба, падал в ноздри, которые, подобно рыбьему рту, то открывались, то закрывались. Я подъехал к толпе всадников, пустил Тарлана на улак, хлеща плеткой куда попало. Он опять заупрямился. Рукояткой плетки я начал бить его между ушами, по морде.

– Что? Тебе все мало? Вот, получай, вот! Чтоб тебя перевернуло!

Братья мои, когда находит гнев – уходит разум! Я содрал с Тарлана седло, упряжь, уздечку. Стеганул по голове.

– Уходи, зверюга, уходи! Ты конская колбаса, да и только. Позвала тебя кровь предков!

Тарлан убежал, потряхивая гривой. Наездники бросились было за ним, но я махнул рукой: мол, не надо.

Не дожидаясь конца скачек, с седлом и упряжью под мышкой пришел домой. Жена встревожилась, спросила про Тарлана.

– Не спрашивай, жена, не спрашивай. Помнишь, приезжали артисты из Термеза, показывали спектакль в клубе? Что в этом спектакле тогда сказал Алишер Навои? Как ни воспитывай скотину, она все равно останется собакой или ослом. Человеком она не станет. Так он сказал. Навои оказался прав, жена! Холил я коня: не пил, не ел – все ему отдавал. Даже детей обделял. И все равно он не стал человеком. Я его избил и прогнал. Ушел Тарлан к своему звериному роду. Вот увидишь, жена: Тарлан ослепнет. Мои хлеб и соль сделают его незрячим. Вот увидишь!

– Зря вы так поступили. Лошадь была дорогая.

В душе у меня лопнуло что-то и рассыпалось на мелкие-мелкие кусочки. Жалко мне стало Тарлана.

64.

Поздно ночью послышался стук в большие ворота.

– Кто бы это мог быть? – подумал я и, набросив на плечи чапан, вышел во двор.

– Кто там? – спросил я.

Никто не ответил. Заскрипела цепь на воротах. Я подошел, открыл. О Всевышний, у ворот стоял Тарлан. Один! Он потянулся ко мне мордой и виновато зафыркал. Я не сказал ни слова, даже не взглянул на него.

«Да ты стал человеком», – подумал я и отвернулся от него.

Тут уж куда не денешься: нельзя же прогнать человека, который пришел к тебе в дом. Не проронив ни звука, я пошел к конюшне. Тарлан потрусил за мной. Пустил его в конюшню и запер дверь.

65.

Наутро пришел Назир-маслобойщик, позвал меня из-за дувала.

– Зиядулла-наездник, можно вас на пару слов?

Протянул руку через дувал.

Справившись о делах и здоровье, спросил:

– Как там наш жених?

Я был в недоумении:

– Какой жених?

– Как какой жених – Тарлан!

– А, Тарлан? Ничего, ничего.

– Домой пришел?

– Да, пришел. А что?

– Да просто интересуюсь.

Назир рассказал о том, что произошло.

Оказывается, Тарлан после нашего расставания отправился напрямик к Назиру-маслобойщику. Сам вошел в ворота.

В это время Назир как раз расседлывал свою кобылу. Увидев Тарлана, удивился, но не прогнал. А что он мог сделать? Разве можно что-то сказать жениху, который сам пришел в дом с поклоном?

Жених не постеснялся – придется стесняться хозяину, подумал Назир. И, прикрыв глаза воротом чапана, вошел в дом.

Братья мои, и пророк приветствовал своего зятя. Ах-ха!

Я молча слушал, прислонившись к дувалу.

Дальше Тарлан с кобылой стали обнюхивать друг друга, тереться мордами. Говорили о чем-то. Объяснившись в любви, стали угождать друг другу...

Спустя какое-то время маслобойщик проснулся. Глянул – а жениха и след простыл.

Тарлан отдал свою любовь. Олмакуз, кобыла Назира, ее приняла. Ах-ха!

– Да, получается, Зиядулла-наездник, мы с вами стали сватами.

– Не шутите так, ака, не шутите!

– Какие там шутки! Чем вы кормили жениха, Зиядулла-наездник?

Я всплеснул руками и засмеялся, прикрыв лицо ладонями.

– Хватит, ака, хватит!

– Ты смотри! А мы-то и не догадывались...

– Ну вот, наш Тарлан, оказывается, шустрый малый.

– Ну да, – согласился Назир. – Весь в хозяина. Недаром говорят: каждая скотина на своего хозяина похожа.

Отковырнув кусок глины из дувала, я метнул его в Назира. Тот прикрыл лицо рукой.

– Тише! Жена услышит, – сказал я.

Хлопнув в ладоши, я опять рассмеялся.

– Какой же все-таки шустрый у нас Тарлан! – не унимался Назир.

Я взял себя в руки, протер слезящиеся от смеха глаза.

– Да, бывает такое. Что поделаешь – живая душа. Заходите, сват, чаю попьем.

– Нет, сват, нет. Пойду я на свою маслобойню.

– Ну хорошо. А где невестка-то, сват?

– Вон она, невестка!

Я посмотрел через дувал и увидел стоящую возле Назира лошадь.

66.

Самад-наездник получил на скачках все полагавшиеся ему награды. На обратном пути всех нас пригласил в гости.

Когда подъехали к его дому, я призадумался. Все наездники, кроме меня, живут рядом. Они отведут коней – и сразу к нему. Наш дом отсюда далеко. Пока отведу Тарлана домой и вернусь, дважды можно будет плов приготовить.

Думал-думал – и решил остаться. Что ни говори, а желание поесть свое возьмет.

Привязал Тарлана к воротам. Когда снимал с седла выигранные на состязании ковер и халаты, увидел на улице братишку жены, Каракула.

– Куда путь держишь? – спросил я.

– К вам, – ответил он.

– Тогда и Тарлана с собой возьми, – сказал я.

Поддержав Каракула за ноги, помог ему сесть в седло.

У Самада-наездника мы отдыхали, полулежа на курпачах и сладко потягиваясь, оживленно беседовали, обсуждая прошедший улак, оценивали коней. О допущенных промахах говорили друг другу в лицо. Когда речь заходила об удачах – одобрительно похлопывали друг друга по плечу.

Самад-наездник снял с гвоздя домбру, настроил ее. Шелкнул пальцами, заиграл. Каждый погрузился в свои раздумья. Дошла очередь и до меня. Я сел, скрестив ноги, и, засучив рукава, настроил домбру на свой лад. Играя шуточные частушки, я подтрунивал над наездниками. Самад, не вставая с места, в такт поводил плечами.

В шуточки свои я вставлял колкие словечки. Упоминал и о лошадях:

*Шире не видел спины –
Молодоженам кровать,
Пар из ноздрей изойдет –
Вспыхнет сухая трава,
Воду пролью меж ушей –
Станет вертеть жернова!*

Братья мои, конь, о котором говорится в песне, – и есть наш Тарлан. Вот он гарцует, и тело его упруго вздрагивает. Вот Тарлан заржал, глядя на безбрежные холмистые степи Вахшивара. С могучих холмов откликнулось ему эхо. А может, и ваш конь – сродни нашему Тарлану? Тогда эта песня и о вашем коне. Вот так!

Но не годится без конца слагать песни о конях – пора перейти и к наездникам. Кого бы мне воспеть? Может, наездника Одина, что задумчиво сидит в углу? Ему уже за тридцать, а он еще не женат. Дай-ка я кольну его разок – авось сыграет в нем юношеский задор! Ах-ха!

Друзья смекнули, к чему я клоню. И тот, кому была предназначена моя песня, тоже понял! Поглядел на скатерть, мотнул головой и засмеялся. Следующие свои слова я произнес без насмешки:

– Одина-наездник, к тебе обращаюсь. Пока в доме всадника две головы не появятся – богатство его не удвоится. Женись же, наконец, друг. Ходишь и молчишь, будто в рот тебе толочка набили. Откройся нам: что стряслось?

Наездник Одина ответил не сразу. Оказалось, этот негодник имеет виды на мою свояченицу. Вот так штука! Посылал сватов, а теща наша ему отказала.

Оказывается, кроме сестры моей жены, никого на свете он знать не желает. Мол, свояченица наша во всем мире одна такая, единственная.

– Да быть того не может! – удивился я.

– Клянусь! – отвечал Одина.

Братья мои, выходит, он и в самом деле влюблен. Ах-ха!

– Так и быть, Одина-наездник! Дай руку – и я сам стану твоим сватом! Не будь я Зиядулла-наездник, если не женю тебя на свояченице и мы с тобой не станем свояками. С этого дня мы с тобой свояки! – и добавил: – Ну-ка, подвиньтесь! Свояк свояка встретил!

67.

Верно говорят, братья мои, поручишь дело мальчишке – сам беги за ним следом. Только вдумайтесь, что натворил братишка моей жены: из арыка, что возле дома, напоил Тарлана! Тарлан напился воды, когда был весь в поту. Потом Каракул отвел Тарлана в конюшню и привязал.

Утром вывел я Тарлана из конюшни, а у него шкура на брюхе ходуном ходит! Так бывает, братья, когда конь опился воды! В Тарлана попала вода! Вот удружил шурин! Ну голова! Что мне ему сказать? Сказать, что, когда конь весь в поту, нельзя его поить и потом запирать в конюшне, не выгуляв хорошенько? Сказать, что хоть в школе он и секретарь комитета комсомола, а таких простых вещей не знает? Или, может, сказать, что на записочки дочери Омана-музыканта у него ума хватает, а на такие простые вещи – нет? Но не скажу, ничего не скажу! Шурину такое говорить нельзя, хотя бы ради его сестры.

68.

И я занялся тем, что, оседлав Тарлана, стал сгонять с него воду. Многие состязания пришлось пропустить. Если и ездил на них, то скакал не на Тарлане. Брал чужих лошадей.

69.

Так случилось однажды и на состязаниях в Вахшиваре.

Вон та белая гора на западе называется Кирагатаг. Она – продолжение Гиссарских гор.

Не сказать, что гора Кирагатаг расположена близко. Горы эти громадные, и потому кажется, что до них один шаг. Мелкие пятна на них – это заросли арчи. На самом деле арча не такая уж и маленькая – так только кажется издали.

Холмистые степи и горные склоны там покрыты снегом. Долина Корбосды, что находится во впадине горного склона, тоже вся в снегу. На снегу – следы зверушек. Вокруг следов – куриные перья. Это проделки лисы. Есть и пятипалые следы – волчьи.

Над головой – ослепительное солнце. Глазам больно смотреть. Искрящиеся, как рыбы чешуйки, снежинки вышибают слезы из глаз. Все вокруг белое и гладкое, как яичная скорлупа. Поди догадайся, где под снегом яма, а где обрыв.

В душу мне запало сомнение. Участвовать в улаке не хотелось. Но раз приехал – дай, думаю, попробую.

Решил скакать на коне Джуры-бобо.

– Осторожней скачи, – сказал старик.

Смятение в душе усилилось. Натянув шапку до бровей, прикрыл глаза от солнца. Прочел про себя молитву. Направился к темнеющей вдаль кучке людей, сгустившихся на белой, как отбеленная бязь, равнине.

Наездники разбрелись, окутанные паром из конских ноздрей.

Улак поднимали дважды. Я наблюдал, как скачут лошади. Мне было и жалко их, и смешно. Кони с трудом вытаскивали ноги из снега. Останавливались и снова начинали движение. Словно шли иноходью. Кони не могут быстро скакать по снегу. Снег сковывает им ноги и слепит глаза.

70.

На состязание меня не тянуло, я отошел в сторонку и стал наблюдать. Взгляд мой упал на одного наездника. Конь у него был низенький, чуть повыше осла. Желтая шерсть на нем, как на теленке, – длинная-предлинная. Стремян не было, ноги наездника болтались, задевая снег. Мне захотелось рассмеяться. Но,

всмотревшись в лицо наездника, я обомлел. Смех застыл в горле. Это был тот самый – плешивейший из плешивых! Но как он сюда попал?

Я подошел к Джуре-бобо, который, оседлав Тарлана, стоял в сторонке. Спросил у него. Джуре-бобо ответил, махнув рукой:

– Говорят, он приятель хозяина свадьбы. Сразу его узнал?

– Как не узнать, если он такой же плешивый, как и я?

Стоящий рядом мужчина вмешался в разговор:

– Так это тот самый бывший начальник управления? Вот и я тоже смекнул: что-то здесь не так. Всех лошадей загубил. Хозяин свадьбы приходится ему другом, а у самого – коней не осталось. Шел тогда за своей лошадей и плакал. И вот плешивый заявился к нему на свадьбу. Как хватило у него совести и с каким лицом пришел – мне неведомо.

– Но кто дал ему коня?

– Сам попросил. Еле идет, весь трясется. Пьяный – вдрызг! И вдобавок Хаджи-кулбай его здорово провел. Будто бы из уважения подsunул ему мула, похожего на осла. Дескать, как-никак начальство, поезжайте и присмотрите за состязаниями. Бедняга поверил и примчался руководить. Только бы его лошади не затоптали!

Наездники что было сил понукали коней. Хлестали плетками по крупам. С криками и гиканьем гнали их в круг, где находился улак. Распорядитель объезжал столпившихся наездников, подгонял их и подбадривал:

– Ну же, давай! Хватай улак!

А плешивейший из плешивых призывал орущих во все горло наездников к порядку:

– Шумно, товарищи, очень шумно!

Один наездник хлестал плеткой коня за то, что тот не решался подступить к туше.

Плешивейший из плешивых сделал ему замечание:

– Не сквернословьте, товарищ наездник!

Наездник его не расслышал, а распорядитель хмуро посмотрел на плешивейшего из плешивых.

71.

Братья мои, душа моя была не на месте! Если б Тарлан был в порядке, я бы состязался на нем. Я бы показал этому плешивому...

Гнедой Джуре-бобо разволновался! Тряхнув поводья, рванулся к улаку. Захотел его унести. В такие минуты не стоит удерживать коня. Так его только испортишь – он станет равнодушным к улаку и наезднику.

Конь Джуре-бобо вновь тряхнул поводьями, и я пустил его в круг. Улак вынесли вместе с одним саврасым. Саврасый оказался ловчее: он свернул с дороги, а его наездник надал коню. Я скакал, держась за улак, да моя замерзшая рука соскользнула с туши. Гнедой Джуре-бобо не отставал от саврасого, но за нами след в след скакали другие кони. В этом случае отставать от улака опасно. Самый проворный из мчащихся следом всадников может протиснуться между нами и сломать протянутую руку. Вот почему я не стал тянуть руку за улаком. Конь Джуре-бобо повернул в сторону.

Теперь меня самого охватил азарт. Тело напряглось.

Когда тушу поднимал каурый конь, я присоединился к всадникам.

Доводилось ли видеть вам коня с курчавой, как у ягненка, шерстью и круглыми, как яблоки, глазами? Тогда – дай вам Бог удачи! Это и есть каурый конь! Каурый конь с глазами-яблоками!

Гнедой Джуры-бобо приблизился к улаку вплотную. Отставать от улака в этом случае очень и очень опасно! Если вырвать тушу, она с силой ударится о грудь, а потом и о колени коня. Конь споткнется и упадет.

Чтобы завладеть улаком, правильнее всего вырваться вперед и выхватить его. Я вытянулся в седле, вцепился в улак и ударил плетью коня Джуры-бобо, а он свернул в сторону. Улак перешел в мои руки, но я не сумел сразу его приподнять. Туша с силой ударила о грудь гнедого Джуры-бобо, а потом о его передние ноги. Гнедой споткнулся и нагнулся вперед. С улаком в руках я перелетел через голову коня...

72.

Открыв глаза, я увидел небо. С трудом различил голоса людей. Огляделся вокруг. Возле меня стояли Джура-бобо и несколько моих товарищей по стремени. Поодаль стояли кони. Товарищи оживились:

– Ну наконец-то глаза открыл.

– Ну что, Зиядулла-наездник, кости целы?

Только сейчас я понял, что произошло. Попробовал подняться. Правая рука, которой я держал улак, не шевелилась. Была будто неживая. Напрягся что есть мочи и приподнялся. Движение отозвалось острой болью в руке, в глазах потемнело, снег сделался черным. Снова упал навзничь.

– Он хочет встать. Поднимите его.

Когда я снова открыл глаза, то заметил среди других всадников, стоящих вокруг меня, плешивейшего из плешивых. Я всмотрелся в его лицо: оно было радостным, даже слегка светилось улыбкой. Это он спяну или надо мной смеется?

Плешивейший из плешивых заговорил, поглядывая на окружающих:

– Еще много лет назад я утверждал, что улак – пережиток прошлого, он вредит здоровью и опасен для жизни! Не хотел отдавать своего коня на мясо – и отсидел по закону. Вот вам подтверждение! А сдал бы коня на мясо – не лежал бы, распластавшись, на земле. Хорошо еще, что не умер! Но все равно он теперь стал инвалидом. Все!

– Когда хороший человек падает с коня – плохой становится прорицателем! – одним выстрелом Джура-бобо убил двух зайцев: поднял мне настроение и уколол плешивейшего из плешивых.

Я почувствовал непонятный привкус во рту. Пошевелил челюстью – что-то скрипнуло. Понял, что привкус во рту – от крови, а то, что поскрипывает и движется за щекой, – выбитый зуб.

Правая рука невыносимо ныла. Я приподнялся, опираясь на левое колено. Товарищи по стремени подхватили меня под мышки. Покачив головой, сказал, что сам справлюсь. С трудом встал на ноги. Голова закружилась, в глазах потемнело. Сбрав все свои силы, крепко стиснул зубы. Теперь все вокруг встало на место. Рот до краев наполнился кровью. Еще немного – и прольется наружу. Я не знал, куда сплунуть. Вокруг меня белым-бело. Если сплуну – снег станет алым, а плешивейший из плешивых увидит кровь...

Я встретился с ним глазами: он смотрел на меня в упор!

Нет, так не пойдет! И вместе с кровью во рту проглотил выбитый зуб.

73.

Не моргнув и глазом, шагая как богатырь, пошел к гнедому Джуры-бобо. Правая рука не двигалась. Взявшись левой за луку, вскочил в седло. Правая рука заныла. Взяв поводья в левую руку, подъехал к наездникам. Тот, у которого я вырвал улак, с сочувствием спросил:

– Ну как, наездник, ничего не повредили?

Усмехнувшись, отмахнулся здоровой рукой:

– Пустяки. Немного вывалялся в снегу.

Глядевший на меня плешивейший из плешивых слушал разинув рот!

Дерг-дерг! Ох, моя рука! Осторожно сунул правую за пазуху. Немного полегчало.

Улак был поднят. Я поскакал следом за группой всадников. Машинально высунул руку из-за пазухи.

Дерг-дерг! Как больно!

Кто унес улак – не знаю. Для отвода глаз следовал за конями. Сунул руку обратно за пазуху. Направил гнедого Джуры-бобо за улаком. Гнедой, видно, только того и ждал – мигом ворвался в круг соперников. Я попал в затруднительное положение. Как я подниму улак? – думал я, растерявшись и не зная, что делать. Но тут чей-то саврасый преградил нам дорогу, и гнедой Джуры-бобо не смог пробиться к улаку. Сердце мое успокоилось. Облегченно вздохнув, глянул на саврасого и подумал про себя: «Спасибо, что выручил!»

Дерг-дерг!

Прежде, бывало, поджидаешь улак, а он оказывается не в твоей стороне. И надо же: именно сейчас улак мчит прямо на меня! Можно подумать, мне так нужен этот улак; будто он – моя заветная мечта!

Вот улак совсем близко. И все смотрят. Особенно – плешивейший из плешивых!

Стиснув зубы, протянул за улаком больную руку. Сделал вид, будто его схватил и что есть мочи тяну за ляжку. На самом деле, я только коснулся пальцами его шерсти.

Дерг-дерг!

Будто пытаюсь вырвать улак, я с гиканьем огрел плеткой гнедого Джуры-бобо:

– Ну, давай, милый!

Гнедой Джуры-бобо отстал от улака. Я покачал головой и как бы от досады махнул рукой, в которой была плетка. Мол, как жаль: удача мне улыбнулась, но ушла. Дескать, не повезло.

Дерг-дерг!

Наконец-то все обещанные награды были разыграны и состязание закончилось.

74.

Оседлав Тарлана, я с другими наездниками вернулся домой.

– Позовите доктора, – сказал жене.

Пришел доктор со своим чемоданчиком. Потянул рукав с больной руки. Я застонал.

Дерг-дерг!

Рукав не снимался. Я дал доктору свой нож. Тот разрезал рукав. Глядь, а локоть на правой руке в три раза толще, чем на здоровой. Доктор покачал головой, усадил меня в машину, повез в больницу совхоза «Хазарбаг». Врачи осмотрели руку через какой-то аппарат, потом наложили гипс.

– Не бойтесь, – сказали, – обычный вывих.

А чего мне бояться? Я, как упал с коня, сразу понял, что вывих!

Братья мои, если даже рот ваш полон черной кровью, не выплевывайте ее перед недругом!

75.

Пролежал я больше двадцати дней. Врачи сняли гипс, отпустили домой.

Тем, кто справлялся о моем здоровье, я показывал руку. Хасан-бобо повертел ее, осмотрел и говорит:

– Эге, так она у тебя теперь кривая.

Я присмотрелся – так и есть, от локтя рука стала кривой. Хасан-бобо посоветовал обратиться к Курбану-табибу, тот скажет, в чем причина.

Наутро, оседлав Тарлана, я отправился в Карахан.

76.

Когда-то в этих местах жил человек по имени Хидир. Мы называли его Хидиром-мирабом. Он и впрямь был мирабом! Хидир-мираб лечил вывихи и переломы. И такой человек ушел в мир иной! Оставил после себя сына – Курбанназара, который унаследовал от отца его искусство.

В ворота дома этого человека я и постучал рукоятью плетки. Из комнаты вышла женщина, сказала, что мужчины на работе, должны вот-вот подойти. Привязав коня, я вошел, отвесив поклон гостиной Курбанназара. Его жена накрыла стол. Я сидел, наливал себе чай.

Пришел Курбанназар. Мы поздоровались, обнялись. После обеда я поведал ему о своем горе. Курбанназар, загнув угол скатерти, сказал:

– Ну-ка, покажите.

Я обнажил руку. Курбанназар ошупал ее от плеча и до кончиков пальцев. Несколько раз задержался в месте соединения костей. Особенно долго ошупывал локоть. Закрыв глаза.

Мне показалось, что Курбанназар прислушивается к моему локтю. Я удивился: разве человек слушает руками, а не ушами?

Всего этого я не сказал Курбанназару, а про себя подумал: «Ну-ка посмотрим, что он скажет!»

Курбанназар сказал мне так:

– Зря вы беспокоились. Был небольшой ушиб, но теперь рука зажила. Гипс помог.

– По правде сказать, я бы и не поехал, но Хасан-бобо настоял: езжай да езжай.

– Это ничего. Хорошо, что приехали. Был повод заехать и погостить у меня. А теперь ложитесь, я вас полечу. В другой раз никакие ушибы вас не возьмут.

Я растянулся на курпаче, положив голову на подушку. Протянув руку Курбанназару, лежал, глядя в потолок. Курбанназар принялся массировать руку, начиная от кончиков пальцев.

– Закройте глаза, так будет лучше. Да, вот так. Можете подремать. Расслабьтесь, как будто вы спите. Кости рук у вас крепкие. Вы и раньше ушибались, падая с коня?

– Нет.

– Почему это случилось с вами теперь?

– Я скакал не на своем коне. Конь Джуры-бобо меня не понял, а я – не понял его. Поэтому так и случилось.

– Вот оно что! Где же был ваш конь?

– В моего Тарлана попала вода.

– Что бывает, когда в лошадь попадает вода, я знаю. А что значит, если в ноги ему попадает корм?

– Если в ноги коня попадает пища, то они у него затвердевают, а сухожилия лопаются, как струны.

– Вот как? Значит, на таких конях нельзя появляться на скачках?

– Конечно нет.

– Воронье кони – хорошие или плохие?

– Плохие. Воронье кони – упрямые, у них злой нрав.

– Ага. Сетон-Томпсон тоже так писал. Значит, правда.

– Откуда этот наездник?

– Он не наездник, а канадский писатель. Он писал так в своей книге «Мустанг-иноходец».

– Кто бы он ни был, но лошадей, видать, знает.

– Он пишет: конь осоловел. Как это понимать?

– Это когда конь зажиреет. После этого он делается непригодным для скачек. Если без разбора кормить коня и скакать на нем, у него накапливается жир. На таком коне целый год нельзя выступать на состязаниях.

– Интересно. А вот почему конь не наезжает на человека?

– По той причине, что он его уважает. Конь предан человеку. Среди животных такие – только лошади и собаки. Тормоза у коня работают лучше, чем у «Чайки». Увидит перед собой человека – сразу остановится. А если вдруг растеряется – перепрыгнет через него.

– Вот оно что. Говорят еще, будто конь, за которым ухаживала женщина, всегда хорош. Это верно?

– А то как же! Ведь конь – почти тот же человек. В жилах у него, правда, течет немного крови дива. Когда подходим к коню задать корм, он всегда тянется к нам, чтобы его приласкали, ему хочется потереться о нас. А мы в ответ кричим, плеткой замахиваемся: мол, стой смирно, какой нетерпеливый! Душа у коня нежнее, чем у женщины. Женщины не бьют коней! Терпеливо сносят, когда у них игривое настроение. Мягкий характер женщин коням по душе. Еще одна причина, почему конь, если за ним ухаживает женщина, бывает с хорошим нравом: женщина всегда дома. Глаза коня с утра до вечера видят ее. Стоит коню заржать – женщина накормит и напоит его. А мы, мужчины, дома бываем реже. А-ай, умира-а-аю!..

В локте у меня что-то хрустнуло. Меня бросило в жар, на лбу выступил пот. Я взглянул на Курбанназара, а тот – улыбается:

– Вот теперь рука ваша в порядке.

Только сейчас я сообразил, что Курбанназар нарочно отвлекал меня разговорами.

Лежал я долго. Встал, когда боль утихла. Курбанназар продел мою руку через платок и завязал его на шее. Ни укола не сделал, ни лекарства не дал, даже без рентгена обошелся.

– Врачи, зная, что у вас вывих, все же наложили гипс. Так у них в книгах написано. Если бы вы ко мне не пришли, боль в руке стала бы невыносимой. Теперь все окончательно заживет. Рука ваша будет здоровой, как раньше. Время от времени принимайте мумие, это укрепит кости.

Наша оживленная беседа текла до самого вечера. Домой я отправился верхом. На прощание Курбанназар повторил:

– Смотрите, не говорите врачам, что это я вам вправил сустав.

Всю дорогу до дома я думал. Что за врачи такие: знали, что у меня вывих, но взяли и замуровали в гипс? Известно ведь, что, когда кость не на месте, покоя тебе не будет. Хорошо, что есть на свете Курбанназар. Пока еще живут на свете такие, как он, но что дальше делать будем?

77.

Братя, участковый милиционер все-таки стал человеком! Приветлив, общителен.

– Как племянники, – спрашивает, – подрастают? Зажила ли рука?

– Ничего, понемногу, – отвечаю.

– Дважды к вам заходил.

- Жена говорила, что вы проводывали.
- С наездниками такое случается. Люди и с самолета падают. Вы упали с лошади.
- Ну да.
- Вам известие из района: капитан все время спрашивал про вас, ака.
- Хорошо, хорошо, понял.

От недобрых глаз подальше, снял с шеи повязку. Сунул руку за пазуху. Сел на коня и поехал в райцентр. Вошел в отделение, а там сидит тот самый избитый человек в полосатом чапане. Рана на его лице до сих пор не зажила.

Он меня не узнал. Капитан-начальник представил меня. Человек в полосатом чапане крепко меня обнял, на его глаза навернулись слезы. Усевшись рядом, мы разговорились по душам: расспросили друг друга, кто и откуда, какие у нас общие знакомые. Он оказался из колхоза Навои, звали его Рахманом. Дрожащим от волнения голосом он произнес:

- Всю жизнь до самой смерти буду преклоняться перед вами!
- Не говорите так, за что же передо мной преклоняться? Что я такого сделал?

Капитан-начальник рассказал, как обстоят дела. Хулиганов нашли, устроили им очную ставку с Рахманом. Тот их узнал. Но хулиганы не признаются. И теперь дело за мной. Сейчас их приведут, сказал мне капитан-начальник. Тут же милиционер ввел их в комнату. Один из них попытался сесть. Капитан-начальник прикрикнул на него:

- Стоять!

Парень застыл, сложив руки на груди.

- Вот этого человека знаете? – спросил капитан-начальник, указывая на меня.

- Не знаем, – ответил один, уставившись на меня.

- Это они? – спросил капитан-начальник, обращаясь ко мне.

- Да, они, – кивнул я.

- Уведите, – приказал капитан-начальник милиционеру. Милиционер увел их.

Капитан-начальник сказал, что я свободен.

- Большое вам спасибо, брат. После окончания следствия дело передадим в суд. А если вас вызовут в день суда, то приходите.

- Я вам так скажу, капитан-начальник. Я много дней проболев. Овец пас мой напарник. Что я ему скажу в этот раз?

- Понимаю, брат, понимаю. Вы на суде присутствовать не обязаны. Но негодяи могут отрицать свое участие, дело опять зайдет в тупик. Когда у судей возникнут вопросы, вы будете отвечать только «да» или «нет». И это все. Свидетелей, кроме вас, нет. Придите еще разок ради вашего же товарища.

Капитан-начальник тронул мою душу. Сознательно или нет, но он сказал: «ради вашего товарища». Слова эти проникли в сердце, и я не смог отказать ему – ради своего друга Рахманбая.

Рахман хотел повести меня к себе домой.

- Я неважно себя чувствую, как-нибудь в другой раз.

Он сказал, что в таком случае сам приедет ко мне, и мы станем братьями. Я заверил его, что мы и так уже братья.

78.

О том, что у нашего дома останавливалась милицмейская машина, оказывается, знала уже вся округа.

Братья мои, все тайное рано или поздно становится явным. Плохая весть летит быстрее ракеты, хорошая – плетется, как черепаха!

Люди волновались за меня. Вместе с друзьями пришел проведать меня и Рихсиев.

Жена накрыла на стол, поставила угощения. Мой будущий свояк Одина-наездник стеснялся моей жены и сидел, не подымая глаз. Товарищи по стремени смущались, не зная, как завязать разговор. Рихсиев же начал с главного:

– Товариш Курбанов, правда, что из дома вас забирала милицейская машина?

– Ничего подобного!

– Но ведь все об этом говорят?

– Не забирала. Меня только известили, чтобы я явился. Ездил я на автобусе.

Я сообразил, что люди мне уже все косточки перемыли. Им только попади на язык – из мухи сделают слона! На каждый роток не накинешь платок. Придется рассказать им, как было на самом деле.

Рассказал. Все до мельчайших подробностей. Наездники, кивая, поддержали меня:

– Вы поступили достойно.

Рихсиев приподнялся на локте, обвел всех удивленным взглядом:

– Ну и что тут хорошего? Ходит со сломанной рукой, да еще на следствие та-скают. Столько хлопот, столько беспокойства!

– Какое там беспокойство! Был повод прогуляться с Тарланом по городу.

– Вы, товариш Курбанов, с кем-нибудь другим об этом пофилософствуйте. Тоже мне прогулка! Кроме забот и тревог, такие хлопоты ничего не приносят.

– Ну, хлопоты – тоже повод для прогулки.

– Но вы сами-то теперь поняли? Когда я жил в городе, тоже, бывало, в такие дела вляпывался. И лучше вас знаю, чем это кончается. Как-то раз в выходной отправили нас на хлопок. Сами знаете, какие сборщики из тех, кто на один день приехал: попьют, отдохнут – и обратно. Я тоже собрал пару килограммов, подложил себе под голову и задремал. Неподалеку от меня текла река. Проснулся от шума и увидел, как несколько ребят – не сборщиков, а местных – задирают друг друга. Поначалу подумал, что шутят, а потом вижу – дерутся. Двое быют одного. Тот, которого били, побежал в сторону реки. Над рекой была проложена тонкая труба. Он побежал по ней. На середине реки потерял равновесие и упал в воду. Те двое убежали. Голова парня то появлялась над водой, то исчезала. Когда появлялась, он громко кричал.

– А вы что, наблюдали? – спросил я.

– А вы как думали! Все происходило прямо у меня на глазах. Оказалось, парень не умел плавать. Течение было несильное, мог бы спокойно выбраться. Ниже по течению его крики услышал наш молодой оператор. Он бросился в воду, вытащил парня на берег, поднял его вверх ногами – но было уже поздно. Парень умер. Представьте, этого оператора больше месяца вызывали на допросы! Поперек горла встала ему эта история. Будь слеп и глух, сказал я себе. Тебя не трогают – и ты никого не трогай. Так устроен мир, товариш Курбанов. Знайте свое место и не суйте нос в чужие дела.

– Ну, что на роду написано, того не миновать. А что происходит сейчас на белом свете?

– Много чего происходит, товариш Курбанов. Международная обстановка продолжает накаляться. Мир под угрозой.

– А кто угрожает?

– Империалисты США! Об этом в «Международной панораме» сам товариш Зорин сказал. Да еще и в газете «За рубежом» напечатали. Можем обратиться к фактам. Администрация США запланировала выпустить в 1983 году химико-бактериологического оружия на 810 миллионов долларов.

– Это что же за ружье такое?

– Да не ружье, а ядовитые ингредиенты.

– Вы по-нашему, по-дехански скажите. Откуда нам, плешивым, такие слова знать?

– Ну так вот, это яд, от которого происходит нервный паралич. За десять-пятнадцать минут можете стать покойником.

– И это придумал человек? Чтобы уничтожить человечество? Подумать только! А наши что говорят?

– Наше государство стоит на страже мира, и всегда будет стоять.

79.

Гости разошлись по домам. Жена стала убирать со стола, отдав нашего малыша мне на руки. Я посадил малыша на колени. Он захныкал, протянул ручки к матери, выходящей из комнаты со скатертью.

– Ну, хватит, хватит. Мама сейчас вернется. А кто это там на фотографии? Твой братик, да? Скажи: бра-тик.

Ребенок не унимался. Все хныкал и хныкал. Покачивая его на коленях, я запел:

*На коленях мое чадо,
Станешь ты моей отрадой.
Слушай, что тебе спою.
Баюшки-баю.*

*Конь покрыт попоной – значит,
На коне и ты поскачешь.
Ты украсишь жизнь мою,
Слушай, что тебе спою.*

– Эй, мама, иди же сюда и накорми своего сыночка грудью! Сыночек проголодался. Вот сейчас твоя мама придет. Ну, полно, маменькин сынок! Раз есть рот, думаешь, можно орать? Или у тебя у одного рот есть? Вот, гляди, и у меня он тоже имеется! Почему же я не кричу? Если ты настоящий мужчина – отвечай, потомок плешивого! Ага, сразу замолчал! А то хнычешь и хнычешь. Одного никогда не забывай, сынок. Даже если ты, как Гагарин, достигнешь небесных высот или, выучившись, будешь править всем миром – помни, что ты прежде всего – сын Зиядуллы-наездника. Мой сын! А раз так – будь таким же, как я! Скажи, ты станешь таким, да?..

80.

Прислали повестку в суд.

Ноги снова в стременах. Пока ехал, о многом передумал. Молил Всевышнего, чтобы закончились наконец эти мучения.

Народу на суде было много. По одну сторону сидели парни, которые били, по другую – мой друг Рахман. Начальство сидело сверху. Те, что били, вины своей не признавали и все валили друг на друга. Здесь я и пригодился. Начальство, допросив меня, осталось довольно моими ответами. Когда дали слово защитнику, он спросил у моего друга Рахмана:

– Скажите, а почему вы избили несовершеннолетнего?

– Я его не бил – только головой толкнул.

– Все равно считается, что били. На лице у него осталась рана. Раз он у вас деньги украл и вы его поймали, нужно было сдать в милицию.

– Сил не хватило.

– Бить хватило сил, а в милицию отвести – не хватило?

– Их трое было – один бы я не справился.

– Нужно было позвонить в милицию! Или позвать людей на помощь. Вон сколько людей на улицах!

– Людей? Каких людей? Где эти люди?

Рахман не мог продолжать от волнения. Он вытирал глаза полой халата.

Начальство объявило перерыв на час. Сами ушли совещаться перед вынесением приговора. Я проголодался и зашел в чайхану. А когда, выпив чая, вернулся, люди уже выходили из здания суда. Я понял, что суд закончился. Стал искать моего друга Рахмана, чтобы узнать о решении. И тут наткнулся на женщин. Собравшись в круг, они заливались слезами. До меня дошло: это были родственницы тех парней, которые избивали. И я почувствовал себя виноватым в том, что они плачут. Не в силах больше смотреть на их слезы, я направился к Тарлану.

Мы поехали в кишлак. Миновав колхоз «Восьмое марта», въехали в ущелье Хайрандыра. Вокруг – низкие холмы. Дорога то поднимается вверх, то опускается вниз.

81.

Наступили сумерки. На душе сделалось смутно. Невольно оглянувшись, заметил вдалеке красную машину. Мы с Тарланом поехали по обочине дороги, стали подниматься на склон горы. На самой середине склона я снова обернулся. Машина ехала следом. Мы спустились со склона. Из-за того что склон был крутой, Тарлан припадал на задние ноги. Передние ступали тяжело. Мы спустились в долину. Машина на вершине холма замедлила ход. Я удивился. Обычно машины едут быстро, но эта за все время и одного коня не сумела обогнать.

Мы подъехали к арыку, перерезавшему дорогу. Вода в арыке мутная, вся в красной глине, коню по колено. Тарлана я в арык не пустил. Прикинул: не перепрыгнуть ли через него? Но сразу же передумал: берег арыка тоже был весь в липкой грязи, Тарлан мог бы поскользнуться.

Мы поехали вверх вдоль арыка, ища отмель. Машина спустилась в лошину, остановилась у арыка. Сидевшие в ней как будто поняли, что здесь не перебраться, и поехали по нашему следу. Мы с Тарланом перескочили через арык, где было поуже. Машина остановилась на том месте, где мы перепрыгнули. Я понял, что по этой дороге они едут впервые. Показал им рукояткой плетки наверх.

– Еще немного проедете, и будет разлив! Там машина сможет проехать.

И мы отправились своей дорогой. Но тут вслед раздался голос:

– Эй, шеф! Тормозни!

Голос был незнакомый. Я решил, что надо подъехать. Встал на берегу арыка. Из машины вышло четверо. Двое с разбегу перепрыгнули через арык. Испугавшись, Тарлан попятился. Гляжу: двое молодых ребят. И двое других тоже подошли. У всех на глазах темные очки, волосы до плеч – ушей не видно. Одеты довольно прилично. Один с бородкой. Сперва я подумал, что он примерно одного возраста со мной. Потом, присмотревшись, понял, что парню под тридцать.

– Вы, кажется, звали меня, братья?

Они молча смотрели на меня. Бородатый вышел вперед.

– А ну, слезай-ка с коня, шеф!

– Говорите так, я не глухой.

– Сказано слезай – значит, слезай!

Меня задело, что они обращаются ко мне на «ты». Спешиваясь, я сказал:

– Не надо «тыкать», приятель. Ведь я вам, пожалуй, в отцы гожусь.

– Видали мы такого отца...

Я опешил. Держал в руках поводья и злился, крепко сжимая рукоятку плетки.

– Привяжи коня и иди за нами!

– Что вы мне хотите сказать, приятель? Говорите здесь.

– Сказано, иди за нами – значит, иди!

Они двинулись вверх, вдоль арыка. Очков никто из них так и не снял.

82.

Я накинул поводья на склоненную голову Тарлана и пошел следом.

– А сами-то вы кто такие? Чьи сыновья? Представьтесь же наконец, братья.

Они окружили меня, будто им предстояло какое-то зрелище.

Один из них пробурчал:

– Еще успеем познакомиться...

Господи, и какое у них может быть ко мне дело? Да говорили бы поскорее, а то темнеет.

– Братья, если у вас ко мне срочное дело – говорите. Или я поеду, чтобы дома не волновались.

– Не торопись, еще успеешь поехать. Так поедешь, что больше не вернешься.

Со злости я развернулся и пошел к коню. Один из них преградил мне дорогу. Еще один зашел с другой стороны. Я оказался посередине. Решил было протиснуться между двумя, но тот, что справа, схватил меня за плечо. Я сбросил его руку.

– Уберите руку, приятель.

Он смачно ударил меня в подбородок. Я покачнулся и, отлетев назад, оказался сидящим на земле. Сломанная рука заныла. Накрутив плетку на кисть руки, я поднялся, прицелился в шею парню и с размаху стеганул по ней. Тот, что был сзади, схватил плетку и с силой выдернул. Я опять очутился на земле. Затем пошел на того, что выдернул плетку. Сзади кто-то пнул меня в поясницу. Я упал навзничь. Сломанная рука отозвалась болью. С трудом удалось сесть. Осмотрелся – ни души. Город остался за холмами и горными склонами справа, мой кишлак – за холмами и горными склонами слева. Всё – далеко. Не докричишься.

Стало обидно до слез: какое же кругом одиночество!

Все моя сломанная рука, пропади она пропадом!

Выташил из-за пазухи сломанную руку и, показывая ее, жалобно сказал:

– Когда я упал с гнедого Джурь-бобо, братья, то повредил себе руку. Смотрите...

Они громко расхохотались. Заговорили между собой:

– Кем он ему приходится?

– Никем!

– Как это никем? Быть не может! Выходит, он по своей воле решил показать себя рыцарем?

– Гляди-ка, рыцарь! Рыцарь двадцатого века!

– Дон-Кихот!

– Ха-ха-ха, Дон-Кихот! Дон-Кихот двадцатого века!

Только теперь я понял, кто они такие. Еще обиднее стало за то, что плакался им. Я опустил голову. Сломанную руку не спрятал за пазуху, а оперся ею о землю. Рука заныла. Уставился в землю и стиснул зубы. Лицо горело.

Когда поднялся, они окружили меня. Один ударил в челюсть. Я отлетел на стоящего сзади. Тот, придерживая меня за плечи, ударил по голове. Зашатавшись, я отлетел обратно. Снова получил удар в челюсть, перевернулся и упал. Голубое небо закружилось, стало черным-черно.

Я снова поднялся. Шатаясь, подошел к одному из них и повис на шее.

– Что я вам такого сделал, братья?

Обнял его что есть силы. Тот не глядя ударил меня кулаком в живот. Дыхание перехватило, внутри что-то оборвалось. Руки мои ослабли и сползли с его плеч. Ноги больше не держали – я повалился навзничь.

– Скажите, братья, в чем я виноват, в чем моя вина?..

В ответ получил сильный удар в спину чем-то острым. Потом в бок. При каждом ударе перехватывало дух.

– Братья, я ведь тоже человек...

83.

И тут я услышал ржание.

Всю свою жизнь я прожил бок о бок с конем. Разных коней видел, разное слышал ржание.

Когда конь ржал от жажды или от голода, я давал ему поесть или попить.

Когда конь ржал от тоски по своим сородичам, услышав чье-то ржание или почуяв кобылицу, я седлал его и водил по степи, чтобы он мог остыть, размять ноги и успокоиться.

Когда конь ржал при виде змеи, я выбегал к нему из дома, чтобы он чувствовал, что я рядом.

Когда он подавал голос, почуяв волка, я гладил его по гриве и оставался с ним, пока не успокоится.

От чего заржал Тарлан в эту минуту? Увидел змею? Нет, тогда он заржал бы по-другому. Или он увидел волка? Нет, он ржал бы не так. Наш Тарлан увидел кое-что похуже змеи и волка!

Я попытался приподнять голову, чтобы разглядеть Тарлана, но не смог. Взгляд уперся в небо. Небо высоко, земля тверда.

Конь снова заржал.

Небо было как черный казан. Повернул голову влево. Сначала ничего не разглядел, потом начал отличать белое от черного. И вот тогда увидел Тарлана. Изгибая шею, он глядел на нас. Навострил уши и снова заржал. Посмотрел в сторону кишлака. Опять заржал. В этот раз ржание его было отрывистым и жалобным. От этого ржания сумерки стали печальными, но само оно было еще печальнее сгушавшейся тьмы.

Сильный удар чем-то острым пришелся мне по левому колену. Я закричал. В глазах потемнело. Голова раскалывалась. Кто-то из стоявших надо мной сказал:

– Так и будешь тыкать его ногой? Воткни ему разок в бок – и пошли.

– А-а-а! Лошадь, лошадь! Беги! Лошадь скачет!

Я очнулся и открыл глаза: Тарлан, волоча веревку, гнался за ними. Вытянув морду и наострив уши, он грозно хрипел. Оставив одного, погнался за другим. Они сбежали, перепрыгнув через арык, и спрятались в машине. Один все никак не мог спастись и, взяв что-то с земли, ударил коня по морде. Тарлан покачнулся и остановился. Тот, не мешкая, перепрыгнул через арык. Тарлан тоже перескочил и приблизился к машине. Скребя передними копытами землю, заржал. Машина рванула с места и стремительно умчалась. Конь погнался было за машиной, но потом повернул назад. Перескочив через арык, подошел ко мне, коснулся мордой моих ног. Снова заржал – жалобно-жалобно. Обнюхал мое лицо. Дыхание у Тарлана было прерывистое, будто он унес улак. Обеими руками я обнял его морду, погладил челюсти, лоб. Почувствовав на руках влагу, поднес их к глазам и увидел кровь. Всмотрелся в морду Тарлана и увидел: лоб его кровоточил. Приблизившись лицом к окровавленной морде коня, я разрыдался, не в силах сдержаться себя.

84.

Стало совсем темно. Так темно, что ничего нельзя было различить. Я с трудом повернулся на левый бок. Больно! Обнял ноги Тарлана, подтянул руку выше, пошлепал Тарлана по крупу.

Тарлан обнюхал мое плечо и, медленно сгибая передние ноги, опустился на них. Ухватившись левой рукой за луку седла, я еле-еле вскарабкался на коня и лег на седло животом. Глубоко вздохнул. Поджав ногу, перекинул ее через седло, вдел в стремя. Ногу пронзила боль, в глазах потемнело. Я обнял Тарлана за шею. Придя в себя, выпрямился, взялся за поводья. Ветер облизывал мою голову. Только тут я понял, что шапки-то на голове не было. Осталась на земле. Хотел было слезть, но, представив, каково будет снова влезать в седло, махнул рукой на шапку и дернул поводья. Тарлан пошел по обочине дороги. Через какое-то время я его остановил. Развязав поясной платок, отер лицо и туго затянул им голову.

Мы ехали по обочине большой дороги. Наступила глубокая ночь. Кругом стояла кромешная темнота. Холмы стали подобны темным теням. На душе сделалось черным-черно. Покачиваясь в седле, я ехал, горько рыдая.

85.

Эх, Тарлан, Тарлан, что же это за дни такие наступили? Во сне это происходит или наяву? Кем были эти живые существа, Тарлан? На них была одежда, они были о двух ногах. С виду – как люди. Говорят и смеются, как люди. Не знаю, Тарлан, не знаю. Вот тебя я понимаю. А те – они мне точно не братья.

Это ты – брат мой, а не они, мой младший брат. Ты похож на меня, а младший брат должен походить на старшего. Что же мы теперь будем делать, брат мой Тарлан? Что скажем дома? А если люди спросят – что мы ответим?

Э, нет, Тарлан, ты – мой племянник. Ты весь в меня. Тарлан, племянник мой, может, скажем, что упали по дороге? А если спросят, где же были ваши глаза, ответим, что арык был в глине и мы поскользнулись. Годится такой ответ? А не то станем для людей посмешищем...

Э, нет, Тарлан, ты – мой старший брат! Спросят про младшего брата – он у тебя есть, это я. Спросят про старшего брата, он у меня есть – это ты. О чем еще после этого горевать?

Э, нет, Тарлан, ты – мой друг. Мой единственный друг...

Э, нет, Тарлан, ты – мой самый истинный брат. До самой моей смерти...

Перевод с узбекского Германа ВЛАСОВА и Вадима МУРАТХАНОВА

литературоведение. литературная критика

ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

То, что художественный перевод является важным фактором в сближении народов, знакомстве с их литературами и культурами, становится все очевиднее в нынешний век глобализации. Со временем возрастает потребность в переводных произведениях и квалифицированных переводчиках. Представляется весьма актуальным поразмыслить о том, каких высот достигла переводческая деятельность за годы независимости и на что нужно обратить внимание, чтобы устранить недостатки в этой сфере, учитывая важность проблемы, то, что в нашей стране особое внимание уделяется литературе, искусству и переводоведению, в частности, на государственном уровне.

В работах Ислама Каримова «Высокая духовность – непобедимая сила», «Внимание к литературе – внимание к духовности, будущему» справедливо отмечено, что если мы стремимся обогатить духовность, воспитать подрастающее поколение в духе национальных и общечеловеческих ценностей, мы никогда не должны замыкаться в своей скорлупе.

Одним словом, наряду с другими сферами нужно укреплять международные литературные связи, чтоб другие относились с уважением к нашей литературе, искусству, культуре, духовным ценностям, и мы знали, что можем перенять из-за рубежа, и в свою очередь что мы можем представить им. Это имеет огромное значение для нас в проявлении себя на международной арене – об этом важно помнить всегда.¹

Когда речь идет о художественном переводе, «было бы целесообразно привлечь к этому трудному, но благородному делу зарубежных переводчиков, которые долгие годы переводят непосредственно с нашего родного языка, а также одаренных юношей и девушек, обучающихся в высших учебных заведениях страны, и решить организационные задачи, связанные с урегулированием данного вопроса»², – указывает И. Каримов.

Издание в нашей стране единственного в Центральной Азии журнала «Жаҳон адабиёти» («Мировая литература») говорит о стремлении к взаимодействию с другими

**Адхамбек
АЛИМБЕКОВ**

Родился в 1954 г. в Чимкенте. Окончил факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Автор литературоведческих статей, двух монографий и трех учебных пособий по узбекской, турецкой и русской литературе.

¹ «Внимание к литературе – внимание к духовности, будущему», «Ўзбекистон» – 2009, с. 32-33.

² Там же, с. 139.

литературами, интересе к нашей литературе и пониманию значимости переводческой деятельности.

Переводоведение в Узбекистане имеет давнюю традицию (вспомним переводы Мухаммада Ризо Огахи). Развивается ли достойным образом данная старинная узбекская школа перевода? Какие аспекты требуют больше внимания при подготовке молодых переводчиков? Какие грани необходимо учитывать, чтобы поднять на более высокий научный и художественный уровень, достичь глубины в художественном переводе? Несомненно, подобные вопросы заставляют задуматься каждого исследователя, каждого переводчика, каждого, радеющего за культуру страны.

В создание узбекской школы перевода огромный вклад внесли один из основателей узбекского переводоведения профессор Джуманияз Шарипов, талантливый ученый, создавший школу учеников и последователей, Гайбулла Саламов, но затем на некоторое время, казалось бы, возник вакуум. Хотя понятно, для страны, только приобретшей свою независимость, переживающей сложности переходного времени и стоящей перед необходимостью решения важных политических и экономических задач, такая ситуация вполне естественна. Тем не менее со временем переводы из мировой литературы стали вызывать интерес и занимать все более значительное место. Возрос интерес к изучению опыта мировой переводческой школы, решению практических и теоретических задач перевода. В последующие годы в переводоведении этот процесс получил свое развитие. Создано несколько учебных пособий. «Основы теории перевода» (автор К. Мусаев, 2005 г.), опубликован ряд учебных пособий, написанных преподавателями университета мировых языков: «Письменный перевод» (О. Муминов, А. Рашидов, Р. Тургунова, З. Алимова, 2008 г.), «Введение в переводоведение» (профессор Ш. Сираджиддинов и доцент Д. Адылова, 2011 г.), «Теория перевода» (И. Гафуров и Н. Камбаров, 2012 г.), «Введение в специальность переводоведения» (И. Гафуров, 2008 г.).

Эти издания более или менее удовлетворили нужды молодых переводчиков. Необходимо отдельно отметить работу, проводимую в этом направлении в Ташкентском государственном институте востоковедения. В 2005 году была организована кафедра переводоведения, где наряду с преподаванием «Теории и практики перевода» осуществляется ряд основательных научно-исследовательских работ: «Вопросы перевода» (сборник научных статей, ТГИВ, 2014 г.), «Старинное искусство» (альманах студентов-переводоведов, ТГИВ, 2014 г.), «Переводоведение Востока: вчера, сегодня и завтра» (сборник научных статей, ТГИВ, 2013 г.).

В создании теоретической базы переводоведения нельзя не отметить вклад таких ученых, как Эргаш Очилов, Хайрулла Хамидов, Мухаммаджон Холбеков. Эргаш Очилов: «Вопросы художественного перевода» (учебное пособие, ТГИВ, 2014 г.), «Теоретические вопросы переводоведения» (учебное пособие, ТГИВ, 2014 г.), «Толковый словарь терминов в переводоведении» (ТГИВ, 2014 г.), «Теория перевода» (учебное пособие, ТГИВ, 2014 г.). Хайрулла Хамидов: «Проблемы перевода прозы с турецкого языка на узбекский» (монография, ТГИВ, 2014 г.).

Профессор Мухаммаджон Холбеков долгое время преподает «Теорию и практику перевода» в вузах Джизака и Самарканда, часто публикует статьи по общим и частным вопросам переводоведения в республиканских периодических изданиях («Звезда Востока», «Шарк Юлдузи», «Жахон адабиёти»), подготовил сборник статей «Переводоведение и критика перевода» (2014).

Следует отметить еще ряд ученых, работающих над проблемами переводоведения: И. Гафуров, Абдулла Шер, Х. Дустмухаммад, Я. Эгамова, Ш. Каримов, Х. Рахимов, З. Исамиддинов, Э. Очилов, Х. Хамидов.

Общеизвестно, что перевод служит обоюдному обогащению литератур, популяризации культурно-исторического и духовного наследия стран.

Наблюдая сегодняшний переводческий процесс, можно смело сказать, что проблема переводов решается достаточно активно: издается множество переводов лучших произведений мировой литературы, активно переводится узбекская классика. Опубликованы на узбекском языке такие произведения, как «Маснави-йи манъави» Мавляна Джалалиддина Руми, драмы Шекспира (перевод Джамола Камола), «Финансист» Теодора Драйзера, «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, «Портрет художника в юности», «Улисс» Джеймса Джойса, «Алхимик» Паоло Коэльо (работа трех переводчиков), «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, произведение, получившее Нобелевскую премию по литературе, «Стамбул. Город воспоминаний» Орхана Памука, «Страна вина» Мо Яна, «Подражание Корану» А. С. Пушкина, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Бесы» Ф. М. Достоевского и многих других писателей. Эта работа стала значительным вкладом в нашу духовность и поднимает еще на одну ступень узбекское переводоведение. Улучшается качество перевода. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть журнал «Жаҳон адабиёти» («Мировая литература»). Необходимо отметить, что возрастает количество переводов с оригинала, минуя подстрочник. В рубрике «Жемчужины мировой литературы», знакомящей читателя с образцами мировой литературы, публикуются проза, поэзия, драматические произведения. К сожалению, необходимо указать на недобросовестность некоторых издательств, которым стоило бы воздержаться от обмана читателей ради рекламы, ради покупательского спроса.

Одной из важных задач сегодняшнего дня является подготовка молодых переводчиков. Необходимо шире знакомить читателя и авторов с научными работами о проблемах перевода, не только устно-синхронного, но и художественного. Проводить регулярную работу в кружках молодых переводчиков при кафедрах. Организовывать встречи молодых переводчиков с корифеями дела, устраивать мастер-классы, чтоб учиться на их опыте. Одно из уязвимых мест молодых переводчиков – недостаточное знание тонкостей родного языка, стилистики, недостаточное владение культурой речи. Глубокие языковые познания – главный залог успешного перевода. Ученый и переводчик Алихантура Сагуни по этому поводу писал:

*Если человек плохо знает родной язык,
Сладкая речь на чужом языке ему кажется ядом.¹*

Кафедры переводоведения высших учебных заведений должны думать о грамотной организации обучения переводу, правильном распределении часов на составляющие цикл обучения дисциплины.

Необходим обдуманый выбор произведений для перевода, нужно задумываться о том, что даст читателю, нации данное произведение. Может ли оно обогатить нравственность читателя? Только тогда, когда ответы будут положительными, целесообразно браться за перевод, избегая низкопробной массовой литературы.

Одним из важных является отношение редакторов к переводному произведению, для издания следует рекомендовать произведения, руководствуясь не сообщениями экономической выгоды, а морально-нравственной целесообразности.

Особенностью переводоведения периода независимости является возросший интерес к произведениям, непосредственно касающимся Узбекистана. Например, с русского языка переведено и издано произведение Георга Фридриха Генделя «Эмир Темура» (перевод Г. Мирзо), молодой переводчик У. Джураев перевел

¹ «Жаҳон адабиёти» № 3 с. 110.

с оригинала книгу Руи Гонсалеса де Клавихо «История великого эмира Темура».

Важнейшей задачей современного переводоведения является перевод образцов узбекской литературы на языки народов мира. Исходя из требований сегодняшнего дня, в Союзе писателей Узбекистана переводческой деятельности уделяется особое внимание. В последние годы изданы газели Алишера Навои на французском (переводчики Н. Эргашев и Ж. Гате) и польском (переводчик Януш Кжиновский, 2013) языках, газели Захириддина Мухаммада Бабура на польском (переводчик Януш Кжиновский, 2013), «Образцы узбекской поэзии XX века» на корейском (переводчики Ким Се Хек и Шаходат Касимова, «Адиб», 2010), «Душа рвется к вам» на английском (переводчик Б. Холбекова, издательство Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2011), «Озорник» Гафура Гуляма, «Гранат» Абдуллы Каххара на немецком (переводчик О. Остонов, «Академнашр», 2014), антология узбекских рассказов периода независимости «Река души моей» (переводчик С. Камилова, «Адиб», 2012) и сборник повестей «Возвращение Алпамыша» на русском (переводчик Р. Азимова, «Адиб», 2012), «Дела земные» У. Хашимова на турецком (2015), рассказы Абдуллы Каххара и «Антология узбекских рассказов XX века» на корейском. Заслуживает особого внимания издание в Париже произведений Чулпана, Тагая Мурада, Эркина Агзама. В сотрудничестве с интернациональным культурным центром издан сборник новых переводов из русской литературы «Белая береза», опубликован сборник избранных газелей, рубаи, туюгов и масневи великого мыслителя Алишера Навои «Сокровишница мыслей», в будущем планируется издание этой книги на четырнадцать языках.

В Азербайджане в городе Сумгаит вышел на русском языке литературный альманах под названием «Душа». В нем читателям представлены произведения узбекских и азербайджанских поэтов и писателей в переводе Ш. Касымовой. Вышли в свет на русском языке произведение «Пятирица изумлений» Алишера Навои (перевод А. Каюмова и Д. Азимовой), два тома романа-эпопеи «Амир Темура Великий» Мухаммада Али (перевод автора и С. Камиловой). Радует то, что большинство переводчиков – носители узбекского языка.

Подготовлен построчный перевод ста газелей Алишера Навои на немецкий и английский языки. Переработан Истатом Касымзаде и сдан в печать перевод романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни». Начато издание романа «Навои» Айбека на английском языке (переводчики И. Тухтасинов и Кристин Смарт).

Закончен построчный перевод на английский язык таких известных произведений, как «Минувшие дни» А. Кадыри, «Ночь и день» Чулпана, «Озорник» Г. Гуляма, «Сокровище Улугбека» А. Якубова, «Звездные ночи», «Хумаюн и Акбар» П. Кадырова, «Сарбадары», «Великое правление» (Первая книга) Мухаммада Али, «Дела земные» У. Хашимова, «Шайтанат» Т. Малика (1, 2, 3, 4), «Королева верности» Т. Хайита. Переводы осуществлены переводчиками УзГУМЯ в сотрудничестве с зарубежными коллегами.

Представить на мировой арене достойные образцы нашей литературы – это долг перед нацией. Внести свой вклад в это благородное дело – священный долг каждого интеллигентного человека.

Отрадно отметить, что выходят в свет книги молодых переводчиков (М. Тохлиева на турецком языке, Х. Алланазаровой на английском языке). Активно работают молодые переводчики из областей: Д. Отакулова (Гулистан), Д. Очилова (Джизак), Д. Абдуразаков (Самарканд) и другие. Радуют успехи молодого переводчика Д. Санакулова, книга переводов которого увидела свет во Франции. А. Атабаев, Н. Абдуллаев, З. Очилова, Ш. Облокулова порадовали изданием своих книг переводов с турецкого и английского языков.

Все большую значимость обретают форумы по проблемам переводоведения, организуемые в вузах. Подобные мероприятия ежегодно проходят в Национальном университете Узбекистана, Ташкентском государственном институте востоковедения, Узбекском государственном университете мировых языков и являются своеобразной школой мастерства.

Приносят хорошие плоды практические семинары, прикрепление молодых переводчиков к опытным наставникам. Все это – необходимые этапы пути, ведущего к решению важных задач, стоящих перед нами. Надеемся, что созданный указом главы нашего государства Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы им. А. Навои и образованный в данном учебном заведении факультет узбекско-английского перевода, внесут достойный вклад в подготовку грамотных переводчиков в будущем.

Семинар молодых переводчиков-германоведов, организованный в доме творчества «Дурмон» совместно с университетом Гете, встречи, посвященные узбекско-азербайджанским культурным связям в Ташкентском государственном педагогическом университете, организуемые совместно с Азербайджанским культурным центром, обретают большое значение в воспитании молодых переводчиков.

Независимость предоставила новые возможности узбекским литераторам участвовать в международных литературных форумах. С мировых трибун звучат голоса узбекских поэтов. Народный поэт Узбекистана Анвар Абиджан, известные мастера пера Эшкабул Шукур, Раим Фархади приняли участие в литературном симпозиуме в Южной Корее. Знакомство корейских читателей с их произведениями – приятный результат переводческой деятельности. В США опубликованы газели Навои в переводе Динары Султановой.

Однако успехи в решении задач по теории, истории и практике перевода, литературных связей и литературного влияния не исключают наших недостатков. Особенно заметно это в объективной оценке перевода. Критика оценивает качество переводимых текстов, указывает на достоинства и недостатки. Значение критической оценки перевода в том, что она как наука формирует у молодежи конструктивный, комплексный подход к переводческой деятельности.

Сегодня перед литераторами и переводчиками стоят колоссальные задачи. Каждый специалист, имеющий непосредственное или даже косвенное отношение к переводческой деятельности, обязан обдумать пути решения актуальных проблем перевода, взвесить и высказать свое мнение по поводу предложений автора статьи, возможно, внести свои предложения.

На наш взгляд:

1. Необходимо создать академический учебник по переводоведению. На сегодняшний день у нас достаточно ученых.

2. Нужно создать центры переводов. Предпочтительнее создать их на базе вузов, что будет способствовать тесной связи теории с практикой.

3. Целесообразно учредить журнал «Переводчик» или же «Переводоведение». Это будет способствовать систематизации научных статей и переводных текстов, т. е. всего непосредственно относящегося к переводу.

4. При переводческом отделе СП Узбекистана необходимо создать банк подстрочных переводов. Пересмотреть тарифы оплаты труда переводчиков.

5. Настало время заняться подготовительной работой по созданию энциклопедии перевода.

6. Повсеместно привлекать к переводческому делу одаренную молодежь.

7. Широко использовать опыт мировых школ перевода в процессе преподавания на переводческих факультетах в высших учебных заведениях.

караван истории

ЮБИЛЕИ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ¹...

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР в феврале 1941 г. в Москве и во всех бывших союзных республиках должен был отмечаться как большой праздник науки и культуры юбилей великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Однако начавшаяся Вторая мировая война помешала проведению юбилейных торжеств как в Москве, так и в столицах союзных республик. Руководители Узбекской республики обратились в Москву с просьбой перенести юбилейные торжества на более поздний срок, когда фашизм будет уничтожен и наступит желанная Победа.

Но пока немецкие войска город за городом овладевали территориями Украины, Белоруссии, России; грабили, сжигали, разрушали, безжалостно убивали. «Северная Венеция» – город, воспетый Пушкиным, был отрезан от мира, оказался в кольце блокады. Ленинградцы умирали не только от вражеских бомб и снарядов, но и от страшного голода и холода.

В это трагическое время ленинградский Эрмитаж, один из величайших музеев мира, где собраны бесценные сокровища мировой культуры, где работали крупнейшие специалисты по истории культуры народов Востока и Запада, где еще год назад была создана постоянная экспозиция памятников культуры и искусства народов Средней Азии, решил отметить юбилей великого Навои. Под непрерывным обстрелом города отовсюду были приглашены поэты и переводчики, которые вместе с учеными Эрмитажа провели юбилейный праздник великого узбекского поэта. Обессиленная войной, голодом и холодом творческая интеллигенция в течение трех дней – 9, 10 и 12 декабря 1941 г. – читала произведения Навои в оригинале и переводах, заслушивала и обсуждала научные доклады ученых-востоковедов и писателей. Это был невиданный подвиг, подвиг голодных, обреченных на гибель поэтов-переводчиков.

«Подвиг Эрмитажа». Так называется документальная повесть С. Варшавского и Б. Реста, третье издание которой вышло в 1985 г. в Ленинграде.

Предлагая фрагменты этой повести вниманию нового поколения узбекистанцев, рожденного в годы независимости и пока не твердо знающего бесценные, незабываемые страницы истории изучения жизни и творчества классиков, мы надеемся, что они с большой пользой для себя прочтут их и еще больше будут ценить, любить богатую художественную культуру узбекского народа, субстанцию которой составляют великие творения Алишера Навои, а также помнить подвиг Эрмитажа, ученые и поэты-переводчики которого обогатили великого классика мировой литературы.

...Говорят, что газета живет один день. Бессмертие ежедневных газет – в громоздких подшивках на стеллажах публичных библиотек. Пройдут годы,

¹ Предисловие и сокращенный вариант документальной повести С. Варшавского и Б. Реста, подготовленный Наимом Каримовым.

десятилетия, и однажды над этими изрядно пожелтевшими листьями склонится их изрядно поседевший современник. И старые газеты вдруг оживут. Ему, своему современнику, умудренному знанием всего, что произошло в мире за минувшие десятилетия, эти старые газеты, прожившие некогда один только день, неожиданно представляют в самых необычайных поворотах и парадоксальных сочетаниях многие давние исторические факты.

Уже с весны 1941 года страна стала готовиться к празднованию 500-летия великого поэта-гуманиста Алишера Навои.

В те дни всестороннее изучение многочисленных памятников, связанных с эпохой родоначальника узбекской литературы, широко развернулось не только в Узбекистане, на родине Навои, но и на берегах Невы, в Государственном Эрмитаже, где еще год назад была создана постоянная экспозиция памятников культуры и искусства народов Средней Азии.

* * *

...Над свинцовой Невой стоял холодный Эрмитаж. Короткими осенними днями – в перерывах между тревогами – работники музея продолжали укрывать эрмитажные вещи под сводами нижних этажей, спустившись с изрешеченных крыш, обращались к делам, с давних пор составляющим интерес всей их жизни. Из ящиков стола они доставали рукописи незавершенных исследований, недописанных трудов...

Лампочка светила вполнакала, а то и совсем угасала. Сидели в темноте, мечтали: не будь войны, сдавали бы сейчас в набор каталог юбилейной выставки памятников эпохи Навои – каталог поспел бы как раз к декабрю, к празднованию пяти-сотлетия великого узбекского поэта. Вспоминали: а ведь на осень, на нынешний октябрь, намечались торжества в честь другого прославленного поэта, великого азербайджанца Низами, и, не будь войны, сейчас уже развешивали бы выставку – миру на удивление! Собрали бы воедино рукописи с творениями Низами, миниатюры на сюжеты его поэм, а кругом в витринах – сасанидское серебро!

Сидели в темноте, вспоминали, мечтали. И гадали, прилетят ли ночью «юнкеры»?

* * *

Район Смольного, где находилось руководство обороной Ленинграда, подвергался авиационным налетам. Сильная бомбежка происходила и в тот октябрьский день, когда на нижнем этаже Смольного встретились два давних знакомца. «Внизу, в одном из коридоров я неожиданно столкнулся с довольно колоритной фигурой, – много лет спустя вспомнит об этой встрече Николай Тихонов, летописец железных дней и ночей Ленинграда. – Человек без шляпы, с кудрями, как у короля Лира, спутанными и сильно поседевшими, с большой вспененной бородой, с полными энергии глазами схватил меня за руки и громко воскликнул: вас-то мне и нужно! Это был знаменитый ученый, директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели».

Николай Тихонов нужен был академику Орбели по важному делу, из-за которого он и пришел сегодня в Смольный. Поэт, стоявший сейчас перед ним в армейской шинели, до войны деятельно занимался подготовкой юбилея Низами.

– Вы конечно не забыли, – сказал Орбели, – что юбилейные дни приближаются...

Сквозь каменные стены доносился гул воздушного сражения, рев самолетов, уханье зениток, и Тихонов только развел руками:

– Дорогой Иосиф Абгарович! Вы видите, что делается вокруг. В таких условиях юбилей будет выглядеть не очень торжественно.

Но Орбели твердо произнес:

– Юбилейные торжества должны быть проведены! Вся страна отметит юбилей

Низами, а мы в Ленинграде не сможем? Чтобы фашисты говорили, что они сорвали нам праздник нашей культуры?

Смольнинскими коридорами оба прошли в Политуправление Ленинградского фронта. Тихонов представил Орбели и, опасаясь, что почтенного академика примут за человека, не отдающего себе отчета в происходящем, обрисовал некоторые особенности его характера. Затем был заслушан Орбели.

– Вступительное слово от писателей сделает он, – указал Орбели на Тихонова. – Слово от ученых скажу я. – И добавил, как нечто само собой разумеющееся: – Докладчиков достанете вы...

– Как мы? – удивились в Политуправлении.

– Они в окопах. Невдалеке. Где-то около Колпина или Пулкова. Вы вызовете их на один день. Они утром приедут, а вечером уедут обратно.

Орбели назвал имена нескольких востоковедов, научных сотрудников Эрмитажа, воевавших под Ленинградом.

«Его вдохновенное лицо, воинственная борода и уверенность человека, видавшего виды, произвели впечатление, – пишет Н. Тихонов. – Нам разрешили собрание. Оно состоялось точно в том часу, как было назначено».

В архиве Эрмитажа сохранился «Список присутствовавших на заседании памяти Низами» 19 октября 1941 года.

Ни в Баку, ни в Москве в октябре юбилей Низами не праздновали, празднование было отложено. И только в осажденном Ленинграде юбилей был проведен в срок.

* * *

...Очень холодно и очень хочется есть. Двести пятьдесят граммов суррогатного хлеба по рабочей карточке, сто двадцать пять – по карточке служащего. Из столярного клея варили студень, на олифе жарили блокадные пирожки из где-то раздобытых очистков мерзлых картофелин.

В пожарной казарме разговоры о еде были запрещены. Здесь топилась печка, горел электрический свет от динамо-машины «Полярная звезда», и отогревались здесь не только пожарные. Сюда приходил из своего кабинета академик Орбели, сюда поднимался из бомбоубежища № 3 художник Георгий Семенович Верейский, эрмитажный ветеран...

...Как о чем-то очень давнем вспоминали теперь в пожарной команде о совсем недавнем юбилее Низами. Было это в октябре, а сейчас уже декабрь, и целая вечность, казалось, уже отделяет этот декабрь от тех мирных июньских дней, когда в Эрмитаже с волнением ждали вестей из Самарканда: какие новые памятники эпохи Навои найдут археологи в мавзолее Гур-Эмир, чем пополнятся эрмитажные коллекции, что из новых находок войдет в экспозицию декабрьской юбилейной выставки памяти Алишера Навои?

Война, блокада, не быть в Эрмитаже юбилейной выставке, и тем не менее художник М. Н. Мох, поднявшись из бомбоубежища в пустую и нетопленную эрмитажную комнату, упорно расписывал там фарфоровый бокал и фарфоровую коробочку – украшал их рисунками, навеянными стихами узбекского поэта. Из университета он приволок на саночках даже муфельную печь для обжига фарфора. А за стеной, в пожарной команде, его эрмитажные друзья-востоковеды обсуждали объемистые рукописи, которые должны были быть зачтены на научных заседаниях в честь Навои, – не было бы войны, эти рукописи вошли бы в юбилейные сборники, их напечатали бы в юбилейных номерах журналов. Но была война, и единственное, что возможно было сейчас опубликовать, это только маленькую заметку, которую одним пальцем печатал на машинке Б. Б. Пиотровский для эрмитажного «Боевого листка».

* * *

Над развалинами домов переднего края брезжил поздний рассвет. Войдя в блиндаж, вестовой из Политотдела разбудил спавшего под шинелью пожилого капитана, поэта армейской газеты.

– Вас в Политотдел, товарищ капитан. Срочно.

«Тяжел сон после ночного дежурства, – начинает свои воспоминания об этом дне старейший ленинградский поэт Всеволод Александрович Рождественский. – Не сразу вошли в сознание низкий потолок блиндажа, слабый огонечек коптилки на сколоченном из фанерных ящиков столе. Я привычно надел шинель, потуже затянул ремни и, нагнувшись в дверях, вышел на свежий воздух. Путь был недалеким. В подвале полуразрушенного дома, в низкой сводчатой каморке, сидел за столом батальонный комиссар с опухшим от бессонницы лицом.

– Вот, – сказал он, протягивая мне бумажку. – Это – предписание. Куда, хотите знать? В Ленинград. – И, выдержав некоторую паузу, добавил, неожиданно улыбнувшись: – В распоряжение Государственного Эрмитажа. В двадцать четыре ноль-ноль быть обратно.

Я повернулся по-военному и вышел, не успев даже удивиться. Уж куда-куда могли послать, но в Эрмитаж?!

При скудном свете пасмурного дня я развернул врученное мне предписание. К нему была приложена слепо отпечатанная на узкой полоске повестка. Из нее я узнал, что сегодня, 10 декабря 1941 года, в помещении Эрмитажа состоится торжественное заседание, посвященное 500-летию Алишера Навои. Мне предстояло прочесть свои стихотворные переводы.

Сборы были недолги, да и дорога – не столь уж длинной. Фронт проходил тогда в непосредственной близости от городских окраин. До Обводного канала я добрался на какой-то попутной полуторатонке, а там уж пришлось идти пешком – трамваев не было...»

Служебный подъезд Эрмитажа расчищен от снежных заносов, сугробы по сторонам...

В служебном подъезде академик Орбели встречает гостей. Одни доплелись сюда из своих заиндевевших квартир, ставших вдруг невероятно далекими от Эрмитажа, другие пришли в Эрмитаж из фронтовых блиндажей, находившихся в непостижимой близости от Дворцовой набережной.

«...В довольно просторной и очень холодной комнате – окнами на Неву – было не так уж много народу. В плотно закутанных фигурах, сидевших на беспорядочно расставленных стульях, я не без труда узнавал знакомые лица – до того изменили их лишения блокадного города.

Академик И. А. Орбели, директор Эрмитажа, занял председательское место:

– В необычное время, переживаемое нашим городом и всей страной, в невероятной обстановке собрались мы, чтобы отметить замечательную дату в культурной жизни советских народов, вспомнить оставшееся бессмертным имя великого поэта и просветителя Алишера Навои. Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде, осажденном, обреченном на страдания, голод и стужу, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе нашего народа, о его несломленной воле, о вечно живом гуманном сердце.

В эту минуту мощный глухой удар, заставивший содрогнуться воздух и задребезжать стекла, ухнул где-то, казалось, совсем близко. Все бросились к окнам. Почти сразу же грянул второй удар, и на Неве взметнулся, рассыпая брызги, водяной столб.

– Спокойно, товарищи, – произнес, почти не повышая голоса, Орбели и

предложил перейти в бомбоубежище. Но все снова заняли свои места. – Хорошо, – сказал Орбели. – Заседание продолжается.

И заседание продолжалось. Читались доклады, стихи Навои, переведенные поэтами и востоковедами, звучали они и в оригинале – древние, вновь ожившие слова, говорящие о мире, о радости жизни, о торжестве человеческого разума над тьмой жестокости и угнетения».

Все бедствия, которые древние и средневековые историки описали в хрониках знаменитых осад неприступных крепостей, взятых измором и сожженных дотла, все силы разрушения и смерти, вызванные из темной бездны истории и многократно увеличенные наисовременнейшими орудиями разрушения – дальнобойной артиллерией и бомбардировочной авиацией, – обрушились на великий русский город.

Снаряды и бомбы рушили дома, превращали в груды щебня заводы и дворцы. А в полумраке эрмитажного бомбоубежища перед устремленным вдаль взором русского архитектора вставали образы величественных зданий, которые он возведет после победы – залитый солнцем стадион, шумящая на балтийском ветру листва приморского парка.

Холод замораживал истощенных голодом людей, а в Школьном кабинете Эрмитажа изможденные голодом люди читали и слушали научные доклады о жизни и деяниях узбекского поэта, творившего в XV столетии.

Гости, приглашенные на празднование пятисотлетия Навои, покинули Эрмитаж. В Школьном кабинете, подле столика, заменявшего докладчикам кафедру, продолжал сидеть, откинув голову на спинку стула, один из главных участников торжества, молодой ученый Николай Лебедев, специалист по многим восточным литературам. Он не в силах был подняться.

Все это военное полугодие Николай Федорович Лебедев ни в чем не отставал от других сотрудников Эрмитажа – таскал песок в залы и на чердаки, закладывал кирпичом окна в подвалах, занимал пожарный пост в часы воздушных тревог, работал по своей научной теме. Дней за пять до юбилея он почувствовал себя совсем худо; что с ним происходит, было ему ясно и без диагноза врачей: дистрофия, голодная болезнь...

Друзья помогли ему добраться до Школьного кабинета: он не примирился бы с тем, что торжества в честь поэта, которого он усердно переводил много лет, пройдут без его участия. Содержание докладов он знал во всех подробностях по ночным бдениям в пожарной казарме, и ему было интересно, как воспримут доклады его друзей приглашенные в Эрмитаж гости; среди собравшихся он увидел крупнейших ленинградских ученых. Он слушал затем переводы из Навои, которые читал прибывший с передовой поэт Всеволод Рождественский, – кое-что из этих стихов он тоже перевел, и его радовало, что отдельные строки ему, востоковеду, удалось перевести если не лучше, то во всяком случае точнее.

Потом Орбели предоставил слово ему.

– Читайте сидя, – сказал он и объяснил присутствующим: – Николай Федорович себя плохо чувствует.

Он читал сидя, читал свои переводы стихов Навои и стихи Навои в оригинале, на староузбекском языке. Читать он старался погромче, но понимал, что читает тихо. Он отобрал много стихов, но друзья позволили ему прочесть только малую часть. Действительно, он очень устал.

Торжества окончились, – так и не сбылась его мечта – самому публично прочесть в торжественный день юбилея Навои все, что он перевел на великий русский язык с языка великого узбека. Смерть неотвратимо подступала к Николаю Лебедеву, он ошущал на своих бескровных губах ее леденящее дыхание, но дело, которому он посвятил свою жизнь, нуждалось в аудитории, требовало

обнародования, рвалось наружу из уже перехваченного голодной петлей горла обессиленного поэта. И никто не посмел ему отказать.

«Двенадцатого декабря, – вспоминает Б. Б. Пиотровский, – было второе заседание, посвященное Навои, на этот раз целиком занятое чтением переводов Лебедева. После этого он слег и не мог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и без конца декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвый, покрытый цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи».

Noli tangere circulos meos!
Не трогай мои чертежи!

* * *

...В Эрмитаж Сергей Александрович Жебелев пришел с утра; его стариковские боты оставили глубокие следы в снежных сугробах, за ночь опять наметенных пургой у служебного подъезда. Вчера и третьего дня он присутствовал на научных заседаниях в честь Навои и сегодня счел своим долгом зайти к Иосифу Абгаровичу, чтобы поблагодарить Эрмитаж за устройство этого, как он выразился, «праздника науки». В минувшем блокадном сентябре академику Жебелеву исполнилось семьдесят четыре года, и был он последним из еще оставшихся в живых учителей академика Орбели.

Слова старика Жебелева вторили мыслям Орбели совпадали с его приподнятым настроением, которое, вероятно, испытывает полководец, одержав победу на поле боя. Это чувство переполняло Орбели с того самого момента, как он, привстав из-за столика, объявил открытым торжественное заседание памяти Навои, и сейчас, когда он слушал своего старого учителя, ему впервые пришла на ум еще одна особенность торжеств Низами и Навои в Эрмитаже, на которую он впоследствии обратит общее внимание в заметках «О чем думалось в дни и ночи блокады Ленинграда». «Случилось так, что в зале не было ни одного человека, в жилах которого текла бы азербайджанская или узбекская кровь. Но это не имело никакого значения. Для собравшихся здесь этот день был праздником. Чувствовалось это и в том, как продуманны и хороши были доклады, как отделаны были стихотворные переводы из Навои, сделанные молодым русским ученым, через несколько дней после праздника ушедшим из жизни, как любовно и мастерски были расписаны в эти дни русским художником фарфоровые предметы на темы из творений Навои, как торжественно были освещены лица всех, кто был в зале и кто единодушно отверг предложение перейти ввиду усилившегося обстрела в безопасное бомбоубежище».

Молодые ученые, выступавшие за маленьким столиком в Школьном кабинете, с высокой трибуны мирового музея еще раз подтвердили миру, что свет победит тьму...

литературоведение. литературная критика

**Рафаэль
АХМЕДОВ**

Родился в 1984 г. Окончил УзГУМЯ. Преподаватель кафедры английского языка и литературы Гулистанского государственного университета, автор многочисленных статей по англо-американской литературе и по теории литературы.

ЖАНР АНТИУТОПИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как литературный жанр антиутопия зарождается в XVII–XVIII веках («Левиафан» Т. Гоббса (1651), «Басня о пчелах, или частные пороки – общая выгода» Б. Мандевиля (1714), «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта (1726)). В конце XIX – начале XX в. появляются произведения, отнесенные к романам-предупреждениям: «Ируон» С. Батлера, «Легче азбуки» Р. Киплинга, «R.U.R.» К. Чапека. Противопоставление антиутопий и романов-предупреждений представляется необоснованным, поскольку уже на ранних этапах развития жанра антиутопия содержит в себе предупреждение человечеству об опасности насилия.

Жанровое ядро антиутопии в современной литературе остается прежним (способность к художественному моделированию и прогнозированию социальной системы, конфликт человека и государства, ситуация испытания «человеческой природы», демифологизация, критический пафос и другое). Вместе с тем современная антиутопия приобретает некоторые новые черты, обусловленные внешними и внутренними факторами.

Так, например, в антиутопии нашли отражение актуальные явления конца XX – начала XXI в.: процессы распада государственных систем и империй, создание новых государств в мировом пространстве, социальные изменения в обществе, политические и экономические процессы развития, кризисы, геополитические проблемы, угроза ядерной войны и многое другое. Писатели уделяют большое внимание вопросам не только социально-исторического, но и философского порядка: свобода и насилие, поиски путей духовного противостояния насилию, избавления от застоя в сознании. Поэтому при всей злободневности и конкретности современная антиутопия не ограничивается рамками только нашего времени, а приобретает широкое вневременное значение и обобщенный характер.

В мировой антиутопической литературе тема критики

государственной системы постепенно исчерпывается. Интерес авторов перемещается на исследование государственных систем, которые образовались в последние десятилетия. Однако апелляция к историческому прошлому, к опыту истории империй остается специфической особенностью современных произведений. С высоты опыта прошлого писатели оценивают настоящее и прогнозируют будущее.

В тех произведениях узбекских писателей, где имеется элемент антиутопии, художественные модели отличаются большим многообразием. Объектом художественного моделирования являются исторические реалии, тенденции сегодняшнего дня (политические, социальные, экономические, национальные и др.), а также утопические идеи и проекты, которые возникали в течение XX века и на рубеже XX–XXI веков.

Способы художественного моделирования в произведениях современных авторов антиутопий в русской литературе разнообразны: экстраполяция героя в будущее, метаморфоза (превращение), метафора, гротеск, создание альтернативной истории и др. В рамках одного произведения могут сосуществовать несколько художественных моделей, зеркальное отражение которых придает антиутопии многозначность. Художественные модели в произведении композиционно могут располагаться горизонтально (в географической плоскости – Э. Лимонов, Л. Петрушевская), вертикально (верх-низ – В. Маканин, А. Курчаткин, А. Курков), исторически (прошлое-настоящее-будущее – Т. Толстая, В. Войнович, А. Кабаков), символически (открытый-скрытый планы – В. Пелевин).

Прогнозирование по-прежнему остается жанрообразующим признаком антиутопии. Однако если раньше художественный прогноз писателей больше касался устройства общественной системы, то теперь авторов интересуют не только социальные прогнозы, но и прогнозы духовные: что происходит и что будет с человеком, какие изменения возникают в его внутреннем мире под влиянием нового насилия, какова судьба духовных ценностей, культуры в настоящем и будущем и т. д. Поэтому традиционный конфликт антиутопии – столкновение человека и системы – в современных произведениях переводится прежде всего в сферу духовно-психологическую. Борьба свободы и насилия сосредоточена в душе главного героя антиутопии, с исходом этой борьбы писатели связывают и свои художественные прогнозы.

В течение XX века в русской антиутопии сформировались такие виды топосов: «единое государство» (Е. Замятин), «город», «котлован», «канцелярия» (А. Платонов), «Москва» (М. Булгаков, Ю. Даниэль), «Крым» (В. Аксенов) и др.; в антиутопиях последних десятилетий появились новые: «улица», «площадь», «больница», «квартира», «двор», «подвал», «лаз», «канализационный люк» и др.

Следует отметить еще большую замкнутость, ограниченность пространства в произведениях современных писателей по сравнению с антиутопиями предшествующих лет. Пространство современной антиутопии пропитано опасностью, смертью, оно лишено света и таит в себе физическую и духовную угрозу для человека. Герою практически некуда уйти, поэтому традиционный для антиутопии композиционный прием путешествия трансформируется в бегство героя от преследований нового насилия, уход в иной мир («робинзонада», стремление спрятаться в подземном мире) или же бесцельные

блуждания в лабиринте, из которого нет выхода. Однако многие авторы все же видят выход из замкнутого пространства антиутопии – это выход в сферу духа, культуры, национальных ценностей, общечеловеческих идеалов (Т. Толстая, В. Пелевин, А. Курков и др.).

В современной антиутопии изменяется категория времени. Часы в антиутопиях либо останавливаются, либо отсчитывают последние мгновения перед смертью и после смерти.

Придуманная нереальность еще сохраняет свое значение в современной антиутопии как способ художественного моделирования и прогнозирования, средство создания хронотопа, основа сюжетно-композиционной структуры. Вместе с тем она все более становится социально и исторически маркированной и мотивированной. Однако художественный прогноз в произведениях последних лет могут успешно осуществлять и другие средства: метафора (например, у В. Пелевина), символика (например, у А. Куркова) или притча (например, у В. Маканина).

Изменения, происшедшие в жизни, в общественном сознании и в искусстве, повлияли и на эволюцию героя антиутопии. Герой современной антиутопии помещен в эпицентр не только государственных, но и мировых кризисов, катаклизмов, противоречий. Он несет на себе груз социальных, политических и экзистенциальных проблем. Впервые человек в антиутопии показан как объект для манипуляции политическими технологиями и средствами массовой информации. Личность в современной антиутопии оказывается в сложнейшем политическом и информационном поле, в условиях которого нелегко сделать нравственный выбор. Проверка «человеческой природы» не всегда оборачивается победой человеческого начала. Авторы констатируют страшные процессы духовной деградации, которые происходят во внутреннем мире личности. Писателей тревожит моральное состояние человека, которое становится главным критерием оценки общественного устройства и его перспектив.

В современных антиутопиях присутствуют некоторые уже известные русской литературе типы героев: странники-правдоискатели, философы, творцы, интеллигенты, чиновники. Вместе с тем в произведения последних лет пришли и новые герои: маргиналы, алкоголики, уроды, «мутанты», политики, «государственные служащие», дети и др. Расширение типологии героев в русской антиутопии на рубеже веков дало возможность писателям всесторонне осветить проблемы современного человека, его нравственно-философские искания.

Развитие антиутопии в мировой литературе, в том числе в русской и узбекской, продолжается. Этот жанр подтвердил свою актуальность на разных этапах развития литературного процесса, особенно возросла его идейно-эстетическая роль в последнее время. Имея богатые традиции, антиутопия отличается активным новаторством, поиском новых жанровых разновидностей и художественных принципов.

ПОЭЗИЯ

Дарю тебе созвездий гроздь

Закат

Заря лениво догорает,
Неслышно вдаль скользит река,
Горящий шар на небе тает,
Слегка румяня облака.

В зеленой гавани душистой,
Качая мачты тростника,
Хлопочет жаворонок быстрый,
Пугая тихого малька.

Вода, покой и блеск заката
Сердца волнуют вновь и вновь,
Как мысль, забытая когда-то,
Как уходящая любовь.

Гладь бытия зеркальных рек
Под изумрудным покрывалом
Тревожит нас из века в век
Венцом волшебного начала!

Услышать рассвет

Зарделся диск, взрывая краски.
Из непотухшей темноты
Рассвет с небес срывает маски
Благословенной немоты.

Рассвет, как гавань, как причал,
Как отблеск в глубине пещеры.
Рассвет – начало всех начал,
Залог любви и символ веры.

Плывет себе по краю тьмы
Изогнутый рожок надежды –
Луна. От носа до кормы –
Кораблик мой в ночи безбрежной.

С рассветом обретает речь
Все, что таилось и молчало,
И звуки продолжают течь
Из бесконечности в начало.

Проснулся город. Фонари
Сутулясь задувают свечи.
Но в складках утренней зари
Чуть слышно серебрится вечер!

Олег КОТЕНКОВ

Родился в Ташкенте. Окончил ТашГТУ. Инженер-гидроэнергетик. Работал в научно-исследовательских институтах. Публиковался в периодической печати Узбекистана.

Виноградная лоза

Великий знак – весенняя гроза!
Он обещает чудо, без сомненья.
И вот оно – прекрасное мгновенье –
Проснулась виноградная лоза!
Великий знак – весенняя гроза!

В полночном небе умывается Луна,
Едва прикрывшись дождевою тучей.
И это ведь совсем особый случай,
Когда за облаком скрывается она.
В полночном небе умывается Луна.

А это значит – скоро будет гром.
И молния небесный свод расколет,
Чтоб осветить и луг, и лес, и поле,
И виноградник, что уходит под уклон.
Все это будет, если грянет гром.

От умиления заплакала Весна.
Вздохнула с облегчением Природа.
–Ах! Мне так нравится присутствовать при родах.
Лоза от молнии сегодня понесла.
От умиления заплакала Весна.

А ветер рвет и множит голоса:
– Проснулась, наконец, она проснулась!
Хоть молния едва ее коснулась.
Услышат реки, горы и леса.
И ветер умножает голоса.

А это значит – будет Урожай,
И буйство роста, и веселье красок,
И щедрость злаков и плодов прекрасных,
И на столе – священный Каравай.
Здесь ожидается прекрасный Урожай.

Пройдет с толпой вакханок по лесам
Сам Дионис – хмельное благородие.
И приумножит в мире плодородие.
Нам стоит верить древним чудесам.
Сам Дионис пройдет по лесам.

И будет лето жарким, быстротечным.
А осенью – пиры, балы, застолья.
– Ну, доставай кувшины из подполья.
Пришла пора задуматься о вечном!
А лето было очень быстротечным.

И стар и млад приходят в упоение.
К бокалу жадно тянется рука.
И терпкий сок – священный на века –
Нам открывает таинства общения.
И стар и млад приходят в упоение.

Ну что ж, друзья, нальем полнее чаши
И вспомним ту весеннюю грозу,
Что разбудила спящую лозу.
И сделала нам жизнь светлей и краше.
Давай еще раз мы наполним чаши.

Сон

Орлом волшебного эфира
Дневной заботой томим
Кружит над бездною уныло
Могучий сон немых вершин.

Спустился тихо на поля,
Окутал томным покрывалом
Лесные дали и моря,
Покой и грезы правят балом.

Забылась матушка река,
Замедля путь свой бесконечный,
Чуть дремлют братья-берега,
Стоят как символ дружбы вечной.

Дубы притихли вековые,
Умолк пернатых нежный звон.
Уснули пары молодые,
Их место встречи – старый клен.

Лишь ветер, бестия, не спит,
Бродяга свежестью ласкает.
Он тайну вечную хранит,
Трудяга устал не знает.

Богиня утренней зари
Весенней лаской одарила.
Проснитесь, милые мои!
К вам гость – великое Светило!

Признание в любви

Сквозь темноту небытия
Мерцают ласковые звезды,
Под небом ясным ты и я.
Дарю тебе созвездий гроздь.

С восторгом славлю небеса,
Тебя царевной величая,
И слышат звезды голоса –
Слова влюбленных у причала.

Я признаюсь тебе в любви,
Не зная, это была иль небыль,
И ты готова до зари,
Стоять, внимая мне и небу?

НОВЫЕ ИМЕНА

**Ловец хрустальных
состояний...****Втроем**

Я помню день, взлетевший грустной птицей
Над полем увядавших васильков,
Что мог другому только лишь присниться:
Столь было все торжественно, легко!

Мы шли втроем по лугу, полю – к лесу.
С небес с утра струилась тишина,
И каждый миг имел так много весу,
Так много счастья, грусти и вина!

Я пил его с полян, залитых светом,
Из ковшика сыреющих чашоб...
Тогда уже заканчивалось лето
В судьбе, в душе, в природе, но еще

Из утренних туманов улыбалось
Холодным недоверчивым лучом.
И эта обольстительная малость
Пронзала сердце сладко, горячо!

Я помню тех смеющихся, веселых,
Кто шел со мной в лесное никуда
Под шепот колдовских столетних елок,
Считавших проходящие года.

И мы в лесном покое проходили,
Смеялись, рвали польские грибы...
И не пойму я – мы ли это были,
Иль счастья тени в зареве судьбы?

Березняки, болота и пригорки
Уже впитали оцет новых лет...
Как мне сегодня горько, очень горько
За тех двоих, кого давно уж нет!

За тех двоих, которые так ярко
Нарисовали солнечный денек,
Что мне дороже всякого подарка,
Особенно, когда я одинок!

**Алексей
БОРЫЧЕВ**

Родился в 1973 г. в
Москве. Окончил
МГТУ им. Баумана.
Член Союза писате-
лей России. Автор
9 поэтических книг,
множества публи-
каций. Финалист
и лауреат многих
литературных кон-
курсов и премий. В
«Звезде Востока»
публикуется
впервые.

И был этот день...

И был этот день... и земля, и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По темным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней кисельно текущей сурьме
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял...

Оттенки

Ловец хрустальных состояний
Некратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом – пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истертой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В еще глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

Апрельское

Когда мечты, как погорельцы,
Пересекают душу вброд,
Я слышу шорохи апрельских
Зеркальных сумерек болот,

Сбежав от чувственных пожариш
В прохладу зыбкую трясин,
Где dna тревоги не нашаришь
Среди берез, среди осин.

О, эти чахлые березы!
Как вы нездешни в поздний час:
Когда закат роняет слезы,
Я не могу смотреть на вас.

И луч заката на осинах
Похож на блик небытия;
И, словно след сырой лосиный,
В лесу блуждает жизнь моя.

В потоки странных темных строчек
Сознанием оттенена,
Среди осоки, хлюпких кочек
В туманах прячется она.

Когда весна коряво, дико
Бредет во мшистой мгле болот,
Пространство криком, птичьим криком
Меня в грядущее зовет.

Два ириса

Белеет болотная ночь,
Болеет, слепая и старая,
И лечат ее под луной
Два ириса сонными чарами.

Как змеи, снуют времена,
И песня далекая слышится,
Но в полночь встает тишина,
Лишь ирисы тихо колышутся.

За что же Господь две души
Обрек на печаль и страдание?..
Но в их шелестящей тиши,
В их гибели – очарование!

Восток розовеет уже,
И легче, свободнее дышится...
Прижавшись душою к душе,
Два ириса спящих колышутся.

Осенний яд

Кто сказал, что шипение осени –
 Это навий дымящийся яд,
 Принесенный уснувшими осаами,
 Что не могут вернуться назад
 И вонзиться укусами в плотное
 Тело ясного летнего дня,
 Пробуждая дыханье болотное,
 Колокольцами влаги звеня?..

Кто сказал?.. Но глухое молчание
 Оглушило меня, отняло
 Чувства, мысли, и даже отчаянье
 Обратило в предельное зло.
 Потому что так много молчашего
 Ядом осени поздней шипит,
 И оса моего настоящего
 Жалит сердце, а вовсе не спит!

Неоконченная прогулка

Еловый август тёмной стороной
 По мшистой чаще шёл за нами следом,
 Слегка вздыхая мятной тишиной,
 Окутав лес туманным парким пледом...
 То мухомор, то белый гриб, то груздь
 Рассеивали будничную грусть.

Ты помнишь – иволга пытала тишину
 Сырых лесов, где мы с тобой гуляли,
 Свирелью времени, аккордами минут,
 И мир – то золотым, то ярко алым
 Врывался к нам в сердца, струясь вином
 По венам, обжигая счастьем, но...

Полдень

Памяти мерцанье. Летних дней изгиб.
 Солнечные вазы полнятся покоем.
 Тянутся минуты, что к годам близки,
 Растворяя в полдне брэнное, людское.

Полдень суетливый, словно зыбкий уж.
 Только не молчит он, а вовсю стрекошет.
 Но бегут вприпрыжку через чашу, глушь
 Времена босые по тропинке к ночи.

Звезда

Холодное небо коснулось Земли
 Сырым снегопадом,
 А в полночь созвездия тихо зажгли
 Цветные лампы.

По снежной пустыне плыла тишина,
 Как воздух, густая,
 Смотрела задумчиво с неба луна,
 Совсем молодая,

На лес и упавшую ночью звезду,
 На снежные скалы.
 Но долго звезду на подтаявшем льду
 Созвездья искали.

В ночи замелькают и дни, и года –
 Метелью, порошей;
 Исчезнет под ними навеки звезда,
 И прошлое – тоже...

Февральские кони

Февраль – это облако северных дней.
 Бегут розоватые кони
 По снегу, по небу, и нет их смелей
 В слепой безрассудной погоне.

Куда их несёт?.. Полыхают огни
 За ними – огни голубые.
 Из облака сыплются снежные дни,
 Как будто цветы золотые.

Как ярок их блеск и оттенки тонки!
 Какие в них томные звуки!
 Из них и сплетает бессмертье венки
 На голову русой разлуки.

В неброской печали сияют леса,
 Как блики свечей на иконе.
 Блестит ожидания марта слеза
 На белой февральской ладони...

А кони бегут, всё бегут и бегут –
 К полудням, к рассветам, к закатам,
 И слышно на льдистом февральском снегу
 Копыт неземное стаккато.

проза

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доктор, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада». Редактор журнала «Преподавание языка и литературы».

ОПЦИИ И ФУНКЦИИ

Юморески

В АВТОБУСЕ

На автобусной остановке коренастый мужчина пытается влезть в переполненный автобус. Он кричит, давит, толкается, хватается за поручни и, наконец, стиснув всех, забирается на нижнюю подножку. Дверцы закрываются, автобус отходит. Вдруг новый пассажир ошарашивает всех вопросом: «А это автобус какой?»

Пассажир с верхней ступеньки. Какой? Сто восьмой!

Пассажир с нижней ступеньки. А разве здесь такой проходит?

Пассажир с верхней ступеньки. Такой везде проходит.

Пассажир с нижней ступеньки. А на кладбище он идет?

Пассажир с верхней ступеньки. Нет, он идет до психбольницы.

Пассажир с нижней ступеньки. А-а! Я сел не на свой автобус!

Пассажир с верхней ступеньки. Ничего страшного, братан: на кладбище тебе еще рано, а вот в психушку захватить в самый раз.

САЛО САЛЬЕРИ

К прилавку в колбасном отделе супермаркета подходит интеллигентного вида мужчина. Он долго всматривается в колбасы и вдруг изумленно спрашивает у продавщицы:

– Девушка, а почему у вас колбаса называется «Моцарт»?

Продавщица. Не знаю, так называли. Впрочем, она безжиренная...

Покупатель (иронично). А «Сальери» у вас тоже есть?

Продавщица. Да, есть и сало, и салями – все у нас есть.

Покупатель. Девушка, я же вас не о салями, а о Сальери спрашивал.

Продавщица. Соленья? Соленья в соседнем отделе.

НА РАЗВАЛАХ

Продавщица. Женщина, женщина! Что вы все там перебираете, что вы все ищите?

Покупательница. Да вот я хочу такую же маечку, как эта. Но только здесь фиолетовая грудка и синие рукавички, а я хочу наоборот: синенькую грудку с фиолетовыми рукавичками.

Продавщица. Не ищите, берите эту: после стирки так и будет.

В КАФЕ

В небольшом кафе сидит армянин и угощается шашлыком, запивая его коньяком из маленького графинчика. Мимо столика проходит мужик бомжового типа.

Мужик. Братан, плесни с полглоточка.

Армянин. С какой это стати?

Мужик. Но ты же армянин.

Армянин. И что?

Мужик. А то, что ты принадлежишь к маленькому, но благородному народу, столько сил и крови отдавшему в борьбе за независимость!

Армянин. Не вижу связи.

Мужик. Так не нальешь?!

Армянин. Не налью.

Мужик. Нет, ты скажи мне честно: ты действительно армянин или так – жади-на-говядина?

Армянин (подумав). И то и другое!

ОПЦИИ И ФУНКЦИИ

Покупатель. Скажите, продавец, этот телефонный аппарат в полиэтиленовом пакете будет работать?

Продавец. Конечно будет.

Покупатель. Но тут нет инструкции...

Продавец. Зачем вам инструкция? Вы что, никогда не звонили?

Покупатель. Звонил, конечно. Но есть же разные опции...

Продавец. Что?

Покупатель. Ну, функции.

Продавец. Здесь одна функция.

Покупатель. А всякие там характеристики?

Продавец. Характеристики? Гудит.

Покупатель. И все?

Продавец. Цена хорошая.

Покупатель. Но тут даже не написали, где это изготовлено.

Продавец. И правильно сделали: если вы узнаете – никогда не купите.

ГОРЕ ОТ УМА

Покупатель. Скажите, продавец, этот чайный сервиз действительно немецкий?

Продавец. Нет, китайский.

Покупатель. А почему же там написано, что он немецкий?

Продавец. А что там написано?

Покупатель. Написано «Маде ин Германи». Это ведь что-нибудь значит.

Продавец. Да, значит. Это значит, что они умеют писать.

Покупатель. А для кого же они пишут, если все это неправда?

Продавец. Для таких, как вы, которые читают.

Покупатель (в отчаянии). Но как же узнать правду?

Продавец (гордо). А мы, продавцы, на что?!

СТЕКЛО ЕСТЬ СТЕКЛО...

Покупатель. Скажите, продавец, это стекло или хрусталь?

Продавец. Стекло, конечно.

Покупатель (восхищенно). А как вы отличаете?

Продавец. Очень просто: стекло есть стекло, а хрусталь есть хрусталь.

Покупатель. А-а... Понятно.

Продавец. Так берете?

Покупатель. Нет, что вы! Это же не хрусталь.

Продавец. Вам какая разница, если вы не различаете?

Покупатель. Стекло есть стекло, а хрусталь есть хрусталь!

Продавец. Но вы же все равно не различаете. И потом – стекло гораздо дешевле.

Покупатель (со вздохом). Знаю, знаю... Но я женат.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Покупательница. Скажите, продавец, идет мне эта шапочка?

Продавец. Да, очень идет. Она всем идет.

Покупательница (обиженным тоном). Я же вас не обо всех, а о себе спрашиваю.

Продавец. А я и говорю не о всех, а о вас.

Покупательница. Но вы только что сказали, что она идет всем.

Продавец. Да, идет всем, но вам особенно.

Покупательница. А зеркало у вас есть?

Продавец (вздыхнув). Было зеркало – разбили. Осталось маленькое, с машины – заднего вида.

Покупательница. Зачем мне заднего вида? Там у меня все в порядке. Мне спереди смотреть нужно!

КРОКОДИЛ ГЕНА

Покупательница. Продавец, сколько стоит этот пластмассовый Буратино?

Продавец (назидательно). Это не Буратино, это Чебурашка. У Буратины длинный нос, а у Чебурашки большие уши. Различать надо.

Покупательница (обиженно). А вас, случайно, не Геннадием зовут?

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Продавец. Покупайте мед, покупайте мед! Лучший на базаре мед!

Скептический покупатель. Почему вы так уверены, что ваш мед – лучший?

Продавец. Да сами посмотрите: где еще столько мух и ос летает?

ГАДАНИЕ С ГАРАНТИЕЙ

Молодой человек останавливается около гадалки, сидящей на каком-то ящике с надписью «Предсказываю будущее с гарантией!»

Парень. Как можно предсказывать судьбу с гарантией? Что значит – «с гарантией»?

Гадалка. Это значит, что предсказание обязательно сбудется.

Парень. Но как это можно гарантировать?

Гадалка. Я же гарантирую – значит, можно.

Парень. Но как проверить, ведь отсюда не видно.

Гадалка. Мне видно.

Парень. А мне?

Гадалка. Если б тебе было видно, зачем гадалка?

Парень. Но ведь проверить *сейчас*, что сбудется или не сбудется *потом*, невозможно?

Гадалка. Кто говорит, что сейчас: время пройдет – увидишь.

Парень. Тогда что за гарантии? Если не сбудется, что тогда?

Гадалка. Тогда я верну тебе деньги.

НОВЫЕ ИМЕНА

ГРАНИ МИРА...*Литературные миниатюры***МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ**

Она неожиданно проснулась. Что-то ее беспокоило. Поднялась и двинулась осматривать дом – комнату за комнатой, этаж за этажом. И почти успокоилась. Но когда открыла ванную комнату на первом этаже, ее обуял ужас: ее маленькие дети, почти бездыханные, убаюканные журчаньем воды, плавали в ванне. Вода еще держала их, на сомлевших лицах еще витали эйфорические отблески. Из крана продолжала хлестать вода. Дышать было нечем. Это, безусловно, были бы последние секунды их короткой, маленькой, хрупкой жизни... если бы не великий материнский инстинкт. Потом всю жизнь она не знала покоя. Увиденная тогда сюрреалистическая картина, как некая инородная субстанция, вьелась во все клеточки ее ошеломленного сознания, подсознания и тела. Она мешала ей жить, не давала расслабиться, испытывать удовольствие от жизни, которая была, между прочим, к ней весьма благосклонна. Однако она продолжала беспокоиться. И прежде всего за своих детей, ставших взрослыми, самостоятельными, вполне адекватными людьми, порой чересчур прагматичными, умеющими заранее просчитывать риски, а поэтому – благополучными. Им была непонятна ее вечная тревога, вечный страх за них. Они частенько подтрунивали над ней, не успевая осознать в постоянной погоне за жизненными благами, что мать нуждается не только в их сыновнем внимании и заботе, но и в элементарной психологической помощи, которая сняла бы ее вечные страхи, подарила бы радость жизни и дала бы счастливое успокоение. Сама она считала, что раздраенный мир ее семьи – копия, слепок того атомизированного современного общественного миропорядка, в котором каждый занят собой, созданием собственного жизненного пространства и достижением личного успеха, в котором нет места другому, ей – в том числе.

ХИРУРГ

Он давно не оперировал. К нему обратились с просьбой помочь, что было для него неожиданно. Он долго отказывался, но в какой-то момент все же позволил себя

Татьяна ОСИНА

Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных работ. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

уговорить: коллективная операция группы хирургов, коллективная ответственность, очень небольшой участок его работы и конкретной ответственности – в общем, минимальный риск. Он согласился. И это была ошибка, роковая ошибка, как оказалось впоследствии. Во время операции растренированность навыков сразу же дала о себе знать: он испытывал колоссальное напряжение. Не было обычной для него легкости, азарта, виртуозного владения скальпелем, острого ощущения полета, которое он всегда испытывал во время операции, – словом, всего того, за что он, собственно, и любил свою профессию. Она была для него творчеством, его радовал не только успех операции, но и сам процесс. А сейчас в какой-то момент он даже замешкался, не смог ухватить суть, «зерно» своего микрохирургического вмешательства. Поэтому в его действия закрался момент случайности. В какие-то доли секунды он действовал неуверенно, непредсказуемо. Потом, после операции и год спустя, он анализировал ее катастрофические последствия. Пациентка лишилась ноги прямо на операционном столе, а через год во время родов, которые ей были абсолютно противопоказаны из-за той злосчастной операции с его участием, она погибла. Он чувствовал, понимал, в конце концов, знал: это было спланированное самоубийство – она не оправилась от пережитого шока, так и не приняла своего увечья.

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

Женщина умерла. Врач «скорой помощи» уже не смог ей ничем помочь и вынужден был констатировать смерть. Комната быстро заполнилась людьми. Немолодой мужчина, свидетель ее мученической смерти и долгой жизни и ее давний друг, поведал удивительную историю ее жизни и смерти. Она все знала заранее: когда, где и как уйдет. И поэтому последние годы жила счастливой, наполненной, сознательно проживаемой жизнью. Еще в детстве ей нагадали день ухода. Она не поверила, отмахнувшись, и жила бесшабашно. Тем более тогда, в том далеком детстве, ей сказали, что это не настоящий срок: смерть отступит и через десять лет придет за ней вновь, и этот приговор будет уже окончательным. Когда это случилось в первый раз, она, вступив в азартный поединок со смертью, боролась. Смерть наблюдала, выжидала, тихо подкрадывалась и, уже почти настигнув, вдруг неожиданно и тихо отползла и скрылась. Пройдя через такое испытание, женщина вспомнила давнее пророчество и возрадовалась. Ей был дан шанс – целых десять лет, целая вечность! Она мудро пользовалась подаренным ей временем: каждую минуту, каждую секунду отпущенной ей жизни проживала радостно. И вот смерть пришла во второй раз. Женщина лежала на узкой кушетке – тоненькая, маленькая, высохшая. Она задыхалась. Каждый вдох давался ей с трудом: она с хрипом судорожно хватала ртом воздух и медленно – приседаниями-глоточками – выдыхала его. Мучительный вдох... и еще более мучительный выдох. Вдох-выдох, вдох-стон, бом, бом, бом... Коварная смерть отомстила ей за свое поражение, десятилетнее ожидание и взяла реванш – женщина умирала мучительно: судорожно хватала воздух, давилась, но вдохнуть так и не смогла – не успела...

караван истории

САДЫ ТЕМУРИДОВ

Сады Амира Темура, возведенные в период с 1378 по 1404 гг. в Самарканде и его окрестностях, до наших дней не сохранились. Известны лишь их местоположение и описание современников. Первые упоминания о садах Амира Темура встречаются в записях историков и поэтов того времени. По их свидетельству, в Самарканде было 12 роскошных садов и парков, в которых были изображения из жизни Амира Темура, сцены военных действий, портреты членов его семьи, родственников. В средние века некоторые сады были изображены в миниатюрах, в частности, гениального живописца Камалиддина Бехзада. По сохранившимся данным так же известно, что всего было возведено 14 основных садов. До наших времен дошли названия десяти из них: Боги Баланд, Боги Бехишт, Боги Давлатабад, Боги Дилкушо, Боги Джахоннамо, Боги Майдан, Боги Нав, Боги Чинар и Боги Шамол. В каждом был дворец и фонтаны. Пригороды Самарканда считались великолепной зоной отдыха, там располагались загородные резиденции – сады-дворцы, с удивительно роскошным природным ландшафтом. Во времена Амира Темура Самарканд буквально утопал в садах и дворцах. Этим садам-резиденциям были даны поэтические названия.

Сады были двух видов: чарбах – геометрически прямоугольные, каждая сторона примерно в один километр. По их территории протекали четыре ручья и разделяли сад на четыре равных части. Сады были окружены глинобитными стенами – дувалами. В четырех углах были минареты, а в центре сада располагался дворец. Ворота находились со стороны города. Второй вид садов не имел четких геометрических контуров, представлял собой естественные заросли. Где-то в углу такого сада располагались небольшие дворец и несколько шатров, а также фонтаны и водоемы. Этот вид садов отличался богатой растительностью и животным миром. Кроме больших садов, в окрестностях Самарканда располагалось еще несколько садов. Среди них наиболее известны Боги Булду, Боги Зогон, Боги Накши Джахон, Боги Амирзода Шохрух, Боги Диляфруз, Боги Шерон, Гулбаг, Богча, Лалазар, Бедана коруги, Чумчукчилик, Гозхона и другие.

Средневековый историк Хафиз Аbru в трудах о Самарканде упоминает, что «возведенный раньше из глины

**Нафиса
ГИЛЬМАНОВА**

Член творческого объединения при Академии Художеств Узбекистана, доцент, старший научный сотрудник-исследователь Ташкентского Архитектурно-строительного института. Автор многочисленных научных статей и пособий.

Самарканд Темур перестроил, возведя здания из камня». Парковые комплексы Темура были открыты для простых горожан, которые проводили там дни отдыха.

О красоте и роскоши загородных парков с дворцовыми сооружениями вокруг Самарканда ходили легенды. Они оказали огромное влияние на развитие садово-паркового искусства Востока, достигшего своего расцвета при Амире Тему-ре и достойно продолженного его потомками.

В загородных садах-дворцах Самарканда проводились приемы зарубежных послов, встречи с гостями, пышные свадебные церемонии и праздничные гулянья. Испанский посол Руи Гонсалес Клавихо, прошедший в загородных садах Самарканда почти весь сентябрь 1404 года так описывал их: «Целый месяц продолжались торжества с участием канатоходцев, шутов, кашмирских фокусников. Многочисленные жены Темура устроили

**Официальные приемы
Амира Темура в Балхе.**

большой пир, куда был приглашен и кастильский посол. Амир Темур, украсив столицу загородными садами, ввел дворцовый церемониал с торжественными приемами и всеобщими праздничными гуляньями». В октябре Клавихо был приглашен в ставку Темура и участвовал в праздничном торжестве, которое происходило в Кани Гиле под Самаркандом. «Здесь, на берегу реки Обирахмат, по случаю празднеств был построен городок из 15 тысяч шатров, юрт и навесов. В центре размещался шатер правителя, поблизости шатры его сыновей и жен, далее шатры визирей, военачальников и приближенных государя.

Амир Темур был буквально охвачен лихорадкой разбивки таких дворцов-садов в округе Самарканда, где их было создано целых 20. Здесь он пребывал в недолгие периоды по возвращении из очередного похода».

Археологи В. Л. Вяткин, М. Е. Массон и У. Алимов определили местоположение большинства этих садов, хотя они уже давно разрушены, а строительные и декоративные материалы расхищены. Названия этих садов приведены восточными авторами, а некоторые упоминаются у Клавихо, например, сад Боги Дилкушо.

Сад Боги Дилкушо (Сад, развлекающий душу) находился в пяти километрах к юго-востоку от Самарканда справа по дороге, ведущей в Пенджикент, вблизи кишлака Хиндуван. Он был возведен в 1397 году в честь одной из жен Темура – Тукалханум, окружен глинобитной стеной длиной в 900 метров. В сад можно было попасть через четыре входа, в центре сада был трехэтажный дворец. Стены дворца были украшены миниатюрами из походов Темура. Именно в этом дворце Сахибкиран принимал испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо. На месте этого сада сегодня находится кишлак Дилкушо.

На одной из миниатюр изображен Темур на пиру. Эта миниатюра из книги Зафарнаме. Вероятно, изображен сад Боги Джахоннамо (Сад зеркала мира). Он находился в 42 километрах от Самарканда у подножия Зарафшанского хребта, был возведён в 1398 году. Здесь находились небольшая крепость и дворец. Этот сад упоминается в книге историка и поэта Шарафуддина Али-Язди – Зафарнаме, где написано, что сад «был таких огромных размеров, что потерявшаяся лошадь была найдена только через шесть месяцев».

Сад Боги Майдан (Центральный Сад) находился в северо-восточной части

**Темур на пиру. Миниатюра
из книги Зафарнаме.**

Самарканда, у подножия возвышенности Чупан-ата. По историческим источникам, в саду находился большой айван, а в нем трон, украшенный драгоценными камнями. Позднее Бабур так описывал его: «В середине этого сада он [Улугбек] построил высокое здание. На четырех углах здания выстроил четыре минарета, и только через них можно попасть было во дворец...» До сих пор это место называется Боги Майдан.

Сад Боги Нав (Новый сад) был возведен в 1404 году в южной части Самарканда, имел четырехугольную форму и был окружен глинобитными стенами (дувал), по углам находились минареты, в центре дворец и большой водоем (хауз). В настоящее время на месте этого сада находится кишлак Лолазор.

Сад Боги Чинар (Сад чинар) был возведен в 1397 году и находился к юго-востоку от местности Конигол. В саду в основном росли чинары, поэтому сад и был так назван. В центре сада находился крестообразный дворец. В настоящее время на месте этого сада возвышенность Куш Тамгалик.

Сад Боги Шамол (Сад ветра) в западной части Самарканда был возведен в 1404 году в честь внуки Темура, дочери Мираншаха. В центре сада находился четырехугольный дворец, стены которого были отделаны мрамором, а нижняя часть стен – древесиной черного цвета и слоновой костью. В настоящее время местность, где находился этот сад, до сих пор называется Боги Шамол.

Сад Боги Баланд (Высокий сад) находился в северо-восточной части Самарканда, около мавзолея и возвышенности Чупан-ата. Возводили сад мастера из Ирана и Азербайджана.

В 1378 году в честь жены Темура – Туман-аки (Хайруннисо) – возведен Боги Жаннат (Райский сад). Древний историк Шарафуддин Али-Язди писал, что «сад был окружен стеной хандак, а на верху искусственной возвышенности находится дворец из тебризского белого мрамора. Во дворец можно было попасть по висячему мосту. В одной части сада находилось место для различных животных».

Сад Боги Давлатабад (Сад благоустроенного государства) находился в 13 километрах к югу Самарканда. Был возведен и дарован Темуру в 1399 (в некоторых источниках 1396) году после его возвращения из индийского похода. Сад был окружен глинобитной стеной, по нему протекали многочисленные ручьи, там были четыре водоема (хауза) и дворец. Сад располагался на искусственной высоте высотой в 12 метров, и попасть в него можно было по двум висячим мостам.

Кроме садов, в окрестностях Самарканда располагалось множество роскошных шатров, «большая часть которых располагалась по берегу реки. Они были очень красивы на вид и стояли близко один к другому. Посланников провели по улицам, где продавались разные вещи...». Послов разместили под навесом, изготовленном из льняной ткани и украшенном разноцветными кусочками из ткани. Навес «был длинный, поднят на двух палках и натянут на веревках», – свидетельствовали каспийские послы.

Шатры у многих народов Средней Азии, где постоянно соседствовали бытовые черты земледельцев и скотоводов-кочевников играли особую роль. Наряду с простейшим типом шатра, основанного на двух-трех стойках с накинутым поперх

войлоком или плотной шерстяной тканью, в среднеазиатском мире существовал высокосовершенный тип сборно-разборного жилища – юрта. Позже идея юрты была перенесена в городскую среду и частью преобразована в архитектуру сборных павильонов. Городские ремесленники, восприняв идею шатра, усложнили ее конструктивный остов, обогатили применением расшитых кроющих тканей и ковров. Разнообразие и красота шатров и павильонов, увиденных в Самарканде, поразили Клавихо, который и раньше видел немало мавританских шатров. Клавихо упоминает: множество шатров, натянутых на веревках, покрытых алым бархатом и иными тканями, с нашитыми поверх серебряными медальонами или узорными аппликациями. И еще он упоминает, что в оформление одного из них входили позолоченные фигуры орла и соколов, приготовившихся к полету, рассказывает о венчании столбов луной и яблоком (очевидно, воспринятым в эпоху ислама древним символом луны и солнца). Павильонов при Амуре Темуре было 104.

«Сад преданости», созданный Бабуром в Одинапуре.

Садовый павильон Чинни-хана (Китайский павильон) – обычно квадратный, на 4 тонких стойках, с плоским потолком и фигурным карнизом, иногда увенчанный башенкой, являлся небольшим садиком в «Богче» Улугбека. Фрагменты плиток, использованных для украшения, были найдены при археологических раскопках и хранятся в Самаркандском краеведческом музее.

Традицию градостроительства и садоводства продолжали потомки Темура – Шахрух, Улугбек и Бабур.

Конец XIV – начало XV в. являют вершину среднеазиатского искусства. Темурид Захириддин Мухаммад Бабур отмечал, что в эту эпоху «целью и стремлением каждого, занимающегося тем или иным делом, было одно – довести это дело до совершенства». И он на самом деле довел до совершенства начатое его прадедом Амиром Темуром строительство великолепных дворцов уже в Индии, в эпоху Бабуридов.

В крупных городах – Дели, Агре, Лахоре, Девалпуре Бабуром были заложены сады и парки с декоративными растениями. Характерно, что при планировке садов Бабур применял среднеазиатскую систему чарбаг, по которой сооружались сады и парки Темуридов.

В садах, разбитых в Индии, Бабур впервые применил опыт по выращиванию среднеазиатских дынь и винограда. Один из индийских учёных, давая оценку деятельности Бабура, писал, что победа при Панипате Захириддина Мухаммада Бабура заложила фундамент Великой Бабуридской империи в Индии, которая по своей пышности, моши и культуре осталась величайшей империей в мусульманском мире и могла даже соперничать с Римской империей.

литературоведение. литературная критика

МОДИФИКАЦИЯ СОНЕТА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЖАНРА

Сонет относится к одной из так называемых твердых стихотворных форм. «Твердые формы стихотворений состоят из строго определенного количества стихов с заранее заданным расположением рифм».¹ Помимо формальных признаков за сонетом закреплена определенная тематика и культурный аспект: обычаи и традиции. Эти важные признаки сонета складывались веками в творчестве многочисленных поэтов-сонетистов, т. к. сонетный жанр имеет многовековую историю становления и развития.

Поскольку структурные принципы в жанровой характеристике сонета являются определяющими, это позволило литературоведу О. И. Федотову назвать сонет жанрово-стирофическим образованием.²

Элстер Фаулер в своей книге «Виды литературы. Введение в теорию жанров и стилей» считает, что жанр представляет собой неотъемлемую часть значения литературного произведения, поэтому ни одно стихотворение не может быть в достаточной мере проанализировано без знания и учета его жанровых особенностей. Жанр является своего рода интерпретационным средством анализа лирического произведения. Фаулер отмечает, что жанры нельзя рассматривать как строго организованную и упорядоченную систему, их необходимо рассматривать с диалектической позиции, так как они всегда находятся в процессе преобразования и изменения. С течением времени любой литературный жанр непрерывно модифицируется и трансформируется. Автор отмечает, что произведение приобретает особую значимость благодаря тем признакам, которые не соответствуют традиционным канонам, принятым для жанра, в котором оно написано. Именно отличие от общепринятых норм представляет особый интерес для исследователя.

Фаулер пишет, что в связи с тем, что жанры трансформируются в процессе своей эволюции, более точным для них

**Канимкул
ТАДЖИЕВ**

Родился в 1945 г. Окончил Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков (ныне УзГУМЯ), литературовед. Автор многочисленных статей и учебных пособий по англо-американской литературе.

¹ Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение / В. Е. Холшевников. – М.: Издательский центр Академия, 2004. – 208 с.

² Федотов О. И. Основы теории литературы: в 2 ч. Часть 2 / О. И. Федотов. – М.: Гуманит. изд. Центр Владос, 2003. – 240 с.

определением являются «типы» или «виды». Он приводит аналогию с семьей: «... можно считать, что произведения, относящиеся к одному и тому же жанру, образуют семью, представители которой связаны друг с другом различными способами, наличие одной общей черты, присущей для всех членов этой семьи, является необязательным»¹. В каждом жанре или виде присутствует определенный набор возможных признаков и особенностей. В произведении могут не присутствовать все эти особенности, но если имеются основные, находящиеся в различных сочетаниях друг с другом, то оно может быть отнесено к жанру, для которого эти признаки характерны. Черты, свойственные тому или иному жанру, делятся на связанные с формальным аспектом, касающиеся структурных элементов: формы, композиции, размера, и содержательным, связанным с традициями и обычаями, тематикой, проблематикой, идеей.

Возможны существенные вариации произведений одного жанра, зачастую включающих элементы других жанров. Такие заимствованные элементы создают внутрижанровые разновидности. В качестве примера можно привести элегический сонет, в котором внешняя форма соответствует сонетной, но в то же время присутствуют содержательные элементы, характерные для жанра элегии.

Фаулер отмечает, что помимо внутрижанровых разновидностей существуют также и поджанры. Он говорит, что в поджанрах сохраняется форма, присущая жанру, но добавляются дополнительные содержательные элементы.² Поджанры сонета в свою очередь делятся на определенные подгруппы. К примеру, так называемый «елизаветинский сонет» (сонет, написанный согласно английской сонетной модели и достигший расцвета в XVI веке, основной темой которого было выражение романтических чувств поэта к своей возлюбленной) делится на поджанры. К ним относится блазон – поэтическое произведение, которое восхваляет человека или предмет, детально описывая его и выделяя отдельные его черты. Появление таких второстепенных поджанров является результатом активной творческой деятельности многочисленных поэтов-сонетистов. При создании стихотворений, отличающихся от традиционных, авторы способствуют развитию жанра. Даже незначительное несоответствие классическому образцу ведет к трансформации этого жанра. Розали Коли в своей книге «Источники жанра» говорит о том, что автор свободно пользуется жанром, не ограничиваясь в своем творчестве временем его появления и его историей.

Один из самых ярких американских поэтов-экспериментаторов Эдвард Эстлин Каммингс, отходя от классических литературных канонов, создавал новые модификации жанра. Через отношение к жанру, которое прослеживается в некоторых критических работах об авторе, можно уловить его отношение к литературе в целом. В «Новом искусстве»³ он защищает современный новаторский подход к живописи, музыке и поэзии, отмечая, что в каждой из этих сфер искусства происходит заметная модификация образцов. По его мнению, все авторы должны опираться на опыт своих предшественников. Каммингс смело нарушал устоявшиеся нормы и правила, однако даже при написании своих самых ярких экспериментальных стихотворений он всегда основывался на литературной традиции. Каммингс считал, что только тогда, когда традиции и каноны по-новому освещены, может появиться новая, восхищающая читателей поэзия.

Процесс изменения и развития жанра обусловлен включением новых

¹ Fowler Alastair. *Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes* / A. Fowler. – Harvard University Press, 1985. – 368 p.

² Там же.

³ Cummings E. E. *A Miscellany Revised*. Edited by George J. Firmage / E. E. Cummings. – New York: October House, 1965. – 335 p.

аспектов, которые не соответствуют принятым для определенного жанра нормам. В свою очередь это обуславливает новые модели будущих авторов.

Эдвард Эстлин Каммингс был хорошо знаком с большинством традиционных поэтических жанров, на которые он опирался при создании своих экспериментальных новаторских произведений. Хорошее образование, широкая эрудиция, глубокое знание классической и современной ему литературы, ее теоретических основ обусловили широту интересов и новаторский подход к творчеству. Например, сборник «Тюльпаны и дымоходы» открывает произведение, написанное в жанре эпиграммы. Эпиграмма (epithalamion) – своего рода подражание тем произведениям, с которыми Каммингс познакомился ранее. Он был хорошо знаком с основными формальными аспектами сонетного жанра, поэтому стремился к обновлению и разнообразию жанра в своем творчестве. Выбор тем и сюжетов для некоторых из его сонетов обусловлен устоявшимися сонетными канонами, но поэт никогда не ограничивался ими, смело используя характерные черты других поэтических жанров.

Розали Коли говорит о том, что в жанре сонета изначально присутствует допустимость изменений: «...являясь строго определенным в своем размере и метрической структуре, сонет, тем не менее склонен к разнообразным изменениям в тематике, стиле, черты которых могут быть заимствованы из других жанров»¹. Однако не только этим объясняется интерес многих авторов к модификации сонетного жанра. Кроме того, что в сонете существуют тенденции к внутренней изменчивости, сами поэты всегда стремились вырваться из его оков, сделать сонет чем-то большим, чем позволяет его строгая форма. Этим вызвано наличие нескольких сонетных моделей и огромного числа вариантов произведений, написанных в этом жанре. Современный исследователь сонетного жанра Т. Н. Андреюшкина в своей монографии «Немецкоязычный сонет: эволюция жанра» так пишет об этом: «Взаимодействие жанров приводит к явлению контаминации, под которым мы понимаем объединение в одном стихотворении структурных и содержательных элементов двух или более жанров»². Такой поэт, как Каммингс, чье образование позволило проследить все периоды развития сонетного жанра, начиная с его зарождения, мог выбирать из огромного количества моделей и преобразовывать их в своем творчестве, следуя собственному поэтическому восприятию. Каммингс был уверен в ценности экспериментов в сфере искусства и, в частности, в поэзии, при этом не оставляя без внимания творческое наследие поэтов, создававших классические образцы того или иного жанра, и не утрачивая с ними связи.

¹ Colie Rosalie Littel. Resources of Kind: Genre-theory in the Renaissance. Ed. Barbara K. Lewalski / R. L. Colie. – Berkeley: University of California Press, 1973. – 128 p.

² Андреюшкина Т. Н. Немецкоязычный сонет: эволюция жанра: монография / Т. Н. Андреюшкина. – Тольятти: ТГУ, 2010. – 379 с.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

В РАМКАХ ГРАНТА...

22 сентября 2016 г. в Национальной библиотеке Узбекистана им. Алишера Навои состоялась презентация поэтического сборника «Над облаками мечты», включающего стихи уже известных и молодых авторов творческого литературного объединения «Истоки»: А. Е. Слонима, С. А. Демидовой, М. Якубжанова, А. Гвардина, С. Гордина, А. Симонова и др. Редакция «Звезды Востока», присутствовавшая на презентации, поздравила авторов сборника и отметила, что многие их произведения способствуют популяризации культурно-исторического наследия Узбекистана.

6 октября 2016 г. в Литературном клубе-музее «Мангалочий дворик» Анны Ахматовой при РЦНК состоялась презентация повести А. П. Устименко «Хмарь стеклянной Бухары», опубликованной в журнале «Звезда Востока» (№ 4 2016 г.). Автор рассказал об истории и мотивах создания повести, об использованных в работе архивных материалах, о роли и значении поездки С. Есенина в Туркестан, а также сделал краткий обзор русскоязычного литературного процесса в Узбекистане, отметил давние литературные связи «Восток – Запад» и их позитивное влияние на развитие культур.

27 октября 2016 г. в Национальной библиотеке Узбекистана им. Алишера Навои в рамках ежегодной информационно-библиотечной недели прошла творческая музыкально-поэтическая встреча с авторами журнала «Звезда Востока» «На крыльях слова и музыки» (модераторы – А. Слоним и К. Панченко), организованная редакцией журнала «Звезда Востока» и творческим коллективом ГАБТа им. А. Навои (ведущие солисты Н. Банделет, А. Юдина, аккомпаниатор Л. Слоним). В мероприятии приняли участие старейший сотрудник журнала А. А. Ершов, известный писатель Якуб Ходжаев, председатель Совета по русской литературе В. Г. Васильев, которые рассказали об основных этапах жизни журнала, продолжающего оставаться солидным литературно-художественным изданием, представляющим русскоязычный литературный процесс в Узбекистане и играющим немаловажную роль в популяризации культурно-исторического наследия Узбекистана посредством перевода современной и классической узбекской литературы.

Авторы журнала – Л. Юсупова, А. Гвардин, С. Гордин, В. Осадченко, А. Даниелян прочитали свои стихи, поэт-переводчик Н. Ильин рассказал об особенностях и трудностях поэтического перевода, о его роли в единении культур и представил вниманию присутствующих переводы стихотворений Миртемира, А. Арипова, Э. Вахидова, Сирожиддина Саййида, Икбола Мирзо и др.

10 ноября 2016 г. в Литературном клубе-музее «Мангалочий дворик» Анны Ахматовой при РЦНК состоялось обсуждение книги переводов произведений Алишера Навои «Сокровишница мыслей», изданной к 575-летию со дня рождения поэта и посвященной 25-летию независимости Республики Узбекистан. Редакция журнала «Звезда Востока» отметила, что в сборник включены в основном переводы узбекистанских поэтов – Н. Буровой, З. Тумановой, А. Файнберга, а также сообщила, что проделанная работа (составитель К. Панченко) – это начало проекта, предполагающего издание книги на 14 языках. В № 6 «Звезды Востока» вниманию читателей будет представлен перевод рукописи Алишера Навои «Муножот» («Мольба»), сделанный впервые ташкентской переводчицей Динорой Азимовой с комментариями академика А. Каюмова.